ЯРОСЛАВ ГАЛАН

В. Беляев.
А. Елкин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В предлагаемой читателю книге речь пойдет о жизненном пути Галана Ярослава Александровича (1902—1949), украинском советском писателе.

- Владимир Беляев, Анатолий Елкин
  -
  - От авторов
  - Юность — время борьбы
    -
    - «Спокойствие — душевная подлость…»
    - «Я получил возможность заглянуть в лицо фашизма…»
    - О первой любви, перешагнувшей года
  - Свет с востока
    - «Закон, против которого бессильны Гитлеры…»
    - Человек, который не умеет жить спокойно
    - «Революции нужны не мученики, а герои…»
  - «И вечный бои!..»
    -
    - Через ложь и трагедию
    - «Тысячи улиц, тысячи верст… провокация»
    - Легенда о Божене Шрамек, или два Львова
  - «Цель — фашизм»
    -
    - Фронт в эфире
    - «Глаза смятенной Европы»
    - «Слишком многое накипело на сердце…»
  - «Легче было бы в рукопашной!..»
    - Против апостолов предательства
    - С крестом или ножом!
    - Тучи над городом
    - «И снова поднимаясь в атаку…»
  - Великий гражданин
    -
    - Убийство на Гвардейской
    - Глава о любви и ненависти
  - Основные даты жизни и творчества Ярослава Галана
  - Краткая библиография
    - Основные сочинения:
    - Литература о жизни и творчестве Ярослава Галана:

Владимир Беляев, Анатолий Елкин Ярослав Галан

Я и в дальнейшем, как и теперь, буду выполнять свой классовый долг и беспощадно бороться с явным и тайным фашизмом.

Ярослав Галан

От авторов

В его жизни не было мирных дней. Полыхали войны, руинами и пеплом оставляли на земле свой след нашествия, обманчивая тишина оборачивалась выстрелами из-за угла — пламенем суровых гроз освещена эта биография. Он мог бы дать себе короткую передышку, но фронт всегда пролегал через его сердце. Таким прошел Галан по земле — через застенки панских тюрем, под пулями полицейских карабинов, по фронтам Отечественной, в схватках с националистическими бандами. Что бы ни писал он — пьесы «Под золотым орлом», «Любовь на рассвете» или огненные, разящие насмерть памфлеты, он оставался солдатом, коммунистом, воином. Одно убеждение вело его перо: «Я и в дальнейшем, как и теперь, буду выполнять свой классовый долг и беспощадно бороться с явным и тайным фашизмом».

Этой клятве он оставался верен до последнего дыхания, когда упал, как солдат в бою, сраженный предательским ударом…

Галан не написал сколько-нибудь развернутой автобиографии. И сведения о его жизни чрезвычайно скупы в его книгах.

Работа биографов, и наша в том числе, была бы невозможна без воистину огромной помощи родных, друзей, знакомых Галана, работников многих архивов, партийных, советских и литературных организаций. Всем им мы приносим глубокую благодарность.

Не наша вина, что кое-где в этом повествовании и нам приходилось обращаться к жанру памфлета: книги Галана и сегодня воюют, нанося и принимая удары. И сегодня вокруг имени Галана ведется ожесточенная борьба, в которой националисты и реакционные клерикалы используют все средства — от клеветы до подтасовки фактов. Что же — это еще одно свидетельство того, как далеко смотрел Галан вперед и как точно в цель направлял свой огонь.

Творчество Галана бессмертно, как бессмертно знамя пролетарского интернационализма, под которым он гордо прошел огненный трудный свой путь.

Юность — время борьбы

Рука человека едва может достать ветви дерева, а своим лбом он хочет коснуться поверхности звезд.

С. Марешаль

«Спокойствие — душевная подлость…»

Славко с нетерпением ждал вечера.

Привычки в их семье складывались годами. Вот сейчас отец переступит порог, обязательно спросит: «Ну, как жизнь, Ярослав Александрович? Что вы сегодня сделали для бессмертия?..» Будет долго плескаться у старого рукомойника в передней, и так же долго просматривать газеты, угрюмо комментируя события, и еще час-другой тихо дремать на диване.

Интересное начиналось потом. Чтение. Отец или мать по очереди читали то «Войну и мир», то романы Тургенева, то поэмы Пушкина.

Вечера, как близнецы, были похожи друг на друга. Да, собственно, и чем можно было заняться, когда по стеклам изо дня в день уныло барабанили нудные осенние дожди, а, кроме памятника прославленному королю Ягелло на площади Рынок, в Дынове не было абсолютно ничего, что бы могло остановить внимание не только аборигена тамошних мест, мелкого чиновника Александра Михайловича Галана, но даже «свежего», приезжего человека.

— Боже мой, — тоскливо вздыхал отец за вечерним чаем. — Где-то люди ходят в театр, бывают на концертах, живут полнокровно и одухотворенно! Милан, Париж, Санкт-Петербург! А наш Дынов! Послушай, сынку, — обращался он к Славко, выпив одну-две рюмки сливовицы. — Послушай, что ждет «любознательного путешественника», как любят говорить господа из рекламного бюро, в нашем богоспасаемом граде!

Отец брал со шкафа потрепанный, купленный им где-то по случаю путеводитель и нараспев, явно издеваясь и куражась, начинал читать уже почти наизусть знакомые Ярославу строки: «Местечко Дынов расположено в 49 километрах от города Перемышля и удалено от вокзала на расстояние одного километра. Проезд извозчиком стоит одну крону. В Дынове 3100 жителей, среди них 1600 поляков, 1450 евреев и 50 русинов. В постоялых дворах Яна Кендзерского и Иоанны Тулинской можно переночевать. Есть буфет… Городок был ранее окружен валами, остатки которых сохранились. На площади Рынок возвышается памятник королю Ягелло. Местный костел построен еще в XV веке на средства Мальгожаты Ваповской и сгорал дважды, поджигаемый татарами и венграми Ракочи… Красивы окрестности в долине реки Сан, которая сворачивает отсюда через Дубецко и Красшшга к Перемышлю, образуя под Слон-ным причудливый овраг. В окрестностях нефтяные скважины и

угольные шахты. Двенадцать раз в год собираются в Дынове обильно посещаемые ярмарки».

— И в этой дыре, — комментировал отец, — ты, мой друг, в исторический для тебя день двадцать седьмого июля 1902 года умудрился родиться… Родиться, — поучал, все более хмелея, отец, — родиться, дорогой, — это проще всего. Как жить? Вот в чем вопрос, как говорил принц датский… Единственные мои друзья! Вот они. — Глаза отца увлажнялись, когда он осторожно, с несвойственной ему нежностью трогал корешки книжек. Переплетенные комплекты «Нивы» и «Родины», томики Толстого, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, «Кобзарь» Шевченко. Тусклым золотом отсвечивали солидные тома «Энциклопедического словаря».

Славко всегда казалось невероятным, что один человек может прочесть такую уйму книг.

— Разве это уйма! — Отец положил свою руку на его плечо. — Я даже завидую тебе, сын. У тебя знакомство со всеми этими и многими, очень многими другими книгами еще впереди. Это ни с чем не сравнимо. Это словно самому прожить тысячу жизней…

Когда отец говорил о книгах, он преображался. Казалось, что в душе этого угрюмого, деспотичного человека раскрывались неведомые тайники, которые он ревниво охранял от всех, кто мог прикоснуться к ним холодным, равнодушным словом.

Это случилось вскоре после его, Славко, дня рождения.

В тот вечер традиционного чтения не было. Славко и сестру Стефу ранее обычного уложили спать. Съежившись под одеялом и притворяясь спящим, Ярослав прислушивался к голосам, доносившимся из другой комнаты:

— Что будем делать, мать? Дальше тянуть нельзя… Ярославу исполнилось семь. Нужно подумать о его будущем.

— Как-то страшновато, Саша, все сразу менять. Вроде бы обжились, устроились. А теперь — начинай все сначала.

— Но в Дынове нет школы. Не расти же ему неучем.

— Это правда, — вздыхала мать. — Но куда же нам ехать? И как у тебя все сложится со службой?

— Была б шея, хомут найдется! — мрачновато пошутил отец. — Я думал о Перемышле. Все-таки и ты оттуда родом. И знакомые там есть. Легче будет обживаться.

Конца разговора Славко не слышал. Он уже ехал с отцом и матерью на подводе, нагруженной баулами и чемоданами. Навстречу им спешил на гремящем фаэтоне веселый пан, решивший развлечься от праведных трудов во Львове. По обочинам шляха тянулись то золотое море хлебов, то жалкая

поросль на клочковатых взгорьях, разделенная поросшими лебедой межами и походившая на лоскутное одеяло. На одном из бугров крестьянин пахал на корове, и проходивший мимо упитанный ксендз торопливо благословил тяжкий труд раба божьего.

Потом показались мутные воды Сана, и Славко узнал места, где они бродили с отцом, направляясь на охоту. Вот у тех белых монастырских построек они останавливались перекусить и отдохнуть. Разглядеть толком монастырское подворье Славко не успел: и поля, и бурая корова, запряженная в плуг, — все тронулось серой дымкой, закружилось, как в калейдоскопе, звуки и голоса пропали, а на смену всему этому пришли спокойная тишина и небытие.

Славко спал.

Вначале между Ярославом и классом Перемышльской начальной школы наметилось нечто вроде «полосы отчуждения». Виноват в этом был он сам.

Ярослав Домарадзький, крепыш с соседней парты, первым предложил ему дружбу. Подошел вразвалку на перемене и отвел к окну.

— Послушай, что это ты все время околачиваешься на Сане или за книгами сидишь? Скука!.. И мне скучно, — откровенно признался он. — Сыграем в ловитки?

— Что я — собака, — пожал плечами Славко, — чтобы бессмысленно бегать. Вот если ты играешь в шахматы — давай. С удовольствием.

— В шахматы скучно. Сиди и думай…

— Человек тем и отличается от теленка, что все время думает, — отрезал Славко.

— Ну как знаешь…

Видимо, об этом разговоре в классе стало известно. Галана оставили в покое, а когда не хватало человека для какой-либо игры, безнадежно махали рукой: «Не связывайся с ним. Он тебе в шахматы сыграть предложит…»

Но однажды все изменилось.

В классе появился новенький.

— Как зовут? — немедленно поинтересовался задира Василь, никогда не имевший понятия, куда девать распиравшую его энергию.

Появление новичка было для него сущим кладом и сулило великие перспективы для весьма остроумных комбинаций. Новичок — Михайло — был из села. Говорил тягуче и медленно, вытаскивая каждое слово, как ведро из глубокого колодца.

— Значит, Михайло, — радостно констатировал Василь,

предвкушая редкое зрелище. — А чем ты, Михайло, собираешься здесь заняться?

— Уч-чит-ться, — затравленно выдавил парень.

— «Уч-чит-ться»! — передразнил Василь. — А что ты уже знаешь?

Выяснить сей жгучий вопрос Василь не успел: в класс вошел учитель.

Просмотрев журнал и увидев незнакомую ему фамилию, он осведомился:

— Новенький? Пожалуйте к доске… Посмотрим, как говорится, чем ты дышишь…

Михайло поплелся к доске.

— Знаешь ли ты, что завещал нам Иисус?.. — благочестиво начал учитель.

— Бриться по утрам и не сморкаться пальцами, — мгновенно подсказал Василь, сложив ладони рупором.

Михайло машинально повторил ответ.

Класс грохнул.

— Ты, ты… издеваться! — взвился учитель.

— Я… Я… не хотел… — начал было оправдываться Михайло.

— Прощаю только на первый раз, — изрек позеленевший от ярости учитель. — Только на первый… Но двойку ты заслужил. Да, заслужил. — И он жирно вывел против фамилии ученика столь обожаемую школярами цифру.

На другой день на вопрос о делении и сложении чисел Михайло по подсказке Василя доверительно сообщил учителю, что «науке сие неизвестно».

На перемене к Василю подошел Галан.

— Это подло, — процедил он сквозь зубы. — Понимаешь, подло!.. Если бы так ты ответил сам. Но ты пользуешься тем, что Михайло тугодум… И потому — это, повторяю, подло. Если такое еще раз повторится, тогда…

— Что тогда? — Василь схватил Ярослава за ворот рубахи. — Угрожать вздумал?..

В воздухе явно запахло дракой. Василя и Ярослава окружили ребята.

— Дай ему раз, — посоветовал кто-то Ярославу.

— Я ему дам, — взбесился Василь. — Я ему…

Он не успел закончить фразы, как, сбитый резким ударом Галана, полетел в угол. Мгновенно вскочив, он яростно бросился на противника. Василь вновь оказался на полу.

— Я тебя предупредил, — тихо сказал Ярослав и вышел из класса.

Два дня они не разговаривали. На третий Василь сам

подошел к Галану.

— Давай мириться! Я не прав… И ребята за тебя. Не со зла я это… Просто пошутить захотелось.

— Так не шутят.

— Знаю. Потому и пришел.

Но клокочущая в Василе энергия не могла долгое время оказываться запертой в его тщедушном теле. Она требовала выхода, и жертвой Васькиных происков стал на этот раз отец катехит — законоучитель.

Обнаружив неожиданно для «святого отца» удивительное желание изучить все премудрости слова господня, Василь задавал несчастному пастырю один вопрос каверзнее другого.

— А может ли бог заболеть насморком?

— Любит ли святой Петр пиво?

Класс стонал от удовольствия.

Терпение пастыря кончилось, когда Василь с невинным видом спросил:

— Скажите, святой отец, умеет ли папа римский ездить на велосипеде?

Отец катехит побагровел и от негодования лишился дара речи.

— Что ты, — подлил масла в огонь Галан. — Папе не к лицу ездить на велосипеде. Он на аэроплане летает…

Класс грохнул от хохота. О том, что последовало за этим, ни Василь, ни Ярослав вспоминать не любили.

«Святому отцу» казалось, что во вверенном ему «стаде» наведено подобающее его званию, занятию умиротворение, однако пострадавшие вынашивали зловещий план мести. И когда однажды на уроке Галана спросили: «Почему святого отца зовут Пием?», Ярослав счел, что желанная минута мести настала. Как можно более простодушно он ответил:

— Потому что святой отец любит выпить…

«Не успел я опомниться, — рассказывал Галан, — как мой живот очутился на поповском колене, а священная розга высекла на моем теле десять заповедей.

Господь не наделил меня смирением, и, очевидно, потому, вернувшись домой, я еще с порога крикнул матери:

— Плюю на папу!

Никто, кроме матери, этого не слыхал, но, видимо, вездесущий бог донес своему римскому наместнику, ибо с тех пор греко-католическая церковь начала против меня „холодную войну“.

И не только против меня…»

Даже названия улиц столицы Галиции Львова (улица

Сакраменток, Доминиканская, Францисканская, Терцианская, Святого Мартина) говорили о бесчисленных католических орденах, которые с давних времен заполонили многострадальную Западную Украину. Ватикан имел в соседнем с Перемышлем Львове три митрополии: римско-католическую, греко-католическую, армяно-католическую. Им принадлежали огромные массивы земли. Иезуитам была отдана вся система просвещения в стране, и они ревниво следили за тем, чтобы никакое «свободомыслие» не могло проникнуть «в души юной паствы». Имея в виду собор святого Юра — резиденцию митрополита Шептицкого, главы греко-католической церкви на Западной Украине, — друг Галана поэт А. Гаврилюк не без иронии констатировал сие прискорбное обстоятельство: «Лишь Юр угрюмый ненароком шпионит иезуитским оком, следя повсюду, чтобы бес в печать и в школу не пролез». Галан с ненавистью вспоминал впоследствии о годах пребывания в Перемышльской начальной школе.

Перемышльскую начальную школу опекали «святые отцы» из монашеского ордена василиан. «Василиане, этот украинский вариант иезуитов, — писал позднее Галан, — были ненавистны украинскому народу, как наивернейшие прислужники магнатов и папы. Они были авангардом в походе католицизма на Восток. Они были наижесточайшими мучителями украинского народа». Василиане на все лады ругали Россию, русский народ, русскую культуру, они стали духовными отцами украинского национализма. Детям в школе они прививали шовинизм, невежество, покорность. На верху всей этой многоступенчатой церковной лестницы стоял глава греко-католической церкви в Галиции митрополит Андрей Шептицкий — фигура в высшей степени колоритная.

Этот достойный служитель церкви был одним из самых богатых помещиков Галиции. Среди поклонявшихся ему не было никого, кто недооценивал бы этот факт. Умел использовать его и сам митрополит. Делегации, посещавшие митрополита, всегда чего-нибудь да просили. «Для каждого из них находилось у Шептицкого доброе слово, — писал Галан, — подкрепленное соответствующей цитатой из евангелия, и пастырское благословение. Шкатулку граф открывал часто, но с толком, рассудительно. Охотно подавал материальную помощь талантам, еще охотнее — учреждениям…»

Впоследствии Шептицкий станет главным акционером банка и негласным совладельцем многих предприятий, в первую очередь тех, которые превращают деньги в политику. Он построит лечебницу и музей, создаст фонды на покупку церковных

колоколов, а финансируемые им газеты и журналы добросовестно будут петь хвалу своему благодетелю. Словно удельного князя, окружит его придворная плеяда литераторов и художников, благоговейным шепотом произносящих имя своего мецената.

Митрополит умел пускать пыль в глаза, говоря о «святой и счастливой жизни галицийского хлебороба». А ленинская «Искра» в номере от 15 октября 1902 года писала о крестьянах Западной Украины, составлявших девяносто процентов всего ее населения: «Бремя налогов бросило их в объятия ростовщика, и скоро весь доход со своего жалкого участка стали они делить между кулаком и казной. Им самим и их семьям не оставалось ничего, и, чтобы хоть как-нибудь прокормиться, пришлось прибегнуть к продаже своей рабочей силы. Покупателем явился живший тут же под боком помещик». Помещик… То есть тот же граф Шептицкий.

Как и подобает милостью божией властителю, он вроде бы избегает прямого вмешательства во внутриполитическую борьбу, предпочитая роль арбитра. Правда, в решающие минуты граф теряет самообладание, и тогда устами митрополита говорит плантатор, не на шутку встревоженный нарастающей волной народного возмущения. Убийство студентом Мирославом Сечинским в 1908 году императорского наместника графа Андрея Потоцкого во Львове до такой степени взволновало Шептицкого, что он без малейшего колебания приравнял смерть Потоцкого к мученической смерти Христа. В то же время он не нашел в своем святом арсенале ни слова осуждения, когда жандармы Потоцкого зверски убили ни в чем не повинного крестьянина-бедняка Каганца и его товарищей по борьбе за требование элементарных прав на труд и хлеб. А дети? На них-то и делали ставку иезуиты, стремившиеся воспитать из своих подопечных верных солдат католической церкви и австрийского императора.

Позже в памфлете «Плюю на пану» Галан вспоминал: «Каждое воскресенье учитель водил нас парами в церковь монашеского ордена василиан…. призывал любить императора Франца-Иосифа I и ненавидеть „москалей“, которых, говорил он, надо уничтожать под корень… Однако вместо того чтобы „бить“ москалей, пан отец, с легкостью бил нас, школяров».

Древние валы заросли лебедой и чабрецом, во многих местах обвалились, обнажая бурую кирпичную и каменную кладку. Здесь было тихо. Лишь жаворонок звенел в небе и пели в высокой траве кузнечики.

Если хорошенько порыться, на валах можно было найти немало сокровищ: стреляные гильзы, осколки, подчас и сломанный плоский тесак, а то и более старинный турецкий ятаган.

Но Ярослав забирается с приятелями сюда не для того, чтобы искать тронутые ржавчиной военные реликвии. Он уже гимназист, и заботы у него поважнее.

Иногда, как сегодня, он уходил к валам с другом Отто Аксером.

Садились где-нибудь в тени развалин и подолгу смотрели на гору. В голубоватой дымке жаркого полдня синели старые башни, острые шпили крыш.

— Интересно, сколько Перемышлю лет? — спросил задумавшийся Галан.

— Разное говорят… Во всяком случае, наш Перемышль — один из самых древнейших городов Галиции. В летописи Нестора он упоминается уже в 981 году.

— Мы с тобой в летопись не попадем. Это уж точно, — пошутил Галан.

Кто мог знать тогда, что пройдут по земле грозы и войны, придет 1961 год и жители Перемышля, празднуя тысячелетие со дня основания своего родного города, назовут одну из его улиц именем украинского писателя-коммуниста Ярослава Галана, а студенты, бегущие в педагогический лицей по тенистым аллеям парка королевы Ядвиги, будут знакомиться и с его, Ярослава, книгами.

— Книги принес?

— А как же, — Аксер улыбнулся. — Два сборника Ивана Франко. Только уговор: даю на три дня, не больше. Многие ребята просят.

Ярослав перелистывает переписанные от руки какие-то изжеванные тетрадки.

— Смотришь, что потрепанные? Они через десятки рук прошли.

— Кажется, из вашего класса кто-то попался?

— Не кто-то, а сразу десять человек. Заперлись в пустом классе и читали Франко. Здесь учитель их и накрыл.

— У нас то же самое, — буркнул Ярослав. — Только влипло меньше — шесть человек.

— Что с ними?

— Учитель в самую жестокую жару сажает их теперь на солнцепек. И еще издевается, гад такой! Говорит: «Ага! На концерте в честь Франко вы декламировали: „Мы стремимся к солнцу!“ Вот вам и солнце. Погрейтесь!..»

— Нужно как-то протестовать.

— Протестовать? Чтобы снова угодить на солнцепек? Не-е-ет! Мы этому гаду что-нибудь устроим. Чтобы век помнил и не смог узнать, кто его проучил.

…Есть люди, у которых развитие духовной жизни протекает особенно интенсивно с юности. Они завершают свой жизненный путь тогда, когда иные его еще только начинают. Вспомните, когда ушли из жизни Лермонтов и Полежаев — сколько лет им было! Каким зрелым человеком был в восемнадцать лет Александр Фадеев! В семнадцать лет Аркадий Гайдар командовал полком особого назначения.

…Проходит по земле человек. И когда станет он травами и цветами, воспоминанием и песней, когда время отобьет отпущенное ему судьбой, ясными становятся дали и расстояния пути, вехи которого — жизнь. Разные дороги выбирают люди. И след, на земле одного не похож на след другого. Есть, что оставляют после себя симфонии и сады, песни и звенящие под таежными ливнями трассы, книги и вздыбленные к небу домны. Ими украшается земля, ускоряется бег времени и истории.

Бывают и мотыльковые судьбы. Порой кажущиеся яркими. Но их бутафорский огонь никого не согрел, и от искры его не занялось ни одно сердце. За той далекой чертой, откуда никто не возвращается, продолжение пустоты бытия.

Для одних юность — время неопытности. Для других, как и для Галана, — время начала сознательной борьбы.

С Аксером Галан сблизился еще и потому, что отец Отто содержал в Перемышле небольшую музыкальную школу. К нему приходили учиться играть на цитре, мандолине и гитаре многие украинцы. Пришел и Галан, стал брать уроки игры на скрипке.

…Город словно готовился к празднику. Где-то в отдалении гремела медь военных оркестров.

— Опять парад? — Галан посмотрел на товарища.

— Сейчас увидим.

Едва они вышли на центральную улицу, как их остановил полицейский. Заняв всю ширину брусчатки, шли войска.

Отца арестовали ночью.

В дверь резко постучали; и когда мать, наскоро запахнув халатик, откинула крючок, на пороге появился усатый господин в штатском. За его спиной маячили фигуры двух австрийских жандармов.

Грубо отстранив мать, они вошли в комнаты.

— Александр Галан? — зло спросил усач.

— Да.

— Собирайтесь!

— Это какое-то недоразумение… В чем дело?

— Там, где надо, вам все объяснят. А недоразумения никакого нет. — Усач ухмыльнулся. — Какое тут может быть недоразумение. — Шпик открыл книжный шкаф. — Вся

литература москалей представлена… Врагов империи.

На пол полетели переплетенные комплекты «Нивы», «Пробуждения», «Родины», тома Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Льва Толстого…

Так отец Галана — австрийский чиновник, служака, педант, консерватор — оказался обвиненным в злостном умысле против правительства и «сочувствии к России».

Отца увели. Квартира после обыска — как после вражеского набега. Мать совсем заболела. Ярослав, пожалуй, первый раз в жизни почувствовал, что такое непоправимая человеческая беда.

Шел 1914 год. Австро-Венгрия готовилась к войне. Окруженный мощными фортами, сооруженными по последнему слову тогдашней военной техники, Перемышль был форпостом, нацеленным на юг России. В городах начались дикие расправы над мирным населением, симпатизировавшим России.

Об этих днях разгула национализма Галан даже через много лет не мог писать без отвращения и гнева: «Не было такого унижения, какого не испытывали бы тогда украинцы, заподозренные в симпатиях к России, и даже национальное имя их было предметом ненависти».

Он наблюдал такие «вещи, которые можно сравнить только с резней армян в Турции. В Перемышле среди бела дня 47 украинцев, в том числе и семнадцатилетний подросток, были зарублены гусарами».

Уже в самом раннем детстве Галан видел черно-желтые знамена Габсбургов с нашитыми на шелковых полотнищах изображениями хищного двуглавого черного орла, напоминающего злобного, рассерженного грифа. Под этими знаменами лихо гарцевали австрийские драгуны — в Перемышле проходили учения.

Легенды о неприступности фортов Перемышля старательно распространялись вперемежку с баснями об «австрийском рае» для галицийских украинцев. «У нас, и только у нас, — Пьемонт украинской культуры», — говаривали педагоги, состоящие на службе австрийского монарха, перемышльским школьникам и гимназистам, в числе которых был Галан. И звали юных галичан готовиться к тому историческому часу, когда они, «молодые орлы-самостийники», полетят в златоглавый Киев, к его золотым воротам, спасать большую Украину от гнета «москалей».

Среди людей, окружавших юного Галана, были и те, кто всерьез верил этой усиленно насаждаемой теорийке о «Галиции-Пьемонте».

При ликовании украинских буржуа из Галиции в соломенных канотье и черных котелках, мечтающих, как они станут со

временем министрами «всея Украины» под булавой украинского гетмана из династии Габсбургов — эрцгерцога Вильгельма, прозванного «Василием Вышиванным», рылся в тишине ночной в архивах историк Михаил Грушевский.

Еще в конце прошлого века гениальный Иван Франко показал, кто водил пером этого наемного историка. Купленный на немецкие марки и австрийские кроны, он исписывал килограммы бумаги, готовя духовную пищу для людей, обманутых украинскими националистами. Основной целью продажной жизни Грушевского стало вбивать клин между Украиной и Россией. Везде и всюду доказывал он, что еще задолго до Владимира Мономаха украинцы были куда ближе по духу, по родству… немцам, голландцам, бельгийцам, испанцам, нежели русским.

Через два дня после ареста отца мать Ярослава вызвали в гимназию.

Сухой, чопорный директор даже не пригласил ее сесть.

— Сожалею, пани, — официальным тоном медленно произнес он. — Очень сожалею… Но сын государственного преступника учиться у нас не может. Да, не может…

Он помолчал, тупо уставясь в огромный портрет императора, висевший напротив его стола, потом добавил:

— С завтрашнего дня ваш сын может быть свободным. — И, круто повернувшись, вышел из кабинета, оставив мать Галана наедине со своими невеселыми мыслями и своим горем.

Семью Галанов из крепости Перемышль выслали в Дынов.

И вот грянула война!

…Мальчишки-газетчики метались по улицам Дынова, потрясая пачками еще пахнущих типографской краской листов газеты «Земля Пшемышьска», и охрипшими голосами выкрикивали новости: «Бой под Владимиром-Волынским…», «Англо-французский флот атакует австрийские суда», «Австрийский броненосец „Эриньи“ потоплен», «Французы занимают новые пункты в Вогезах», «Германцы атакуют Динан», «Бои на австрийской границе при Краснике, Городке и Стоянове», «Германское наступление грозит Брюсселю», «Король и правительство переезжают в Антверпен…»

1 августа 1914 года Германия объявила войну России.

Ярослав видел — мать растерялась.

— Отец в Талергофе, — устало сказала она однажды, вернувшись из города. Села на кровать и заплакала.

Ярослав подошел, обнял ее за плечи.

— Не надо, мама!.. Слезами ничему не поможешь… Откуда ты узнала?

— Сказали в комендатуре.

— Ты там была?

— Да.

— Может быть, можно подать прошение?

— Кому?

— А что это такое — Талергоф?

— Концентрационный лагерь… Недалеко от Граца. Там много таких, как отец…

Едва прогремели первые залпы австрийских и русских орудий, по всей Галиции выросли виселицы. Поручики-аудиторы военно-полевых судов австро-венгерской армии зачастую приговаривали к смертной казни за одну найденную русскую книгу или газету, а уж если подсудимый с гордостью говорил: «Я русский!», а не «русин», как принято было в Австро-Венгрии называть украинцев и русских, то тем самым он подписывал себе приговор…

Времени у Ярослава теперь было предостаточно. Он ходил по улицам, изредка виделся со знакомыми ребятами…

Казалось, что более всех был озабочен в эти грозные дни судьбами своей паствы митрополит Шептицкий. Правда, озабочен на свой лад. Когда уже грохотали пушки на фронтах и тысячи жен и детей теряли своих мужей и отцов, одетых в солдатские шинели, он обращается к верующим с посланием: «Всем священникам… следует объяснить верующим и отслужить торжественную службу за самое успешное действие нашего оружия в настоящей войне».

Граф принимает делегацию за делегацией — все без исключения ультралояльные, до копчиков ногтей преданные Габсбургам и их государству. Появляются перед ним одетые в новые мундирчики первые украинские «сичевые стрельцы», по милости стареющего монарха организованные в отдельную воинскую часть. Князь униатской церкви осеняет их, желает им скорейшей победы во имя бога, Габсбургов и «родной Украины».

Но пока что события не благоприятствуют замыслам Шептицкого: русские войска подходят к стенам Львова. Митрополит решает остаться.

Казалось, ничто ему не угрожает. Митрополит не предполагал, что один из царских русских генералов, Алексей Брусилов, примет против него решительные меры.

Русская армия заняла Восточную Галицию, осадила Перемышль, а затем оттеснила австрийцев к Карпатам.

В книге «Мои воспоминания» генерал Брусилов рассказывает: «Униатский митрополит граф Шептицкий, явный враг России, с давних пор неизменно агитировавший против нас, по вступлении

русских войск во Львов был по моему приказанию предварительно арестован домашним арестом. Я его потребовал к себе с предложением дать честное слово, что он никаких враждебных действий, как явных, так и тайных, против нас предпринимать не будет. В таком случае я брал на себя разрешить ему оставаться во Львове с исполнением его духовных обязанностей. Он охотно дал мне это слово, но, к сожалению, вслед за сим начал опять мутить и произносить церковные проповеди, явно нам враждебные. Ввиду этого я его выслал в Киев в распоряжение главнокомандующего».

Шептицкий был вывезен в глубь России и там на правах почетного узника пребывал в Курске, Суздале, Ярославле почти всю войну.

С приходом русской армии Галаны вроде бы вздохнули: не нужно было уже каждый день опасаться за свою судьбу. Но вскоре тревога снова вошла в их дом: австро-германские войска под командованием Макензена в июне 1915 года прорвали фронт, русские войска уходили из Галиции.

— Что будем делать? — спросила мать, собрав в комнате Ярослава, Ивана и Стефанию. — Оставаться здесь я боюсь. Австрийцы вернутся — нам не простят настроений отца… Нужно уезжать.

— Куда? — вырвалось у Ярослава.

— Вероятнее всего, в Ростов. Или в Бердянск. В русской военной комендатуре обещали помочь. Не одни мы уходим — сотни. А сейчас собирайтесь. Возьмите только самое необходимое.

Ярослав положил в мешок две книжки и тетрадь с выписками. Больше ничего «самого необходимого» лично у него не было.

Впоследствии мать благодарила судьбу, что приняла твердое решение уехать.

После отхода русской армии из Галиции австрийские власти жестоко расправились со всеми заподозренными в симпатиях к русским. Было повешено и расстреляно свыше шестидесяти тысяч галичан! Многие тысячи жителей Галиции были сосланы в концентрационный лагерь Талергоф. Жестокости, творимые австрийскими жандармами в этом лагере, были чудовищны.

…А Галаны уже подъезжали к большому городу.

— Как он называется? — спросил Галан у железнодорожника, когда показалось массивное здание железнодорожного вокзала.

— Ростов, — ответили Ярославу.

Семью Ярослава называли в Ростове «беженцами». Но разве «беженцы» из Галиции были одноликой массой? Что думали они, увидев своими глазами порядки, осененные двуглавым

императорским орлом?

Друг Галана по Ростову-на-Дону инженер Е. Шумелда рассказывает: «Существующий тогда (в России. — В.Б., А.Е.) строй мы считали злом. В городе находилось немало беженцев из Галиции. Состав их и по политической принадлежности и по социальным убеждениям был разнообразным. Немало было среди них и националистов, ведущих активную работу среди украинского населения города. Воспитанный в духе любви и уважения к русскому народу, Галан не мог сочувственно относиться к такой пропаганде и говорил мне, — вспоминает Е. Шумелда, — что именно в Ростове им было воспринято и прочувствовано „родство с русским народом“».

Ярослав продолжает учебу в гимназии.

Товарищ Галана по Ростову-на-Дону, живущий сейчас во Львове, И. Ковалишин, раскрывает интереснейшие подробности жизни юного Ярослава:

«…Система преподавания латыни в нашей гимназии была такова, что уроки проходили неинтересно… Нам приходилось затрачивать много времени на зубрежку и заучивание на память длинных, скучнейших текстов, к тому же не всегда понятных ученикам… С такой методикой учителя трудно было ужиться живому, непокорному Галану. Он часто получал незаслуженные плохие оценки. Однако это имело свою хорошую сторону. Именно тогда, в гимназии, появились сатирические опыты Галана, в которых он высмеивал школьные порядки, схоластическую методику классической гимназии и особенно законоучителя — батюшку Аполлинария».

И еще одно немаловажное обстоятельство: будущий писатель значительно расширяет свое знакомство с русской литературой. Галан, учась в русской гимназии, постепенно изучает произведения Лермонтова, Пушкина, Крылова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Толстого, читает критические статьи Белинского, Чернышевского и Добролюбова, «Былое и думы» Герцена, знакомится с Горьким. Вдова Галана — М. А. Кроткова-Галан повторяет неоднократно: «Галан рассказывал, что с произведениями Горького и Салтыкова-Щедрина он хорошо познакомился еще в России, в Ростове-на-Дону, а Белинский с того времени стал его любимым критиком».

Дополняет картину письмо товарища Галана по Ростову — К. Божко: «Он часто бывал в театре, особенно восхищаясь чеховскими постановками. Его всегда видели с книгами. Сильно увлекался Лермонтовым и Байроном, а позднее Герценом и Горьким. О Горьком мы часто с ним спорили».

С чего это началось?

«Как-то раз, — вспоминает И. Ковалишин, — по поводу успешного окончания школьного года, моя сестра купила билеты в Русский драматический театр.

Давали пьесу „Дети Ванюшина“ Найденова. Весь вечер, пока шло действие, до падения занавеса Ярослав Галан сидел как зачарованный и не давал нам возможности даже перемолвиться с ним хоть одним словом. Эта первая встреча с театром оставила глубокий след в его последующем драматургическом творчестве, сдружила будущего писателя с театром навсегда. Иногда заезжала в Ростов-на-Дону и украинская труппа „Гайдамаки“. Дни гастролей этого талантливого коллектива являлись для Галана подлинным праздником. Другой страстью Галана были книги. Читал он очень много.

В гимназии… был хор, оркестр, разучивались украинские народные песни. Не было только вначале своего самодеятельного театра. Но со временем и он возник. Одним из его организаторов был юный Галан. С ним вместе Ярослав, используя каникулы, пропутешествовал по всему Приазовью и побывал на Кубани…»

Итак, появляется страсть к театру.

Вышедшие во Львове «Воспоминания о Галане-драматурге» хорошо знавшего писателя профессора Михаила Рудницкого содержат интересное свидетельство Галана о ростовском периоде: рассказывая Михаилу Рудницкому о посещении ростовского театра, Галан сказал: «Это были наиболее яркие минуты среди моих… тогдашних дней…»

Вспоминая свои первые театральные впечатления, Галан говорил, что уже тогда его поразили широкие возможности драматургического искусства. Несомненно, совершенно обоснованно заключает М. Рудницкий, что обращение Галана в скором будущем к драматургии тесно связано с его ростовскими впечатлениями.

В Ростове Ярослав Галан получил возможность по-новому взглянуть на историю родной ему Украины. То, что он прочел в русском городе, никак не походило на проповеди отцов-василиан.

Наивно было бы, конечно, предположить, что официозная царская историография сказала Галану всю правду. Но есть такие факты истории, суть и смысл которых, как говорится, «независим от комментариев и комментаторов». Во всяком случае, отцы-василиане в свете всего, что становилось Галану известно, выглядели самыми заурядными мелкими мошенниками. Ярослав узнал, что в 1620 году гетман запорожских казаков Сагайдачный послал в Москву специальное посольство, через которое передал желание служить Русскому государству, что с 1648 года по всей Украине развернулось широкое национально-освободительное

движение за освобождение Украины от гнета шляхетской Польши и что борьбу эту возглавил Богдан Хмельницкий.

В 1648–1649 годах восставшие крестьянско-казацкие массы одержали ряд замечательных побед (под Желтыми Водами, Корсунем, Пилявцами в 1648 году, Зборовом и Збаражем в 1649 году). Однако Богдан Хмельницкий, как выдающийся деятель своего времени, прекрасно понимал, что без объединения с русским народом нельзя добиться каких-либо твердых успехов в деле освобождения украинского народа. Поэтому уже в 1648 году — пору своих самых больших военных успехов против польской шляхты — Богдан Хмельницкий, отражая чаяния и желания украинского народа, в своих листах (письмах) к русскому правительству обращается с просьбой о помощи и о воссоединении Украины с Россией. В октябре 1653 года Земский собор в Москве принял историческое решение о воссоединении Украины с Россией, а в январе 1654 года в Переяславе Народная рада подтвердила волю украинского народа.

А между тем события ростовской жизни, казалось, захлестывали друг друга.

Ростов бурлил. Тревожны были его ночи, и каждое утро могло принести неожиданности.

Большевики, которых к августу 1917 года насчитывалось здесь около трехсот человек, вели уже перед Октябрем упорную работу по большевизации Ростовского Совета. В городском саду, где в павильоне размещался Комитет большевистской партии, и на прилегающих улицах шел почти непрерывный митинг. Толпы народа слушали и обсуждали речи большевиков. Распространялась «Правда». Местная большевистская газета «Наше знамя» выходила в количестве более пятнадцати тысяч экземпляров. 6 сентября в Ростове был создан штаб Красной гвардии, 1 октября проходила грандиозная демонстрация, организованная большевиками в знак протеста против войны.

«Большевики», «эсеры», «меньшевики»… Вихрь новых, часто непонятных до конца явлений наполнял душу Ярослава тревогой и беспокойством. Как разобраться в происходящем? На чью сторону стать?

И снова, как гром, ошеломляющие вести: в Петрограде победило вооруженное восстание. Декреты о мире, земле, власти — это ему уже понятно. Он «за»! Значит, скоро закончится война, и снова увидят отца. Если, конечно, он жив…

На стенах домов декреты: Первый Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину республикой Советов.

Вот тогда-то и выяснилось, что «свои», как он привык считать всех беженцев из Галиции, — далеко не все свои. Собственно,

тогда-то все и началось: ссоры, проклятия, борьба, раскол не только групп, но даже семей. Позднее Галан расскажет обо всем этом в документальном рассказе «Неизвестный Петро».

Его однокашник, Константин Божко, который жил в Ростове по соседству с Ярославом и учился в гимназии рядом с гимназией Ярослава, пишет: «В жизни гимназии Ярослав принимал активное участие. Помню, как принес туда однажды несколько номеров большевистской газеты „Наше знамя“, которые раздал товарищам. Многого мы тогда не понимали, но за всем следили внимательно. Вместе с Ярославом мы шли в рядах демонстрации, организованной в конце 1917 года большевиками против войны, бегали в городской сад, где происходило много митингов…»

Божко вспоминает, что брат Ярослава — Иван одно время увлекался толстовством. «Помню — я восстановил это в памяти, а потом разыскал по книгам, — Ярослав дважды выписывал для брата „в утешение“ слова Толстого: „…Мне смешно вспомнить, как я думывал… что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать, не торопясь, аккуратно все только хорошее! Смешно! Нельзя… Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать, и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться, и лишаться. А спокойствие — душевная подлость“.

При этом Ярослав добавлял:

— А вообще-то человек должен иметь твердые убеждения. Без этого жить нельзя. А дурь у Ивана скоро выйдет.

Так все и случилось…»

Теперь каждому читателю понятно, что было особенно дорого Ярославу в толстовской формуле поиска: «Спокойствие — душевная подлость».

Ничто так не претило Галану — ни юноше, ни зрелому бойцу, — как равнодушие сердца и политическая инфантильность.

В Ростове-на-Дону Ярослав впервые услышал о Ленине. И здесь же понял, что в жизни нет места над схваткой. Да, он был мальчишкой, но память этого возраста — самая цепкая память. Как и впечатления тех лет. Недаром один из первых своих рассказов о ростовских событиях начала 1918 года Галан назовет так, что уже в самом заголовке выразит свое отношение к ним: «В незабываемые дни».

Галан был свидетелем, как, несмотря на героическое сопротивление рабочих, группировались на юге России силы контрреволюции. Войсковой атаман Дона генерал Каледин гнал в Ростов белогвардейские части. С помощью предателей из

украинской Центральной рады, помогавшей Каледину перебрасывать войска на Дон, в 1918 году здесь свила гнездо контрреволюция. Полчища белогвардейцев, гайдамаков, немецких оккупантов стремились в огне и крови уничтожить Советскую власть. «…Была тоска, было нестерпимое отчаяние. Тонула революция в рабочей крови», — пишет Галан. Не все выдержали это испытание. Герой рассказа Петр Григорьев, рабочий табачной фабрики Асмолова, покончил самоубийством, оставив записку: «Идут на нас гайдамаки, а германцы за ними. Не могу этого пережить, так как гибнет революция, умирает рабоче-крестьянская воля».

Всем ходом развития событий в рассказе Галан осуждает позицию Григорьева. Нет, не был он верным солдатом революции, раз в самый решительный момент ушел со своего поста. Такой уход из жизни не геройство, а трусость. Петр испугался врага, еще не встретившись с ним в бою. Революции нужны не такие «мученики», а те, кто без громких слов и до конца, до последней мыслимой возможности, с оружием в руках отстаивает рабочее дело.

Год 1918-й… Галану шестнадцать лет. Возраст, когда в то огневое время каждый должен был решать для себя, с кем идти. Выбор был сделан. На всю жизнь. Ярослав вспоминал, что в это время верхушка галицийской эмиграции в Ростове не хотела отстать от своих киевских коллег и «вербовала галицийекую молодежь в белогвардейские войска Корнилова, Дроздова, Деникина — вербовочный центр был в Ростове».

Идти с теми, кто «топит революцию в рабочей крови»?

Нет! Никогда! Они называют это добровольной вербовкой. И при этом хватаются за пистолет…

Из Ростова нужно уходить…

Империя Габсбургов развалилась, и Галан с семьей мог теперь вернуться домой.

И вот они уже в Перемышле, где обняли отца, освобожденного из лагеря Талергоф. Старых друзей в городе почти не оказалось: раскидала их судьба по разным градам и весям.

А он, Ярослав, стал уже другим. В душе жило ощущение, что он не сможет более быть прежним, что пора ясно определить путь и еще раз взвесить все, что он увидел и пережил.

Тревога поселилась в его душе. Но это была тревога особого рода. И позднее, оглядываясь на пройденные дороги, он напишет жене, подытоживая «все, что связано с Ростовом»:

«Именно здесь, в этом большом городе на юге России, являвшемся перекрестком больших путей гражданской войны,

начало формироваться мое мировоззрение как будущего революционера».

«Я получил возможность заглянуть в лицо фашизма…»

Как-то вскоре после возвращения в Галицию Галан поехал с матерью во Львов. Слишком многое он о нем читал и слышал, а впечатления от давней поездки сюда с отцом стали смутными и расплывчатыми.

Сейчас, когда он уже четвертый час бродил по узким средневековым улочкам «украинской Флоренции», все — рассказы матери и отца, десятки и десятки изученных им томов, — все это вдруг предстало перед ним овеществленным в древних камнях, в сиреневом мареве раннего утра, в резком смещении света и тени, в бронзе памятников и увитых бегунком старых стенах фортов и монастырей.

Видимо, и мать была поражена волшебством этого утра, потому что говорила она почти шепотом, словно молилась в высоком, пустом костеле, боясь громким словом вызвать гулкое, оскверняющее тишину эхо.

На восточной окраине Старого города, куда они забрели к вечеру, — остатки стен с бойницами. За ними спрятался монастырь бернардинцев с костелом.

— Когда Богдан Хмельницкий впервые начал осаду Львова, — рассказывает мать, — здесь был бастион шляхты.

От тех пор остались лишь выщербленные крепостные стены, обгорелый скелет иезуитской коллегии и казацкие сабли в Историческом музее. «Осталась еще легенда… Она переживет стены», — запишет Галан позднее.

Неожиданно мать испуганно оглянулась и схватила j Ярослава за руку.

— Пойдем отсюда скорее. Скорее! — торопила она.

— Что случилось? — Он тоже стал озираться по сторонам.

— Видишь — листовка… — Она кивнула на стену дома. — Могут подумать, что это мы… По следствиям затаскают… Пойдем!

— Сейчас, — Ярослав освободил руку. — Сейчас пойдем. Ты не волнуйся. Я только взгляну.

— Славко, не смей! — крикнула мать.

А он уже разглядывал приклеенный к стене революционный листок.

… А может быть, он никуда и не уезжал из Ростова? Львов лихорадило так, словно он готовился к осаде. Шныряющие по его улицам господа в штатском как две капли воды были похожи на

тех самых ростовских вербовщиков, которые, потрясая кольтами перед носом испуганных мальчишек, требовали от них «добровольно» вступить в «святые дружины» Корнилова и Дроздова.

Поскольку тысячелетняя монархия Габсбургов приказала долго жить, «отцы нации» решили, что пришло самое что ни на есть время, чтобы стать у кормила власти.

Родилась недоброй памяти ЗУНР — так называемая буржуазная Западно-Украинская народная республика.

Галану не давала покоя листовка, увиденная им на львовской улице. «Да здравствует Советская власть!» Значит, уже здесь, не где-то в далекой России, бурлила, готовая вылиться наружу яростным, испепеляющим огнем, невидимая пока подземная лава.

Впрочем, такая ли уж и невидимая?..

Бывший товарищ по гимназии, которого он встретил, вместо приветствия тихо спросил:

— Слышал?

— Что?

— На фольварке скандал. Хлопцы там недавно вернулись из России. И помещика — по шеям!.. Сказали: «Вы здесь, братцы, отстали от жизни…»

— И чем это кончилось?

— Постреляли их…

— Я уже видел такое.

— Где?

— В Ростове… Только там это временно. Судя по всему, тех, кто стрелял, скоро самих поставят к стенке…

— Циркуляр наместника читал?

— Нет. Я недавно приехал.

— По восставшим приказано стрелять.

— И помогло? — с иронией спросил Галан.

— Как мертвому припарки. Во Львове бастовало несколько тысяч рабочих. И у нас было — в Перемышле, Стрые, Ворославе, Дрогобыче…

— А село поддерживает?

— Еще как! Все уезды в огне. Сокальский, Рава-Рус-ский, Гусятинский, Тернопольский… Словом — все… А ты как думаешь жить? — Теперь спрашивали Галана.

— Как все, — пожал Ярослав плечами и подумал: «Кто его знает! Можно ли с ним откровенничать? Столько лет не виделись…»

— Я слышал, твой тато вернулся из Талергофа.

— Вернулся. Еле ходит… С этого курорта больше возвращались на тот свет. Можно считать, что татови повезло…

— Да, давно мы с тобой не виделись… — Приятель изучающе посмотрел на Ярослава и вдруг тихо добавил: — А в нашей гимназии — кружок…

— Какой? — оживился Галан.

— Придешь — увидишь. Во всяком случае, мы с теми, кто бастует, но не с теми, кто расстреливает…

— Ну что же, — улыбнулся Ярослав. — Программа вроде бы подходящая. Приду обязательно… Наверное, найдем общий язык…

«А он, кажется, ничего парень», — подумал каждый из них друг о друге, когда они расстались.

Симпатии версальских миротворцев склонялись все больше к молодой панской Польше, и мировая буржуазия помогла ее войскам после недолгих стычек с украинским населением на долгие годы захватить Львов.

Все клятвы «отцов нации» о «незыблемости украинских основ» и «суверенитете» в мгновение ока стали прахом и пеплом, и ошалелые от великого множества бурно перемежающихся событий паны из Перемышльской гимназии не знали, что делать. Сегодня они срывали со стен классов листовки, кричащие: «Да здравствует Советская власть!», завтра — не менее красноречивые плакаты с грубо намалеванными чернилами лозунгами: «Долой польских оккупантов!»

Оградить «паству» от «крамольных влияний» не было уже никакой возможности. Гимназия митинговала. Произносились речи. Ораторы полыхали праведным гневом. И вдруг в один день все стихло: пришла весть — польские войска двинулись на Киев, а 7 мая 1920 года взяли его.

А потом события стали чередоваться со скоростью кадров кинематографа: Красная Армия, разгромив интервентов под Киевом и Житомиром, в июле 1920 года вошла в Западную Украину. Население Галиции всеми силами помогало советским войскам. Везде, где появлялась Первая Конная армия, много добровольцев из местной молодежи вступало в ее ряды. В августе 1920 года начались бои за Львов. Казалось, уже так близко освобождение, но Красная Армия вынуждена была отступить, и Западная Украина еще на девятнадцать лет осталась под игом колонизаторов, назвавших ее «Малопольшей».

…В 1922 году Галан сдал экзамены на аттестат зрелости.

— Куда же теперь? — поинтересовался отец. — Учебу надо продолжать. Кому нужен неуч?!

— Разве я спорю?.. — Ярослав удивился. — С чего это ты решил, что я не буду учиться?

— Просто слышал твой разговор с приятелями. Во Львовский

университет вы не желаете. А, спрашивается, почему? Чем он для вас плох?

— Видишь ли, отец, — Ярослав старался говорить как можно мягче. — Ты не обижайся. Но мне кажется, ты уже где-то смирился с тем, что у нас идет сплошное ополячивание… А ведь это оккупация. И она не будет длиться вечно. И не бороться с ней нельзя.

— Видимо, тебе захотелось в тюрьму.

— В тюрьму попасть никому не хочется. Но хлопцы правы, бойкотируя Львовский университет. Украинские студенты туда либо не допускаются совсем, или сквозь мелкое сито отцеживаются процентной нормой.

— Но что-то же надо решать… Где ты будешь учиться? — Отец нахмурился.

— А я уже решил, отец… Поеду в Вену или Триест. Во Львове учиться не буду. Быть в наймах у соседей не пристало. Мне потом товарищам в глаза будет стыдно посмотреть…

— Наплевать мне на твоих товарищей! — рассердился отец. — А вот учиться в Вене, кажется, действительно дешевле. Обучение во Львовском университете сколько стоит?

— Триста злотых в год.

— Да, для моих плеч теперь это уже туговато…

— Чего ты волнуешься? Я же тебе сказал, что во Львов не поеду. Даже если бы там учили бесплатно…

— Ну что ж, в Вену так в Вену, — согласился наконец отец.

…Видывал в своей недолгой, но полной скитаний жизни Ярослав всякое. Но такое довелось впервые. Он работал над старыми историческими хрониками в библиотеке Венского университета. И вдруг ее традиционную тишину неожиданно нарушило что-то похожее на цоканье копыт табуна неповоротливых баварских жеребцов. Толпой, не снимая шапок, в зал вошли молодчики с толстыми суковатыми палками в руках.

«Эти палки сказали нам обо всем: они были символом, эмблемой, украшением и оружием первых австрийских адептов Гитлера… — так описал позднее Галан это. — Вожак шайки, высокий, рыжий, в пенсне на вздернутом носу, крикнул надорванным фальцетом:

— Алле юден мюссен гераус! (Все евреи должны выйти!)

Через несколько минут библиотечный зал опустел; в знак протеста против дикой профанации „альма матер“ вышли почти все присутствующие.

Этого будущие эсэсовцы не ожидали. Побледневшие от злости, они молча стояли у дверей. Кто-то крикнул: „Бей!“ — и воздух засвистел от нескольких десятков палок. Осатаневшие

молодчики не щадили никого. Разбивали головы мужчины, скатываясь стремглав с мраморной лестницы, обливались кровью женщины. Все это происходило под свист, хохот и вой торжествующих двуногих бестий.

Когда последняя жертва ударилась головой о перила лестницы, бестии выстроились по четверо и двинулись солдатским шагом по университету. Знакомый фальцет взвизгнул: „Вахт ам Райн!“ — и ватага заревела.

Этого „Вахт ам Райн!“ я не забуду никогда…»

Бывают в жизни человека мгновения, которые требуют немедленного действия, мгновенной реакции на увиденное и случившееся.

Промучившись бессонную ночь, Галан знал утром, куда ему идти.

В маленькой закопченной заводской конторке по адресу, данному ему одним из друзей, он нашел худого парня в замасленной рабочей робе.

— Я из университета. От Франца. — Он назвал фамилию приятеля. — Хочу вступить в ваше рабочее товарищество «Единство».

— А вы знаете, кто стоит во главе его?

— Знаю… Коммунисты. Потому и пришел.

Выступая через несколько лет на собрании участников революционного подполья Западной Украины, Галан вспоминал, что товарищество «Единство» состояло из нескольких сотен членов и во время первомайских демонстраций принимало участие в шествии под собственными знаменами. Так, в 1923 году в революционно настроенных кругах бывшей императорской столицы Вены началась революционная деятельность молодого Галана.

Закономерным и естественным был для Галана этот шаг.

Сведения о жизни Ярослава Александровича в Вене крайне скудны, поэтому следует привести целиком единственное более или менее обстоятельное свидетельство.

Украинский писатель Дмитро Бандривський рассказывает:

«Впервые я встретил Ярослава Галана на семинаре славянской филологии в университете Вены. Он отличался незаурядными филологическими способностями, прекрасно знал сравнительную грамматику славянских языков и этим завоевал себе большое уважение среди венских славистов…

Я некоторое время жил с ним в Вене вместе и видел его вблизи, в повседневной жизни. На квартире у старенькой, очень честной фрау Шльоссер (по происхождению чешки) жили четверо галицийских студентов-украинцев. Один из них был товарищем

Ярослава по Перемышльской гимназии. Это был очень милый парень, сын адвоката из местечка Нижанковичи. Парень страдал тяжелой болезнью — лунатизмом, и молодой Галан стал для него настоящим опекуном… Ярослав следил за его поведением. Когда больной срывался с постели, Ярослав брал его за руку и приводил в сознание. Я не представляю себе, как бы сложилась жизнь этого студента без опеки Галана.

…Как и большинство галицийских украинцев-студентов, Галан всеми силами старался заработать себе на жизнь. Он надписывал на конвертах для одной фирмы адреса ее заказчиков; за сто „заадресованных“ конвертов Галан получал один шиллинг. А килограмм хлеба в то время в Вене стоил больше, чем этот его дневной заработок. И еще беда была в том, что голова молодого Галана была полна разных далеких от этих конвертов замыслов, что, конечно, никак не благоприятствовало ежедневной работе. Галану приходилось не один, не два и не десять конвертов испортить, прежде чем, бывало, он надпишет эту сотню. Но другого выхода из материальной нужды не было. Чтобы существовать, приходилось заниматься такой механической работой…»

— Почему бы тебе не попросить помощи у Шептицкого, чем так надрываться, — посоветовал как-то Галану его знакомый, галицийский студент, сын священника. — Митрополит, как правило, не отказывает. Он известен своей щедростью…

— У Шептицкого? — переспросил Галан и сжал кулаки. — Я лучше умру, подохну с голоду, но такого не сделаю…

— Ну, как знаешь… На гордых воду возят…

Галан не ответил. Ему вспомнился Львов. Рядом с собором святого Юра, силуэт которого хорошо просматривался со многих улиц Львова, за кирпичной стеной старинной кладки и тенистым монастырским садом высились митрополичьи палаты, украшенные гербами аристократической династии Шептицких.

Земляк Ярослава, с которым Галан познакомился в Перемышле, был в этих палатах. Он рассказывал, как вначале его принял приближенный Шептицкого, расспросил о существе просьбы и пригласил в покои митрополита.

Они вошли в библиотеку, уставленную высокими книжными шкафами. Рядом с книгами духовного содержания здесь можно было увидеть сочинения Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Митрополит сам писал как-то: «Чтобы поражать коммунистическое учение, надо прежде всего самому хорошо знать его». В простенках между книжными шкафами — портреты римских пап в золотых тиарах и деятелей унии. На почетном месте в старинной позолоченной раме висел портрет патрона

униатов папы римского Урбана VIII. Как боевой наказ начертал древней славянской вязью неизвестный художник в уголке портрета слова «наместника бога на земле», обращенные некогда к греко-католикам униатам: «С помощью вас, мои русины, я надеюсь обратить весь Восток…»

Разговор с Шептицким занял два часа. Сейчас — Галан знал это — посетивший митрополита земляк, так и не ставший Галану другом, учится во Львовском университете, снюхался с клерикалами, пишет унизительные статейки, расхваливающие щедрость графа.

Нет, на такое он не пойдет! Никогда! Лучше уж клеить конверты или действительно умереть с голоду. А теперь — снова в библиотеку. Работать и работать! Не теряя ни часа, ни дня.

…Вчера ему повезло. Он нашел действительно редкий материал. Отто Аксер — верная душа — даже не поверил…

Отто Аксер впоследствии будет вспоминать о Галане: «Когда мы вместе учились в Вене, Галан подолгу рылся в венских архивах и разыскал там документ какого-то известного иезуита XVII века, разоблачающий захватническую политику Ватикана. Это была очень интересная находка. Впоследствии, когда писатель работал над антиклерикальными памфлетами, ему очень помогли эти архивные разыскания, знакомство с широким кругом редких источников».

В тот 1924 год на каникулах Галан решил поехать в Перемышль. Причин тому было много, но о главной он сам рассказал в своей неопубликованной автобиографии: «В 1924 году, во время пребывания на каникулах в Перемышле, я вступил в члены подпольной КПЗУ».

Генерал Войска Польского Евгений Кушко, живущий сейчас в Варшаве, хорошо знал Ярослава как раз в этот период.

«Еще в гимназии, в 1924 году, — рассказывает генерал, — я примкнул к революционному движению, довольно быстро познакомился со многими деятелями рабочего и революционного движения в Перемышле. Одним из них был будущий писатель Ярослав Галан…

Первые наши беседы с Галаном о Великой Октябрьской революции, Советской власти проходили в 1924 году. Я входил тогда в нелегальный ученический кружок в гимназии, который в начале 1925 года превратился в гимназическую организацию Коммунистического союза молодежи. Было мне тогда восемнадцать лет.

Большое влияние на революционное рабочее движение в Перемышле оказывали коммунисты. Летом я как секретарь окружного комитета Коммунистического союза молодежи в

Перемышле вошел в состав окружкома КПЗУ, который возглавлял один из руководителей Дрогобычского восстания. Секретарем комитета партии стал слесарь Перемышльского паровозного депо. Именно в это время Ярослав Галан установил связь с окружкомом. Был он способным организатором и пропагандистом. К тому же среди нас он был единственным, кто свободно говорил по-русски.

Я часто заходил к Галану домой. Участвовал в горячих дискуссиях между Ярославом и его старшим братом, который был поклонником учения Льва Толстого. Проблема революционного насилия всегда вызывала темпераментные споры между ними. Ярослав доказывал, что революционное насилие необходимо, потому что без него невозможно свергнуть власть буржуазии и удержать диктатуру пролетариата…»

То, что генерал Кушко называл работой пропагандиста, было в условиях подполья подвигом. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, речь шла о совершенно безобидных вещах. Например, о лекциях по творчеству Генриха Сенкевича для… учеников гимназий.

Вроде бы, действительно, с чего бы здесь разгореться страстям? А тем более ненависти? Но ненависть была. И притом облеченная в совершенно реальные формы угрозы.

«Любя и ценя Сепкевича как писателя, Галан вместе с тем воевал с его националистической историографией, доказывал, что Сенксвич пытается извратить прогрессивную роль Богдана Хмельницкого. Вот из-за этих-то лекций однажды две недели Галан прятался, не приходя ночевать домой, потому что его хотели подстеречь эндекские (польские шовинисты. — В.В., А.Е.) боевики и затем убить». (Это рассказ Отто Аксера, бывшего тогда с Галаном в Перемышле.)

Галану и в те годы и позже приходилось сражаться сразу на нескольких фронтах: и с украинским и с польским национализмом, с сионистами, с клерикальной реакцией и с фашизмом.

Была и еще одна причина, заставившая его побывать в Перемышле: Ярослав решил попробовать свои силы в литературе. Мечте этой, тщательно скрываемой от всех, неожиданно дано было осуществиться. Любительский театр города, где у Галана было немало друзей, предложил ему инсценировать повесть Г. Эверса «Альрауне». Работа удалась, и вскоре жители Перемышля увидели на стенах домов афишу: «Приглашаем вас на новый спектакль — „Тайна ночи“ (по повести Г. Эверса). Инсценировка — Я. Галана».

Первая удача окрылила начинающего драматурга. За

повестью Эверса последовала инсценировка начинающего драматурга Г. Келлера «Ромео и Юлия».

Муза дальних странствий покровительствует юности, и, пожалуй, нет на земле человека, кого бы в двадцать лет не манил горизонт. Особенно страны и города, о которых сложены легенды и песни, созданы тысячи томов, сотни картин и фильмов.

Галан не был в этом смысле исключением.

— Не знаю, с чего это началось, — признавался он Петру Козланюку, — но вдруг я решил во что бы то ни стало увидеть «Тайную вечерю» в миланском монастыре Санта-Мария делле Грацие. Почему именно ее, а не что иное — трудно сказать. Вероятно, потому, что более всего был о ней наслышан, и само понятие «Италия» как-то ассоциировалось с этой росписью…

Как бы там ни было, но Галан не любил отказываться от задуманного.

Директор Музея Ярослава Галана во Львове Яков Цегельник установил, что в первой половине двадцатых годов Галан по меньшей мере три раза путешествовал по Италии. Данные эти подтверждаются и автобиографией писателя, хранившейся в Волынском областном архиве и переданной сейчас во Львов, в Музей Галана, а также сохранившимися многочисленными открытками, присланными Галаном различным лицам из Италии.

Путешествие в Италию, если не считать самых скупых штрихов, разбросанных по статьям и очеркам писателя, по существу, «белое пятно» на карте биографии Галана. Новые разыскания позволяют если не прояснить в подробностях контуры карты, то, во всяком случае, «проявить» ее составные.

Прежде всего устанавливается ранее даже не упоминающееся в галановедении существенное обстоятельство: на протяжении 1922/23 учебного года Галан учился в Высшей торговой школе в Триесте. И только после этого перешел в Венский университет изучать славянскую филологию. Об этом с очевидностью свидетельствует «Автобиография» писателя из Волынского областного архива. Теперь становится понятным, почему именно в 1923 году Галан осуществил свою мечту побывать в Италии: такое путешествие из Триеста не требовало ни солидных сбережений, ни долгого времени.

«Земля обетованная», как рекомендовали Италию красочные путеводители, оказалась совершенно несхожей с той страной, которую описывали умилительные проспекты.

После подъема революционного движения в Италии 1919–1920 годов промышленные магнаты и помещики перешли к политике открытого террора. Для проведения этой политики в жизнь в 1919 году возникает боевая террористическая

организация Муссолини. Предотвратить приход фашизма к власти трудящимся Италии не удалось. В октябре 1922 года здесь устанавливается фашистская диктатура Муссолини. «Я получил новую возможность, — пишет Галан, — заглянуть в лицо фашизма, на этот раз уж в стадии его осуществления».

Вначале Галан осматривал Италию. Первая его открытка оттуда помечена 11 мая 1923 года. Изображает она Большой канал Венеции. Этому письму предшествует открытка с пометкой: «Триест. 10.V.1923». Судя но всему, адресована она другу по Перемышлю. «Приятель! — сообщает Галан. — Пишу тебе снова среди широкой Адриатики, где тихий шум моря возле порогов Мирамаре (итальянское название — „Дивное море“ — замка на Средиземном море под Триестом. — В.Б., А.Е.) соединяется с чудным запахом расцветающей сирени. Сегодня ночью выезжаю в Венецию, откуда, возможно, тебе напишу…»

Уже в открытке от 11 мая 1923 года Галан сообщает другу: «Венеция оригинальна… Пиши в Вену, потому что скоро возвращаюсь». Значит, с Высшей торговой школой в Триесте было уже все покончено. Путь Галана лежал в Вену.

Сравнив даты всех зарубежных писем Галана, нетрудно установить, что, вероятно, для путешествия в Италию всегда использовались каникулы: май 1923 года, май 1924 года.

Подробности о втором путешествии Галана находим в воспоминаниях О. Аксера: «Во время каникул Галан решил отправиться путешествовать в Италию. Польское посольство… выдало ему заграничный паспорт и выездную визу. Галан взял рюкзак, буханку хлеба, кусок сыра и, доехав до итальянской границы поездом, дальше пошел по Италии пешком. Чтобы заработать себе на пропитание, он работал как батрак у богатых хозяев».

Третья одиссея Галана падает на март — апрель 1925 года. Две открытки, от 27 и 28 марта, отправлены им из Венеции, последующая — от 4 апреля — из Палермо. Ярослав волнуется за здоровье матери, сообщает ей и товарищу адрес: «Пишите по адресу: „Я. Галан. Палермо. Италия. До востребования“. Прошу написать немедленно».

В сообщении из Палермо приведены уже и некоторые впечатления: «Тут — полная весна. Все деревья зазеленели. Как у вас?.. Был сегодня сам на Монте-Пеллегрино — высокая гора, — видна с нее Сардиния. Этот вид на Капри — что-то замечательное!..»

Ярослав многое знал об этой стране, но увиденное ошеломило его.

В рабочей траттории на его вопрос о том, как смотрит на все

происходящее в стране оппозиция, ему популярно объяснили:

— О какой оппозиции может идти речь?! Вы знаете, что такое для нас двадцать пятый год? Так вот — знайте: это роспуск всех партий, закрытие всех оппозиционных газет, арест депутатов-коммунистов, учреждение Особого трибунала…

— А это еще что такое — Особый трибунал?

— Нечто вроде судилища великих инквизиторов по изничтожению ереси. За любое слово против Муссолини, я уже не говорю о коммунистах, — либо решетка, либо пуля…

— А как смотрит на это ваш римский папа?.. Собеседник иронически улыбнулся.

— Святой отец занят более высокими материями. Муссолини ему не мешает. Скорее наоборот…

Галан выругал себя за этот нелепый вопрос. И сам мог бы догадаться, видя на улицах бесчисленные банки и конторы, где «во славу Христову» свершались баснословные операции. Общее впечатление Ярослава оформится позднее в строках, сотканных из уничтожающей иронии: круг деятельности «банков Ватикана настолько обширен, что даже для беглого описания не хватило бы всех перьев из крыла архангела Гавриила, какие только есть в распоряжении святой конгрегации по сбору реликвий».

Пройдут немыслимо жестокие годы: подполье, тюрьмы, битва с фашизмом, Нюрнберг, но острота впечатлений от этой первой встречи лицом к лицу с фашизмом никогда не пройдет. В 1948 году в предисловии к сборнику «Их лица» Галан с сарказмом вспомнит о неподражаемых прелестях фашистской «демократии»: «Почтовый пароход Неаполь — Палермо причалил к молу столицы Сицилии как раз в день выборов в первый фашистский „парламент“. Я увидел ту же картину, что и в Неаполе, Риме, Флоренции и Венеции: сверху резали глаза пестрые флаги, с оград, заборов и столбов — плакаты с голыми субъектами, которые должны были изображать древних римлян. Особенно бросалось здесь в глаза одно: невиданное до сих пор множество полиции всех калибров — городской, военной, „национальной“. Даже живописные карабинеры прохаживались не по двое, как это было спокон веков, а целыми толпами. Казалось, что все Палермо ко дню выборов оделось в полицейские мундиры.

В маленьком отелике на Кварто Канти также не было от них покоя. Едва успел я умыться, как комнату наполнили военные, полицейские. Тучный человек в штатском попросил у меня паспорт. Увидя в нем слово „Полонь“ (Польша), человек поднял вверх залихватски закрученные усы цвета сапожной смолы.

— Ваш паспорт подделан. В нем вместо „Болонья“ стоит какая-то „Полонья“.

Я, неизвестно в который уже раз в этой стране, начал лекцию о том, что, кроме итальянского города Болонья, есть еще в Европе страна, которая называется Польша, но не успел закончить, как внизу, почти под самыми окнами, раздалось несколько револьверных выстрелов. Мой брюнет присел на корточки, побледнел и гаркнул что-то наподобие команды. Через секунду вся шайка с брюнетом в арьергарде метнулась вниз по лестнице на улицу».

Галан собственными глазами увидел, что «свободные» фашистские выборы в Италии ничем, по существу, не отличаются от выборов в панской Польше. Тот же жесточайший политический террор, шовинистическая истерия сопутствовали наступлению фашизма и в Италии, и в Польше, и в Вене…

Вспоминая рассказы Галана о его путешествиях по Италии, Мария Кроткова-Галан свидетельствует:

— Прежде всего его поразили контрасты этой страны. Он рассказывал, что особняки и магазины на центральных улицах Рима, Виа Корсо, Виа Национале, Виа Витторио Венето, способны поразить самое пресыщенное воображение. Но Ярослав что-то не видел рядом с ними людей с окраин. А чтобы посмотреть эти окраины, не нужно было ехать за тридевять земель. Задворки Лодзи или Кракова — та же, ничем не отличающаяся от итальянской, унылая картина. Люди ютились даже в пещерах и склепах окрестных холмов.

— А как насчет монастыря Санта-Мария делле Грацие и «Тайной вечери», о которых Галан говорил Козлашоку и где мечтал побывать? — спрашиваем Марию Александровну.

— Он был там. И говорил, что его поразило, как угрожающе ветшает это великое творение. «Вечеря» выполнена в особой технике, с применением и масла и темперы. Но восхищение росписью было столь велико, что даже после Великой Отечественной войны Галан думал в одной из работ вернуться к ее описанию. Вот посмотрите…

Мария Александровна берет с полки томик бессмертного Вазари:

— Здесь пометки Галана.

Находим отчеркнутые строки: «Ему (речь идет о приоре монастыря, торопившего Леонардо с окончанием работы. — В.Б., А.Е.) казалось странным видеть, что Леонардо целую половину дня стоит погруженный в размышление. Он хотел, чтобы художник не выпускал кисти из рук…»

Мария Александровна берет одну из открыток.

— Вот он пишет, что живет он отлично и что на судьбу жаловаться ему не приходится. Это — явно строки утешения:

успокаивал родных. А мне не раз рассказывал, что для того, чтобы попасть в театр «Ла Скала», он с громадным трудом собрал деньги. Всячески экономил деньги, подрабатывал… Кстати, итальянскую музыку он знал в совершенстве. Буквально по небольшой музыкальной фразе мог определить и произведение и композитора.

Во Флоренции, этой «колыбели Возрождения», родине Данте, Челлини, Боккаччо, Донателло, Верроккьо, в Венеции, «жемчужине Средиземноморья», с изумительным собранием картин Рафаэля, Тинторетто, Тициана, Беллини, Веронезе, в Неаполе с «шумным зрелищем его бурлящей, бьющей через край жизни» не покидало Галана восхищение созданиями человеческого гения, творениями умного и талантливого народа. В годы, когда юноша становится известным писателем, он обращается к итальянскому искусству, черпая здесь высокие примеры и образы, помогающие ему в борьбе с тайным и явным фашизмом. Позднее, в годы Великой Отечественной войны, Галан не раз упоминал в своей радиопублицистике имена итальянских мастеров.

Примечательны слова, из открытки, отправленной Галаном из Палермо 4 апреля 1925 года: «Был сегодня сам на Монте-Пеллегрино — высокая гора, — видна с нее Сардиния… Этот вид на Капри — что-то замечательное!»

Галан был потрясен не только волшебством моря, побережья и бессмертных творений мастеров. Врезалось в его память на всю жизнь и иное — несгибаемость народа. Через много лет он напишет строки, исполненные восхищения перед мужеством итальянских коммунистов: «Отойдя от виадука шагов на сто, я обернулся… В глаза мне бросилось что-то другое, чего гвардия Муссолини не заметила. Во всю ширину виадука пылали на солнце большие красные буквы боевого лозунга итальянского подполья того времени: „Вива Ленин! Абассо Муссолини!“ („Да здравствует Ленин! Долой Муссолини!“) Для людей, которые писали эти слова, умерший Ленин был всегда живым и учил их быть бесстрашными в неравной борьбе. Над Италией не погасло еще солнце…»

В его автобиографии все это занимает всего несколько строчек текста: «В 1926 году, после того как бойкот высших учебных заведений Польши украинской молодежью был прекращен, решил продолжать свое образование в Краковском университете… В том же году вступил в ряды Коммунистической партии Польши и стал заместителем председателя прогрессивной организации студентов Краковского университета „Жизнь“».

Товарищи по подполью добавят: «…и одним из организаторов

такой же группы в Галиции — „Пролом“». А видный революционер-подпольщик Западной Украины Богдан Дудыкевич отметит, что имя Галана к этому времени уже широко известно в Галиции как руководству партии, так и «среди прогрессивного студенчества». Соратник Ярослава по «Жизни» выдающийся деятель народной Польши Зигмунд Млинарский считает нужным оговорить и следующее, с его точки зрения немаловажное, обстоятельство: Галан тогда «в отличие от некоторых был свободен от всяких националистических предрассудков». В необычайно сложной обстановке Галиции и Польши тех лет это значило очень многое…

Краковский адрес Галана был: Площадь Лясота, 3.

Перебрались они из Вены в Польшу вместе с Отто Аксером и теперь снимали комнату на вилле, приобретенной по случаю их хозяйкой после смерти одного почтенного нотариуса.

Вначале они были рады, что устроились тихо и нехлопотно, но уже через день-другой выяснилось, что попали в осиное гнездо.

Живущие по соседству корпоранты из Горной академии оказались боевиками польских националистических групп.

Галан не устраивал их по трем причинам: во-первых, он был украинцем; во-вторых, по слухам, дошедшим до них, коммунистом; а в-третьих, не был антисемитом. Последнее обстоятельство переполнило чашу терпения воинственных корпорантов: они как раз, успешно проведя несколько погромов, усердно занимались подготовкой «широкой акции».

Встретив главаря корпорантов на улице, Галан остановил его и спокойно заявил:

— Акции не будет. Отменяется… А если попробуете — будете иметь дело вот с ними. — Ярослав кивнул в сторону ближайшего угла.

Вожак обернулся — и побледнел. Там стояла довольно большая группа рабочих и студентов. Некоторые из них, заметив, что корпорант смотрит в их сторону, небрежно вынули из карманов пистолеты и, повертев их в руках, снова спрятали.

— Они, — Галан кивнул на свою боевую группу, — между прочим, тоже умеют стрелять. И совсем неплохо…

Корпорант грубо выругался.

— А это ты уже совсем зря, — усмехнулся Ярослав. — Евреем я никогда не был… Но и фашистом тоже.

— Ничего. Я не знаю, кем ты был и кем не был, но мы все это тебе припомним… И очень скоро…

— Боюсь, что обожжетесь. — Галан пожал плечами. — Впрочем, если хотите — попробуйте…

Когда корпорант испарился, рабочие-боевики подошли к Галану.

— Ну как?

— Высокие договаривающиеся стороны к общему мнению не пришли…

Но, кажется, он испугался. Во всяком случае, наша демонстрация со стороны выглядела весьма внушительно…

Вечером пришел с этюдов Отто: он увлекался живописью.

— Перекусить бы чего-нибудь, — тоскливо бросил он, еще не переступив порог.

Галан кивнул на стол. На тарелке лежали несколько кусков черного хлеба и зеленые перья лука.

— Вот все, граф, что я могу предложить вам в моем скромном жилище… Розовое бургундское, к сожалению, дворецкий не успел распечатать… Так что, граф, не взыщите!..

Краков для них ничем не отличался от Вены. Та же жизнь впроголодь. И шутка, когда становится невмоготу.

«Вот окончим университет, тогда…» — Он часто вспоминает эти слова Отто. Вот уже шесть месяцев Галан с дипломом магистра философии в кармане ходит безработным. Без денег, без связей, без малейшего просвета в будущем…

И вдруг — как неожиданный подарок судьбы — предложение из частной украинской гимназии в Луцке.

— Только преподавать будете польский язык, — предупредил скучающий холеный инспектор. — И чтобы никакой политики. Никакой… — повторил он нараспев, словно наслаждаясь шелестящим тембром собственного голоса.

«Среди болот, вдоль Стыра расселся город. Старый, потрепанный, дома в нем как курятники, а в них обыватели захудалые, водкой пропитанные… Через город мимо магистрата и полиции гнилушка течет, не течет — застыла в тоске безмолвной, в смраде чадном, отравленном».

Таким встретил его Луцк, «город воеводский», где, как он писал друзьям во Львов, ему за один год довелось повидать столько омерзительного и смешного в мерзости, столько ничтожных, подлых и пришибленных душ, столько панского и лакейского хамства, что бороться с ними нужно не словами — железом. Вы узнаете их, мещан, «повсюду, — писал Галан, — узнаете всегда; они снуют между вами в сюртуках, рясах, сутанах, узнаете по глазам, так как в глазах у них и мир клопиный, и гордость лакейская, и страх беспредельный перед бурей дней грядущих».

А когда-то у этого края было славное прошлое.

В старинном Белзе сидел основатель города Сокаля русский

князь Симеон, поведший свои полки под Грюнвальд громить немецких крестоносцев. Княжескими столицами были расположенные в округе Холм, Владимир-Волынский, Луцк и, наконец, лежащий на юге, на буграх Расточья на водоразделе Европы, седоглавый красавец Львов, основанный под Княжьей горой великим воином, дипломатом и собирателем червоннорусских земель князем Данилой Галицким для своего сына — князя Льва.

Но померкла на несколько веков в лихолетье новых нашествий, распрей и междоусобиц былая слава Червонной Руси. Спасенные некогда от монгольского ига храбрыми русинами и карпатороссами, польские короли поспешили набросить на эти земли свое ярмо, сделать их своими колониями. Потомки великих воинов становились попеременно то собственностью польской короны, то крепостными различных магнатов. В конце прошлого, XIX, века к богатым землям протянул свои руки из Львова польский граф Владимир Дзедугяицкий. Ему принадлежало около семисот моргов полей, лугов и огородов и почти две тысячи моргов леса.

Друзья во Львове впоследствии узнали о жизни Ярослава на Волыни из его очерка «В Луцке, городе воеводском»: «Возле полицейского участка стена к стене гимназия стоит. Дом небольшой, одноэтажный, а воздух в классах — один вздох на ученика (гимназия ведь украинская). Проедет по улице телега, налетит ветер, и облако пыли с шумом ворвется сквозь окно в класс… Школа — как молчаливый погост…»

Как жить? Как преподавать, чтобы не «поссориться с начальством» — панами из Волынской окружной школьной куратории, для которых он, Галан, — всего лишь подозрительная, симпатизирующая красным личность?

Нет, он, Галан, отбросит и сейчас же забудет все то, что ему вдалбливали в куратории, отправляя его «на учительство». Он объявит войну господствующей системе преподавания.

Педагогические взгляды Галана нашли отражение в статье «Так растут побеги», посвященной средним школам в панской Польше.

Галан смеется над схоластическим методом, требующим, чтобы ученик усваивал псевдонауку и мог пробубнить несколько молитв «и перечислить по порядку всех королей от первого до последнего». Он говорит о классовом неравенстве, которое искусственно и официально поддерживается в школе. Детей сортируют. В отдел «А» попадают дети буржуазии, духовенства и бюрократии. В отдел «Б» идут плебеи — дети крестьян, рабочих и мелких служащих. Галан, сам испытавший на себе все «прелести»

иезуитского воспитания, не мог смириться с засильем церковников в школах. Галан требует сократить программы по греческому и латинскому языкам, которые в тридцатые годы в польских гимназиях стали средством отрыва учащихся от социальной жизни и общественных наук. В статье беспощадно осуждаются телесные наказания в школах, воспитание шовинизма и низкопоклонничества. «Поп одной львовской школы, — пишет Галан, — нашел новую систему воспитания… учеников поднимать за ухо до своей бороды. Эпитеты хам, свинья, стерва, каналья „сопровождают“ учеников до старшего класса».

Для любого учителя самое святое — любовь и память учеников. Она отражена на страницах, через много лет написанных теми, кого Ярослав Александрович выводил в жизнь. «Под руководством подпольного Волынского обкома партии, возглавляемого стойким большевиком тов. Бойком, которого позднее зверски замучила луцкая дефензива, — вспоминает бывший ученик Галана А. Гордовский, — Ярослав Галан проводил большую пропагандистскую работу не только среди учителей сельских школ, но и среди учеников. Часто Ярослав Александрович рассказывал нам о вольной и счастливой жизни советских людей, о величественных успехах государственного и культурного строительства в Советском Союзе».

Другой его ученик — И. Тишик — дополняет А. Гордовского: «Часто с группой надежных учеников наш учитель оставался в гимназии после уроков и рассказывал нам… о Советском Союзе». Галан использовал для бесед и то время, когда ученики «под видом экскурсии ходили в соседние села…».

Во всяком случае, безработица луцким полицейским детективам явно не грозила.

Галан мечтает встретиться с Горьким, который в это время жил на Капри. Он знает, что осенью 1928 года после поездки по Советскому Союзу Горький возвратился в Сорренто, и специально приурочивает поездку в Италию к зиме 1928–1929 годов. Своим попутчиком Галан избрал товарища еще по совместной учебе в Венском университете, преподавателя Луцкой гимназии Б. Кобылянского.

Желание познакомиться с Горьким было так велико, что Галан решился на путешествие, почти не имея на это средств. «Он рассказывал, — вспоминает М. А. Кроткова-Галан, — что в последнее путешествие (в Италию. — В.Б., А.Е.) он пустился с такой минимальной суммой денег, что не имел возможности платить за гостиницу и ночевал на улице. А обратно ехал двое суток, не имея даже куска хлеба».

«С 20 декабря 1928 года по 15 января 1929 года писатель

Я. Галан был в Италии, — вспоминает Б. Кобылянский. — Цель путешествия — посещение Горького на острове Капри. Мне известно это как его товарищу по совместной учебе в Венском университете, а также по совместной работе в Луцкой гимназии. Отсюда (г. Луцк) мы отправились (20/XII 1928 г.) в Италию».

Подтверждение свидетельства Кобылянского находим в письмах М. А. Кротковой-Галан: «Галан особенно восхищался Капри». «Жив товарищ Галана (имеется в виду Б. Кобылянский. — В.Б., А.Е.), с которым он ездил в 1928 году в Италию. Они ездили с целью увидеть Горького. Галан ездил в зимние каникулы, которые тогда длились три недели, — они включали украинское и польское рождество».

Увидеться с Горьким Галану не удалось: Алексей Максимович на несколько дней выезжал с Капри, а Галан и Кобылянский не имели возможности задержаться в Италии более или менее продолжительное время, чтобы дождаться его.

Дела требовали возвращения в Луцк.

Атмосфера в Луцке и так была накалена до предела.

Во-первых, полицейские ищейки пронюхали, что Галан не только создал революционный кружок из учащейся молодежи, но наладил его постоянную связь со львовским подпольем.

Во-вторых, Галан поставил свою подпись под «Декларацией западноукраинских пролетарских писателей», опубликованной во Львове и вызвавшей взрыв ярости в Волынской окружной школьной куратории.

В-третьих, воеводе Юзефскому, фактическому хозяину сих благословенных богом мест, надоело выслушивать еженедельные рапорты господина полицейского, начинающиеся неизменными словами: «Как я уже вам докладывал в прошлый раз… Ярослав Галан снова…» (далее следовало, как правило, длительное перечисление преступных акций крамольного учителя).

В-четвертых…

Их было великое множество — «во-первых», «во-вторых» и «в-третьих»… Петр Козланюк писал, что достаточно было и одного такого «во-первых», чтобы «министерство просвещения уволило Галана с учительской должности».

Галан и сам чувствовал, что конец его «блистательной» педагогической карьеры близок.

Так оно и случилось, когда в один из дней ему в самой грубой форме приказали явиться «по начальству».

Его ни о чем не расспрашивали. Лишь коротко и официально уведомили:

— Вы уволены. Уволены из системы просвещения навсегда. Преподавать вам категорически воспрещается.

Так он получил «волчий билет».

Распрощавшись с друзьями в Луцке, он переезжает во Львов, где начинает сотрудничать в журналах «Нови шляхи» и «Викна».

После пребывания в Луцке Галан решил дать своим вконец истрепанным нервам хоть короткий отдых. По совету друга он поехал в карпатское село Нижний Березов, где по ничтожной цене договорился с одним из крестьян о постое.

Встав на другой день рано утром, Галан отправился к реке. Там он увидел вдруг худенькую девушку. Возвращаться домой он почему-то раздумал, и это обстоятельство, как мы увидим далее, имело в его жизни самые неожиданные последствия.

О первой любви, перешагнувшей года

«Дорогой Антось! — писал во Львов из Нижнего Березова сыну крестьянин Геник. — Вчера получили твое письмо, очень радуемся, что тебе стало лучше. Сейчас нам помогает заботиться о твоем здоровье и Славко. Почти каждый вечер вспоминаем тебя.

Дорогой Антось, хочу описать тебе, кто такой Славко… Это учитель гимназии из Луцка, а еще к тому же сам пишет книжки. Видно, что его все уважают и любят как умного и доброго человека. Один только комендант полицейского поста не любит его.

Говорит: умный, но плохо, что с бедняками якшается, а потому, наверное, большевик, ожидает звезды с Востока. Но леший побери этого коменданта! Я вижу, что все-таки добрый и справедливый этот Славко.

Сейчас он живет у Степана Геника.

Но я хочу сказать тебе, в чем главная суть дела.

Наша Анна белила на речке полотно и стирала себе рубашки, а валек выпал у нее из рук и, покачиваясь, поплыл по течению.

Анна побежала аж до Степанового леска, потому что там река разлилась и не так глубоко. Анна валек нагнала и несла, а он, Славко, сидел под ясенем в леске и что-то писал. Как увидел Анну, сразу пошел к жене Степана и спросил: „Чья это девушка?“

Жена Степана сказала: „Да это дочь Ивана Геника, которая учится в Коломне“. Степаниха нам говорила, что Славко очень расспрашивал ее об Анне, интересовался, нет ли у нее какого-нибудь хлопца. Степаниха сказала, что девушка еще никого не имеет, потому что ей лишь недавно исполнилось шестнадцать лет и она учится.

На следующий вечер Галан пришел к нам со знакомым Андреем и его женой. Андрей мне сказал:

— Вы знаете, Геник, почему мы пришли к вам?

— Давайте говорите, — ответил я, а самого что-то прямо в сердце кольнуло.

— Мы, — говорит, — пришли сватать вашу дочь за профессора.

Я об этом и не думал и смешался.

— Не знаю, — говорю, — мы такого не ожидали. Она еще ничего не имеет. Да и молода очень.

Славко говорит:

— Будьте спокойны, мне ничего не надо, ни земли, ни приданого. Приданое мы себе сами купим, когда будем вместе. А земля должна остаться тем, кто на ней работает. Земля — крестьянам.

Люди его любят… Говорят: если девушка его любит — пусть поженятся…

Поправляйся и в первых днях августа приезжай домой, надо приготовиться к свадьбе.

У нас сейчас очень весело, как еще никогда не было. Всегда полно (людей) в хате и возле хаты, приходят старые и молодые, все любят послушать, как рассказывает наш Славко. А если бы ты послушал, как хорошо играет на скрипке, то пусть спрячутся все наши музыканты.

Рассказывает, как ему тяжело было учиться, надо было помогать брату и сестре, а у самого ничего не было. Днем, рассказывал он, хожу в школу, а по ночам в театрах играю господам на скрипке. Говорит: этот инструмент меня от голодной смерти спасал. Такой-то человек, как этот Ярослав Галан, видно, был уже (как говорится в поговорке) „на возе и под возом“.

Будь здоров. Целуем тебя искренне: отец, мама, Анна и Славко.

Нижний Березов. 25/VII 1929 г.».

Антон Геник, получив во Львове это письмо, растерянно еще раз перечитал его. Да, никакой ошибки не было. Его Анна, его сестричка, выходит замуж.

Все это как-то не укладывалось в голове. Он пытался представить себе Анну хозяйкой дома, взрослой женщиной, но вспоминал только тоненькую девчонку с косичками среди таких же, как она, босоногих деревенских подружек, которые, конечно, как и их родители, ни сном ни духом не помышляли пока об их браке.

Наверное, так устроена жизнь: бег времени незаметен, как неразличимы перемены в близких, находящихся ежедневно рядом с тобой. Они, эти изменения, видятся на расстоянии. И вот сумел же этот неизвестный ему Славко разглядеть в застенчивой девочке то, что он, Антон, попросту проглядел.

Какой он, интересно, Галан? Молодой? Старый? Что у него на душе?

Чем живет?

Впрочем, знакомство — заочное, правда, — состоялось еще до отъезда Антона в Нижний Березов.

— У пана обширная переписка, — улыбаясь, заметил почтальон, протягивая через три дня Антону письмо.

Почерк на конверте был незнакомым. «От нового родственника», — догадался он, разрывая плотную серую бумагу.

Письма, собственно, не было — короткая записка:

> «Дорогой шурин Антось!
>
> В первую очередь разреши представиться: зовусь Ярослав Галан. Твоему вчерашнему письму мы очень рады, узнав о том, что твое здоровье улучшилось. Сразу же вчера пошел к врачу, чтобы проконсультироваться о состоянии твоего здоровья. Доктор Клецкий также отнесся радостно к вести об улучшении твоего здоровья. Старайся быть здоровым, сильным. Как ты уже знаешь из письма отца, надо будет много танцевать на свадьбе у сестрички.
>
> Будь здоров, голову выше!
>
> В борьбе никогда не сдавайся!
>
> Славко».

«Кажется, он парень ничего, — неожиданно для самого себя подумал Антон. — И не размазня. Крепко стоит на земле… И о какой борьбе он пишет? Не похоже, что только о моем здоровье…»

Свадьбу справляли по-старинному. С соблюдением всех обычаев и обрядов. Антону запомнилось все до мелочей: и счастливая улыбка Анны, и задумчивость Галана, которую не могло развеять даже бесшабашное веселье, и мерцание августовских звезд над розовеющими вершинами гор, когда уже к ночи они вышли с Галаном на крыльцо, чтобы поговорить по душам. И когда уже Галана не станет, Антон, еще сам не зная для чего, напишет в тетради о том волнении, которое, как всполох верховинских зарниц, светило ему все эти бесконечно Долгие и тревожные годы:

«…11 августа 1929 года сошлись все друзья Анны, чтобы поклониться молодым, Анне и Ярославу, пожелать им счастья в их жизни, пропеть им печальные и шуточные песни.

Как начали девчата от имени Анны прощаться припевом с ее родной матушкой, что ее вскормила, что не одну ночь над ней не спала, с родным отцом, который ее одевал, бублики из города приносил, с родным братиком, носившим ее маленькой на руках и водившим ее на речку купаться и играть в садик; если бы вы послушали, как жалобно цыган с цыганятами играл, то если бы в хате были камни, то и они разволновались бы. Такова гуцульская свадьба, скорее печальная, чем веселая».

Они говорили о многих вещах. Антон уже знал и о злоключениях Галана в Луцке, и о товарищах Славко по Львову, но чувствовалось, что-то важное и решающее еще остается недосказанным. Галан явно присматривался к Антону, ставя его в тупик неожиданными вопросами, над которыми, признаться, Антон раньше и не думал. Постепенно наметилось сближение.

Судя по всему, у Ярослава не было времени, потому что примерно через неделю субботним вечером Славко кивнул Антону на дверь и тихо сказал:

— Выйдем. Нужно поговорить.

Они присели на бревна, сваленные у покосившегося заборчика, и Галан без предисловий начал:

— Антон, я должен уехать… из Луцкой гимназии меня уволили, надо искать другую работу… Значит, остается Львов. Там друзья, там литература. А главное — основное место борьбы. Какой — ты, видимо, уже догадался… Здесь у меня тоже кое-что остается…

— Я знаю, Славко. И вот тебе моя рука. Можешь во всем на меня рассчитывать…

— Спасибо. Я предполагал, что иного ответа не услышу.

— Анну берешь с собой?

— Пока нет. Вначале мне самому нужно осмотреться. Поглядеть, что к чему. А там посмотрим…

— Что нужно сделать здесь?

— Будут приходить книги и листовки. Нужно передавать их из рук в руки. Адреса я оставлю. Будь осторожным. С многими не связывайся. Людей надо перевоспитывать постепенно, но настойчиво. Неудачами не огорчайся. Их будет много, и не только неудач. Будут и жертвы. К этому нужно быть готовым. Поддерживай связь с доктором. Он наш человек и имеет большую возможность общаться с народом. Старайся ему сразу, как будешь получать, доставлять книги и журналы.

— Все сделаю.

— И береги Анну…

Настал день разлуки. Все уложили на подводу.

«Я увидел, — вспоминает Антон, — что Галану, как и нам, было тяжело расставаться.

Отец с воза крикнул, чтобы мы поторопились: можно опоздать на поезд.

Мать и Анна вытирали слезы, спрашивая и проверяя одна у другой, не забыли ли чего, поучали Славко, что и как он должен делать. Славко стоял среди хаты и смеялся.

Последними прощались мы. Галан крепко обнял меня…

Солнце поднялось над землей достаточно высоко, когда мы

вышли из хаты. Отец, прищурив один глаз, сказал, взглянув на тень от палки: „Скоро будет десять…“»

Писем от Ярослава долго не было. Анна каждый день бегала встречать почту, пока наконец не дождалась весточки.

«Дорогая Анечка! — писал Галан. — Во Львов приехал счастливо, но беда в том, что и здесь счастье не очень-то улыбается. Но среди своих людей не пропадем. Много мне помогает Петро Козланюк. Говорю — много, потому что у самого его хлопот достаточно: жена и ее старенькая мать, а жизнь во Львове дорогая. Еще помогают люди, у которых живет брат Иван. Есть где переспать ночь — и то хорошо. Хотелось бы немного и им помочь, потому что и у них круто. Его (Ивана. — В.Б., А.Е.) хозяина уволили с работы. Начинается нужда, безработица, хозяйка с дочерью ходят стирать у господ… А тут я еще сижу на их шее, занимаю все-таки угол комнаты.

Прости, что в первую очередь веду речь только про себя — еще подумаешь: вот самолюб. Пиши, как твое, мамы, отца и Антона здоровье?

Читает ли малый Степанко (один из жителей Ниж него Верезова) газеты и прибегает ли к нам?

У него уже есть для того „Сила“ (имеется в виду газета „Сила“), что может читать.

А Сойка (один из жителей Нижнего Березова) читает ли теперь людям „Народное дело“? Газета хорошая, есть много хозяйственных новинок, даже со всего мира, которыми надо с каждым поделиться, кто хочет стать хозяином своей земли…

Ничего мне не высылайте, кроме черного, крестьянского хлеба, который мама выпекает. Он мне уже два раза снился. Последний раз снилось, будто я дома, мама вытянула хлеб из печи, хлеб так хорошо выпекся и такой полный и круглый, как солнце при заходе. Я будто бы сижу за столом, а мама взяла чеснок и еще горячий хлеб натерла им, и так мне хлеб запах, что я даже проснулся. Проснулся и еще раз хотел втянуть в нос запах этого хлеба, но втянул запах старых ботинок и туфель, которые до поздней ночи латал хозяин нашего дома. Теперь, надышавшись пылью заплесневелой обуви, он растянулся на своем верстаке и спит. Дышал то тяжело, то придыхал, либо совсем переставал вовсе дышать и внезапно наполнял всю грудь, даже свистело и

напоминало что-то вроде дырявого цыганского меха.

Мне дальше спать не захотелось…

На ратуше выбило полтретьего.

Мысли упрямые и въедливые, как осенние мухи, не то что не дают заснуть, а даже веки не могу сомкнуть.

Вспомнил прошлое, вспомнил отца и мать, измученных трудной, тяжелой жизнью. Преждевременно ушли они на вечный покой, кому где судьба определила.

Отец оставил свое здоровье по дороге в Талергоф и в Талергофе за свои симпатии к России, а мать — блуждая по миру вместе с нами. Мы жили в холоде и в голоде.

Вспомнил вас, и как-то загрызла меня совесть, что связал твою судьбу с моей — корявой, растрепанной…

Прости, Анечка, что сегодня до предела растрогался и размечтался. Других заставляю держать голову высоко, а сам опустил…

Пиши, что хорошего у вас? Поздравь всех родных а знакомых!

Искренне тебя целую.

Славко».

Письмо это помечено: «Львов. 1929».

Вскоре после того, как Анна получила приведенную весточку, она направилась во Львов.

Подтверждение этому находится в воспоминаниях Петра Козланюка:

«…Подружились мы осенью 1929 года, когда Галана уволили с должности учителя в Луцке… Безработный учитель приехал во Львов искать работу. Привез он сюда пьесу „Груз“, а его Анечка — брынзу, хлеб и кукурузную муку для мамалыги. Наняли они комнатку на Песковой улице, с окном на овраги и холмы окраинной местности Кайзервальд. Я жил поблизости, и поэтому мы встречались почти ежедневно то у меня, то у него дома, а также в редакции либо в кафе, где мы читали газеты либо болтали с друзьями… В этот период Галан прекрасно играл на скрипке… Он еще с венских времен, когда зарабатывал себе на пропитание игрой на скрипке в кинотеатрах Вены, знал на память почти все оперы и оперетты, десятки музыкальных произведений великих композиторов. Особенно нравились ему печальные мелодии. Играл он страстно, душевно, и я часто сидел, слушая его, как зачарованный. А спустя некоторое время он внезапно подарил свою скрипку одному сельскому хлопчику.

— Зачем ты отдал скрипку? — спросил я удивленно.

— Не буду играть. Не могу — душа болит, — ответил он

печально. — Когда-нибудь я, о друг мой (это было его излюбленное обращение), расскажу тебе.

Так по сегодняшний день остается для меня тайной, почему Галан избавился от своей любимой скрипки. С той поры писатель уже никогда о ней не вспоминал…»

Вероятно, особой тайны здесь никакой не было: у Галана уже была семья, а значит, и новые заботы. В голове — множество литературных планов. И работа в революционном подполье держала его в постоянном нервном напряжении. Большие надежды связывал Галан с постановкой пьесы «Груз» — вещи, осененной крылатым вдохновением и трепетным, нежным чувством.

Как-то между Ярославом Галаном и критиком Анатолием Тарасенковым в сороковые годы произошел любопытный диалог.

— Ярослав Александрович, что же вы считаете главным в своем творчестве — памфлеты, рассказы или пьесы?

— На это невозможно ответить, — отпарировал Галан. — Мать не делит своих детей. Но такова жизнь, — грустно добавил он, — где-то в глубине сердца кто-то ей ближе. Для меня это — драматургия.

— Почему?

— В драме наиболее раскрываются характеры и страсти человеческие. Это, если хотите, работа на психологической передовой…

— А с чего это у вас началось? — полюбопытствовал Тарасенков. — Я имею в виду, когда вы это почувствовали?

— Хронологически рубеж определить трудно. Первые опыты вспоминаешь сейчас с улыбкой. Попробовал как-то инсценировать повесть и рассказ для любительского театра в Перемышле. Под жутким названием — «Тайна ночи». Поставили, представьте себе. Мне было тогда двадцать три года. Вполне подходящий возраст, чтобы считать себя маститым драматургом, — засмеялся Галан. — Во всяком случае, это меня, как понимаете, окрылило, и я вскоре засел за драму «Дон-Кихот из Этенгейма». С середины 1926 года до начала 1927-го работал.

— Не видел.

— Да вы и не могли видеть. Шла она в Галиции. И то неделю.

— Это какой же Дон-Кихот?

Галан улыбнулся.

— Из Этенгейма. Помните у Толстого, в «Войне и мире», разговор в салоне Шерер о «несчастном» герцоге Ангиенском?

— Тот самый?

— Да. Наполеон расправился со сторонниками королевского дома Бурбонов. Они же мечтали с помощью Англии свергнуть

Бонапарта и реставрировать монархию. 21 марта 1804 года в Этенгейме и был расстрелян принц дома Бурбонов герцог Ангиенский. В пьесе я его изобразил под именем князя Луи д'Ангиена.

— А цель? Конечная ваша цель?

— Показать, что люди, идущие против законов истории, обречены.

— Пьеса имела успех?

— Мнения разделились. Одни хвалили, другие — особенно рабочие на обсуждении постановки — сетовали, что я не тем занялся. Говорили: «Нам нужны не донкихоты Ангиенские, а борцы-революционеры, как в рассказах Гаврилюка».

— А ваше личное отношение ко всему этому?

— Думаю, что рабочие были правы. В тех условиях ожесточившейся классовой борьбы в Галиции нужно было действительно иное оружие. К тому же все у меня было довольно смутно. Я увлекся в пьесе борьбой характеров, часто упуская из виду, какие классовые силы за этими характерами стоят…

— Но где же все-таки начало? Галан подумал.

— Если серьезно, то, видимо, это драма «Груз»…

Об этом времени и постановке пьесы рассказывала в одну из наших встреч с ней народная артистка Украины Леся Кривицкая:

— И радостно и тяжело все это вспоминать. С Таланом я познакомилась в 1927 году во Львове. Я тогда работала в труппе Кооперативного театра. Мы не имели стационара и ездили из города в город. Часто гастролировали во Львове, Станиславе, Дрогобыче и Бориславе. Выступали мы преимущественно в рабочих районах. И наверное, потому-то к нам и пришел Галан со своей пьесой «Груз».

Первая встреча с Галаном была на квартире режиссера и актера Иосифа Стадника в конце 1927 года. Собралась группа актеров кооператива «Украинский театр». Все мы знали, что придет автор пьесы «Дон-Кихот из Этенгейма», которая начала печататься в журнале «Викна». И вот входит молодой человек (Галану было тогда 25 лет) невысокого роста, крепкого сложения, светловолосый, молча обводит всех внимательным взглядом слегка раскосых серых глаз, здоровается. Садится на приготовленное для него место за столом, начинает читать. Не спеша, выразительно…

…«Вантаж» («Груз») мы поставили через два года после «Дон-Кихота из Этенгейма». Галан снова несколько раз приходил к нам на репетиции. У меня что-то не клеилась сцена смерти Дженни. Галан это запомнил и на следующую репетицию пришел со скрипкой. «А ну-ка, Леся, попробуйте сыграть этот кусок под мое

сопровождение», — и заиграл песню Сольвейг из оперы «Пер Гюнт» Грига.

Всю гамму переживаний во время работы над ролью передать трудно, но сыграла я, кажется, неплохо.

И вот премьера «Груза». Хотя и нелегко было в то время ставить украинские, да еще прогрессивные пьесы, однако мы добились своего.

Маленький зал музыкального института имени Лысенко на улице Шашкевича был переполнен львовскими рабочими, передовой интеллигенцией. Присутствовал консул СССР со своими сотрудниками, был и Галан. Зрители горячо приветствовали боевую пьесу писателя.

Ярослав Александрович внимательно следил за спектаклем. Во время антрактов не мешал нам, а после спектакля зашел за кулисы и всем искренне сказал «спасибо». Крепко пожал мне руку:

— Вам отдельное, большое спасибо, Леся. Вы оживили мою Дженни, вы вселили в нее душу…

Александра Сергеевна улыбается, вспоминая дорогие сердцу подробности той далекой своей театральной юности.

— В нашем театре было полное равноправие. Это очень нравилось Галану. Доходы мы обычно распределяли в зависимости от численности семьи артиста. Чтобы он мог прожить не голодая.

И нам нравилась наша аудитория — многие рабочие сидели прямо в спецовках: не успевали переодеться после работы. Народу на постановки «Груза» набивалось так много, что приходилось пускать людей за кулисы.

Ездили мы обычно на возах: билет по железной дороге был нам не по карману…

…И все это молодость. С «Грузом» у меня связаны самые светлые воспоминания. После премьеры долгие годы Галан, встречая меня, называл Дженни. Разве такое забудешь!..

…Дружеская связь с Галаном поддерживалась у нас все время. Галана нельзя было не любить за чуткое, доброе сердце, за ум и принципиальность. Он, как редко кто иной, понимал чрезвычайно тяжелое положение артиста в буржуазном обществе, его зависимость от «власть имущих». Но он был великим оптимистом и говорил: «На превеликое счастье мы не одни. За нами стоит могучая сила, которая спасет нас, — это Советский Союз. Ручаюсь вам, что вы будете играть на государственной сцене и труд наших артистов будет по заслугам оценен…»

Его слова прибавляли мне силы, были словно родниковая живительная вода для жнеца в жаркое лето.

Однажды я спросила Ярослава Александровича, нет ли у него для нашего театра какой-нибудь пьесы. Он засмеялся и сказал:

— Пьеса нашлась бы, но полиция не разрешит поставить ее, да еще беду на себя накличете — театр закроют только за одно желание взять мою пьесу…

Александра Сергеевна Кривицкая в одном из писем авторам вспоминала новые детали постановки и жизни пьесы «Груз»: «мы играли во Львове, а потом в Тустановичах, в районе Борислава. Вскоре нам пришлось снять пьесу с репертуара. Ее запретили нам ставить и на периферии и во Львове».

Почему? Ответ нужно было искать уже в самой пьесе и в тех обстоятельствах жизни, которые вызвали ее рождение. Восьмой пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала принял решение, в котором всем коммунистическим организациям вменялось в обязанность организовать всемерную поддержку китайской революции и активнейшую борьбу против интервенции в Китае. В обращении Союза китайских революционных писателей говорилось: «Мы призываем наших товарищей в каждой стране помогать нам чем можно — печатанием сведений о китайской революционной борьбе, требованием отзыва из Китая империалистических воинских частей и судов, поддерживающих китайскую реакцию…»

Драма Галана «Груз» — это художнический анализ именно тех империалистических сил, что стояли за спиной китайской реакции, и приговор им, выполненный с истинным писательским блеском и неумирающей взволнованностью.

В центре пьесы — семья одного «из первых граждан Британской империи» Сэма Уокерса, корабельного предпринимателя. Сэм Уокерс, по его понятиям, — безусловный патриот.

В понимании Уокерса патриотизм состоит в укреплении такой Англии, которая в бешеной погоне за наживой угнетает миллионы «цветных» рабов во всех уголках земли, Англии, которая на крови и поте трудящихся наживает кругленькие состояния, спекулирует, продает и не жалеет стерлингов на борьбу с национально-освободительным движением народов. Именно поэтому для Уокерса перестал существовать как член семьи его приемный сын Оскар, осужденный за революционную работу на два года тюрьмы. Но у Оскара иная родина. Тоже Англия, но другая. «У него тоже есть своя родина, — говорит С. Уокерсу его дочь Дженни, — и он ее любит любовью… которой мы понять не в силах».

Исследователям творчества Галана и мотив этот, и проблематика казались свойственными лишь данной пьесе

писателя. Но это не так. Ведь ровно через год Галан напишет комедию об украинском национализме — «99 %». Многие ее идейно-нравственные коллизии обнажатся в сцене, где один из деятелей национализма произносит тост во славу своей партии, за «этих вернейших и лучших сынов народа, которые… с патриотизмом античных героев и самопожертвованием мучеников святой католической церкви отдают жизнь свою Украине…».

Такими предстанут и украинские уокерсы. С той же психологией и тем же пониманием «патриотизма», синоним которого — защита любыми средствами классовых интересов буржуазии. Изменятся имена и место действия. Суть конфликта останется.

Революционные бури расшатали царство уокерсов. Чтобы «удержаться на поверхности», Уокерс спекулирует на поставках оружия продажной чанкайшистской банде авантюристов. Нравственный конфликт драмы, как писал один из зрителей — рабочий — после просмотра спектакля, «исходит из глубинного понимания автором процессов окружающей нас жизни. А нравственный урок у ее — выбор дочерью Уокерса, Дженни, единственно достойного человека пути — пути в революцию».

«А мы не в болоте живем? — бросает она отцу. — Над этим ты не задумывался никогда? Отец, мы все утопаем в нем… по самые уши. Такую мы все выбрали судьбу, первые граждане Британской империи. Морем отгородились от мира; нам кажется, что лесами труб дотянулись до неба, а мы только заплевали его. Сотни миллионов разношерстных рабов обеспечивают нам доходную, спокойную жизнь. Это хуже смерти, отец».

Не было, кажется, такого года за последнее столетие, когда бы с новой силой не вспыхивали споры о том, что такое «романтика». Не была в этом смысле исключением и драма «Груз», в дискуссиях о которой все так или иначе сводилось к необычайно прекрасному, исполненному трепетной человеческой чистоты образу и характеру Дженни. И даже любителей абсолютно регламентированных в социальном смысле характеров она покоряла именно той сложностью натуры, без которой ее человеческая достоверность и цельность были бы нереальными. Смятение, когда человек принимает решения, определяющие его дальнейшую жизнь, — не признак слабости или раздвоенности души. Цельность характера Дженни в другом — это органическая ненависть ко всякой лжи и фальши. Отрешенность от всего, что мы называем эгоизмом и себялюбием. Понятие «доброта» в таком характере ничего не объяснит. Человек не может быть добр ко всем. Здесь зритель видел доброту, поднимающую не только

Дженни, но и всех, кто умеет отличать в жизни подлость от истинной красоты сердца. Доброту, сплавленную с высоким полетом души, открытую звонкому ветру революции.

Дженни избирает борьбу. Борьбу с миром отца…

Свет с востока

«Закон, против которого бессильны Гитлеры…»

«Биография Галана, — писал в неопубликованных заметках известный советский писатель Степан Злобны, — если ее написать целостно и подробно, дает полное представление об общественно-политической истории Западной Украины. Она раскроет классовые отношения и классовую борьбу, борьбу политических партий, предательскую роль униатских попов, которые под рясами носили маузеры и немецкие парабеллумы, а в алтарях хранили гранаты, пулеметы и антисоветскую литературу. Эта биография раскроет двуличие буржуазных националистов, борьбу течений в среде западноукраинского крестьянства и интеллигенции.

Короче говоря, биография Я. Галана — это история последних десятилетий Западной Украины…»

Галан вошел в литературу в середине 1920-х годов, когда в результате нарастания революционной волны наметилась резкая дифференциация в среде писателей Польши и Галиции.

В 1926 году в Польше произошел фашистский переворот. Но, поставив у власти фашистского диктатора Пилсудского, буржуазия не смогла примирить противоречий, раздиравших панскую Польшу.

О чем думал, чем жил, чего ждал галицийский селянин?

Может быть, тем и сильно искусство писателя-коммуниста, что он умеет в драматическом и скоропреходящем хаосе происходящего почувствовать, увидеть определяющие, движущие силы общественного процесса, психологически и социально проанализировать те кажущиеся пока разрозненными явления, которые только видятся разобщенными, случайными и единичными. Пройдут какие-то год-два, и они, слившись воедино, дадут ту самую неотвратимую силу, которая может смести весь устоявшийся порядок вещей.

Галан слишком хорошо знал жизнь Галиции, чтобы не видеть и не замечать надвигающейся бури.

Еще не забылись волнения 1921–1923 годов, как в 1925 году новое крестьянское восстание прокатилось по Волыни. В 1930 году забунтовали села Восточной Галиции и одновременно взорвалась партизанской войной богатая революционными традициями Волынь. Чтобы подавить национально-освободительную борьбу трудящихся, польское правительство применило чудовищные репрессии, известные под названием

«пацификации» (умиротворения). Правительственные отряды, вооруженные зачастую орудиями и броневиками, сжигали посевы и целые селения, проводили массовые истязания крестьян.

«Что происходит в их душе? Насколько она преисполнена решимости и гнева? И насколько устойчиво и революционно такое бунтарство?» — эти вопросы мучали Галана. Он обдумывал новый рассказ — «Казнь». И уже первые выведенные им на бумаге строки исключали возможность предположений, когда и где происходит действие. «По всей стране скрипят виселицы». Одна эта фраза объясняла мотивы, заставившие Галана взяться за перо.

А кто такой главный герой рассказа Гнат Орестюк? Революционер? Нет! Где там!.. Он же еще верит в защиту официального правосудия. Галан видел таких Гнатов в зале луцкого суда. Растерянных, угрюмых. С безысходной тоской в глазах. Это они, такие, как Гнат Орестюк, потеряв в конце концов надежду найти справедливость и прокормиться на родине, уезжают за океан искать свое счастье. Только вряд ли найдут. Там, за океаном, свои кулаки. Только, может быть, называются они иначе. Но эмиграция принимала массовые размеры. А что было делать? К 1929 году около миллиона сельских рабочих или нищенствовали, или батрачили у помещиков и кулаков за ничтожную плату. И снова бунтовали. И снова шли под пули, на виселицу.

В мучительных раздумьях складывался у Галана сюжет и прояснялся нравственный конфликт рассказа «Казнь». Теперь он уже зримо видел и чувствовал своего героя.

Начало повествования — перерождение героя.

Крестьянин Гнат Орестюк вместе с девятью товарищами участвовал в покушении на кулака Миколайчика — человека, у которого полсела в долгах, который разорял крестьян и многих односельчан посадил в тюрьму своими доносами. Помещик из соседнего села платил ему за поставку на панские поля штрейкбрехеров. Покушение не удалось, и Гнат Орестюк со своей шестилетней дочкой Гапкой на руках пытается перейти границу, уйти на Советскую Украину. Но боязнь поставить дочь под пули польских пограничников заставила его вернуться, и вот он перед военным трибуналом, который обвиняет его в «террористической деятельности и шпионаже» в пользу Советского Союза.

Устами прокурора, обвинителя, говорит весь класс угнетателей. Он приговорил Орестюка к смертной казни через повешение. Буржуазные судьи вынесли суровый приговор, потому что видели в Гнате не нарушителя границы, не «шпиона и диверсанта», а завтрашнего вожака крестьянского восстания, своего завтрашнего судью. Они решили убить Гната, зарыть его

«глубоко в землю, чтобы… не поднялся Гнат Орестюк, не встал и не пошел бы мстить за свою мужицкую обиду».

Рассказ писался с какой-то отрешенной яростью. Словно Галан сам сидел с Гнатом на скамье подсудимых. Словно в его собственной душе остались от надежды одни пепелища. Но разве такое у одного Галана? А у сотен и тысяч других? На одном Владимиро-Волынском процессе суд приговорил сто пятьдесят одного коммуниста к тюремному заключению в общей сложности на тысячу лет. Галан писал, словно медленно шел по размытым нудными дождями дорогам, по обочинам которых ветер раскачивал трупы казненных.

Галан видел, что творится в душе таких, как Гнат. Он знал, как закончит повествование, в чем будет его взрывчатая сила.

Суд, помещики, миколайчики слились для Гната в одно целое — в строй, который был виновником «серой, нерадостной мужицкой жизни».

А когда Гнат открывает в себе «целое море ненависти», он перестает быть покорным. Он понимает, что его судят не за попытку перейти границу, а за то, что Гнат может подняться и пойти «мстить за свою мужицкую обиду». Гнат прозревает.

«Но разобщенные удары — многое ли они дадут? Нужен кулак, а мы были растопыренными пальцами». Так думал не один Галан, но и многие, близкие ему по литературе друзья.

…Ярослав Галан создавал один за другим страстные, наполненные чувством социального протеста рассказы и следил за литературными происками своих врагов — националистических графоманов, окопавшихся в издательстве «Червона калина». Один из этих графоманов, некий Веринский, опубликовал в альманахе, вышедшем в издательстве «Червона калина», которое, по меткому определению Галана, задыхалось «от классовой ненависти к трудящимся», воспоминания «Над Ценивкой». У речки Ценивки в 1917 году под влиянием агитации большевиков произошло братание русских солдат с войсками украинских «сичевых стрельцов». Украинские националисты, верно служа австро-венгерским оккупантам Западной Украины, в доказательство своей верности Габсбургской монархии, создали в первую мировую войну так называемые стрелецкие части (УСС), сражавшиеся на стороне австрийской армии против русских войск, а после Великой Октябрьской социалистической революции — против Советской республики на стороне Антанты. Части УСС, разоблачает Веринского Галан в своем рассказе «Неизвестный Петро», состояли преимущественно из сынков украинской буржуазии и кулачества. Но в них входили и обманутые националистической пропагандой крестьяне-

середняки и даже бедняки. И когда в России грянула революция, рядовой армии большевиков, неизвестный солдат Петро встал, не боясь смерти, на бруствер окопа и сказал людям, стоящим во вражеских траншеях: «Товарищи стрельцы! Мы больше не будем стрелять в вас — у нас рево-лю-ция! И царя у нас уже нету, и господ, товарищи, не будет… Да здравствует, товарищи стрельцы, революция!..»

Слово Петра, как и слово коммунистов в Ростове, сделало свое дело. Позднее Галан напишет статью «Рыцари черной руки», прямо перекликающуюся с рассказом «Неизвестный Петро». Здесь он расскажет о «коллегах» пана Веринского по несчастью. Основываясь на воспоминаниях самих националистов, Галан показывает, что им пришлось пережить у Ценивки действительно неприятные минуты. Галан приводит высказывание сотника Раевского, который в ужасе пишет, что ему, Раевскому, «пришлось воевать против врагов родины и своих и чужих». «Какая это трагедия!» Сотник Решетило-Ми-цек «трагедию Раевского» называет просто «катастрофой», так как «не было дня, чтобы с позиций не убежало 15–20 стрельцов…». Идеи Петро претворялись в жизнь. А это было «катастрофой» для веринских и иже с ними, крахом националистической пропаганды. Напрасно пан Раевский называет стрельцов «запроданцами» большевиков. «Важно то, — с иронией замечает Галан в статье, — что „запроданцы“ так долго били желтоблакитных рыцарей, пока они не нашли своего успокоения „в объятиях верных западных союзников“.

Офицеры-старшины, представители украинской буржуазии и кулачества, возненавидели Петро. Предательски, из засады они убивают его.

За что? В публицистической концовке рассказа Галан пишет: „Дело не в Петре. Петров тогда было много, немало их и теперь. И то, что они подымаются во весь рост, мутит разум кикалей и воютицких (националистов. — В.Б., А.Е.). Они день и ночь наводят на Петров пушки и пулеметы и будут убивать Петров, пока имеют возможность ходить среди нас живые, здоровые, надутые.

Петро говорил, Петро пел о революции…“»

На Западной Украине группе молодых пролетарских писателей, сделавших в своем творчестве шаг вперед по сравнению с литераторами «старшего» поколения — О. Кобылянской, В. Стефаником, Л. Мартовичем, — противостоял лагерь реакционной литературы, сплотившихся вокруг «Вестника» Д. Донцова фашистско-националистических литераторов, писателей «католического направления», сторонников «чистого

искусства» из «Молодой музы», «Листопада» и других группировок декадентов. Орган партии украинской буржуазии УНДО газета «Дило» задавала тон этому антисоветскому хору. «Главным органом ливрей с Апортфелями является „Дило“, разумеется, — писал Галан. — Оно одно одиноко занимает „первое место“, и за ним… „Новый час“, „Неделя“ и „Громадський голос“. Сменяются в „Диле“ портфели, не сменяются никогда ливреи».

Далеко не случайно, что местом для своей штаб-квартиры Донцов на долгие годы избрал именно Львов. Старый, матерый предатель украинского народа, разоблаченный еще В. И. Лениным, чувствовал себя как рыба в воде в этом городе, в то время почти лишенном промышленности, в окружении украинских буржуа, где, по словам Александра Гаврилюка: «… всюду, начиная с „Дела“, распространяясь вширь и вглубь, реакция вовсю смердела, как разлагающийся труп. Как будто спор вели злодеи: кто всех постыдней и подлее».

В этом живописном, на первый взгляд тихом провинциальном городе свили себе шпионские гнезда десятки иностранных агентур, действовавших против Советского Союза. До осени 1939 года во Львове было 18 консульств капиталистических государств.

Все это видели Галан и его друзья, принимая жестокий бой с украинским фашизмом. Наступление реакции заставило все политические группировки, в том числе и литературные, четко определить свои позиции.

Революционные писатели приступили к изданию общественно-литературного и критического журнала «Викна» («Окна»).

У «Викон» были свои предшественники. С 1923 года Коммунистическая партия Западной Украины с большей или меньшей периодичностью, зависящей чаще всего от степени оперативности полицейского аппарата, издавала ряд газет и журналов, на страницах которых читатель впервые и познакомился с новыми для него литературными именами — С. Тудор, В. Бобинский, М. Ирчан, К. Пелехатый, Я. Галан и другие. Использовали эти литераторы как печатную трибуну и иные органы демократического направления.

Истоки «Викон» восходят к журналу пролетарского писателя В. Бобинского «Свитло», выходившему в 1925–1927 годах. В. Бобинский и выдвинул идею создания «Викон», издания, задуманного им как регулярная газета. Затем газета стала журналом. Своим содержанием он открывал для трудящихся Западной Украины окна на Советский Восток.

На протяжении пяти лет существования (1927–1932) журнал вел последовательную борьбу за воссоединение Западной Украины с Украиной Советской, разоблачал клевету буржуазно-националистической печати об СССР, знакомил читателей с жизнью Советского Союза, боролся с национализмом, клерикальной реакцией, социал-предательством в рабочем движении.

Надежда мира — Москва!.. Они думали о ней в тюремных камерах и укрываясь на конспиративных квартирах, проводя бессонные ночи над яростными статьями и вновь возрождая разгромленные полицией рабочие типографии.

Их называли «предателями», «агентами Москвы», «шпионами Коминтерна», но разве бессильная злоба врага могла осквернить их веру и их знамя!

У викновцев стояли за спиной их предшественники — прогрессивные писатели закабаленной земли, и борьба, начатая не вчера и не сегодня, была завещана им — продолжателям бессмертного дела русско-украинского братства.

И. Франко, бичуя националистов, с волнением и гневом писал: «Мы все русофилы, слышите, повторяю еще раз: мы все русофилы. Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра… И русских писателей, великих светочей в духовном царстве, мы знаем и любим… мы чувствуем себя солидарными с лучшими сынами русского народа, и это крепкая, устойчивая и светлая основа нашего русофильства». Умер Франко, и раздался гневный голос В. Стефаника, отвечающего националистическим политиканам: «Та единая Украина, которая существует на свете, создана не вашими съездами и не вашими статьями… Мы, мужики, не боимся большевиков, потому что все мы большевики в душе…»

Вокруг «Викон» объединились писатели, творчество которых в основном сложилось в середине двадцатых годов. Революционное ядро журнала составили С. Тудор, опубликовавший уже в первом номере автобиографический очерк «Октябрь», Я. Галан, выступивший со второго номера, П. Козланюк, начавший работать в журнале с третьего номера, и «группа крестьянских прикарпатских и волынских писателей-активистов, имена которых, — по словам Тудора, — появлялись и исчезали в промежутках между пребыванием в одной тюрьме и другой…».

С пятого номера за 1928 год «Викна» перешли на коллегиальное редактирование. С этого же времени С. Тудор становится членом редколлегии, а с июня 1930 года — ответственным редактором и издателем журнала. В состав

редколлегии вошли также Я. Галан, А. Гаврилюк, П. Козланюк, Я. Кондра.

Но создание журнала — это только первый шаг к объединению пролетарских писателей Западной Украины.

12 мая 1929 года при «Викнах» созывается открытая Степаном Тудором первая конференция пролетарских литераторов Западной Украины. На ней и было создано объединение пролетарских писателей — «Горно». В принятой конференцией декларации, которую подписали Тудор, Галан, Козланюк и другие, говорилось: «Хотим, чтобы наше творчество было орудием в борьбе своего класса… Стоим на пролетарской идеологии, обоснованной Марксом и великими практиками современного последовательно-марксистского пролетарского движения, и идем на разрыв с лагерем мелкомещанской, националистической литературы». С. Тудор выступил на конференции с докладом «О литературном положении на западноукраинских землях». «Только то направление в литературе, которое руководствуется идеологией пролетариата, — говорил он, — защищает интересы народа. Пролетарское направление противостоит фашистским и националистическим группировкам».

Авторами «Викон» были люди, подобные герою поэмы Гаврилюка. «В злодейских лапах дефензивы он начинает путь правдивый, в тюремных спорах, не из книг, азы марксизма он постиг».

— Можно подумать, что заранее сговорились, — пошутил однажды Тудор. — Вместе встретили революцию в России. Вместе делаем ее здесь… — И процитировал строки Гаврилюка:

Паны варшавские хлопочут, Чтоб к ним мы обратили очи, — Их мир нам чужд, их строй жесток. Мы смотрим только на Восток.

Борьба, которую вели «Викна», была исключительно напряженной и трудной. Единым фронтом выступали против них более восьмидесяти газет и журналов фашистско-националистического лагеря, издававшихся в одном только Львове. Проповедники воинствующего национализма объединились в так называемом «Украинском товариществе писателей и журналистов», тон в котором задавали такие люди, как Донцов и Маланюк. Донцов, ненавидя простых людей Украины, мечтал о приходе «своего» Гитлера, который сумел бы «держать в узде племя рабов», как презрительно называл он крестьян Галиции. Евген Маланюк и его многочисленные бездарные подражатели не уступали ни в чем Донцову и его коллегам. «Старейшины» украинского декаданса звали читателя в «новые мистические края». При помощи щедрых подачек

митрополита Шептицкого в литературе Галиции укрепилось «католическое направление».

На всех участках идеологического фронта викновцы противостояли силам войны, фашизма, антинародной литературы и журналистики.

Человек, который не умеет жить спокойно

Поэт Семен Гудзенко был солдатом. Когда ему довелось прочесть то, что выходило из-под пера викновцев, и в частности повесть друга Галана — Александра Гаврилюка «Береза», у него родилось ощущение открытия, о котором он написал в «Литературной газете»:

«То, что потрясло мир в предсмертном слове Юлиуса Фучика, — непреклонная уверенность в своей правоте, жизнелюбие, твердость даже перед лицом смерти, — чувствуем мы в повествовании Александра Гаврилюка… Застенки Пилсудского в тридцатые годы и Гитлера в сороковые придуманы были одним и тем же воспаленным воображением фашизма. И цель у этих душегубов была одна — сломить волю коммунистов, заставить их смириться, отступить. А могли добиться они всегда лишь одного — умножения силы узников и числа их последователей. Таков закон, против которого бессильны гитлеры и пилсудские всех десятилетий».

В сущности, ведь все зависит от характера и убеждений человека. Одних буря гнет. Другие даже смерть обращают в пользу своего дела. Литератор, журналист, памфлетист Ярослав Галан не умел и не хотел жить спокойно. Историки назовут годы его работы в «Викнах» «временем расцвета публицистического мастерства Галана».

Галан часто печатался в журнале «Викна» под псевдонимом «Яга». Но как для читателей, так и для господ цензоров псевдоним недолго оставался секретом: стиль Галана, его гражданский и творческий почерк нельзя было спутать ни с каким другим. Популярность «Яги» росла от номера к номеру, и, по словам Петра Козланюка, «шило „Яги“ утаить в „мешке“ вскоре стало явно безнадежной затеей».

Так же в свое время русский читатель без труда расшифровал эзоповский язык яростных сатир Салтыкова-Щедрина, и невольно родившаяся здесь у нас историческая параллель не случайна. «Из русских классиков XIX века Галан больше всех любил Щедрина, — вспоминает М. А. Кроткова-Галан. — Он говорил: „Такого другого писателя, кроме него, не вижу“».

Ученичество не значит подражательство, но, как и Салтыков-Щедрин, Галан с самыми серьезными основаниями мог сказать о себе, что «привычке писать иносказательно» он «обязан цензурному ведомству». В Галиции оно, как и в давние николаевские времена в России, до такой степени терзало литературу, как будто поклялось «стереть ее с лица земли». Но

литература «Викон» «упорствовала в желании жить и поэтому прибегала к обманным средствам».

Памфлеты Галана «Последние годы Батагонии» и Гаврилюка «Наивный негр», появившиеся в 1931 и 1930 годах в «Викнах», продемонстрировали блестящие возможности сатиры такого рода.

Галан рассказывает о далекой стране Батагонии, которая лежит «за бурным океаном». «Мы, конечно, могли бы и не вспоминать о ней, — говорит писатель, — если бы нашей задачей не являлось распространение знаний, — а что лучше, чем история (если она не извращена), просвещает и учит?»

Плавание «за бурный океан» оснащено у Галана весьма точно работающим компасом: он дает к памфлету эпиграф из стихотворения Гёте: «Знаешь ли ты эту страну?» «Эту страну» читатели Украины и Польши узнавали без труда.

Галан писал о государстве, где царят жестокий гнет, кровавый террор и дикие средневековые порядки:

«Над батагонскими работниками от восхода до захода солнца свистели батоги, а когда они пытались протестовать, их, как бешеных собак, расстреливали. Еще недавно вся земля была их, но со временем пришли аристократы-испанцы и на плечах своих рабов привезли аристократическую культуру.

Не прошло и десяти лет, как Батагонию дармоеды-паны Малоиспанией прозвали и батагонский (читай украинский. — В.Б., А.Е.) язык изгнали из школ в подполье. И не стало жизни бедняку батагонцу, если только он не хотел превратиться в прихвостня испанцев».

В «Малоиспании» прозрачно угадывалась «Малопольша», или «Польша-Б», как называла польская шляхта, беспощадно преследовавшая все украинское, восточные колонии шляхетского государства. В «собственных панах» — националистическая украинская буржуазия, а в «трудящихся Испании» — народ Польши.

Читателями было замечено и другое. Нет, автор памфлета совсем не желал «растворяться» в подтексте. В конце повествования он решительно брал слово, чтобы громко заявить свое писательское кредо: «Следствием борьбы и стремлений батагонских рабов стало слово! Его-то боялись пуще всего прихвостни испанских гидальго и уничтожали каждый его след, след живого, боевого слова… Сажали за стол человека, совали ему деньги в карман, а в руки карандаш, и наемный человек водил карандашом по печатным словам рабов, и вместо черных букв, что горели в те годы багровым пламенем, росли белые пятна. Таким образом намеревались гидальго угнетать мысль

рабов. А рабы вчитывались в белые пятна и находили в них столько живого и пламенного протеста, что их глаза горели огнем. Такой была песня белых пятен…»

Галан ясно видел долг писателя: поднимать «живой и пламенный протест» народа против капиталистического рабства.

Находила ли эта проповедь отклик в душах тех, к кому обращался писатель? «В луцкую тюрьму, — это только одно свидетельство старейшего коммуниста Богдана Дудыкевича, — вместе с передачей попало несколько страниц журнала „Викна“, где был напечатан острый памфлет Галана о правительстве Пилсудского по поводу пацификации Западной Украины и жестоких пыток политзаключенных — коммунистов в луцкой дефензиве (политической полиции). Этот памфлет мы берегли, как величайшую ценность, перечитывали его с волнением, осторожно передавали из камеры в камеру».

Галана никогда не обольщала просто громкая популярность. Он мучительно размышлял, насколько действенна его публицистическая работа, и все ли возможности революционного слова используются им результативно и целенаправленно.

Поднимать протест… Когда речь идет о доведенных до отчаяния рабочих и крестьянах — здесь все ясно. Но как быть с другими? С немалой прослойкой инфантильных галицийских интеллигентов, «традиционно» стоящих, как им казалось, «вне политики»? Как герой его позднего рассказа «На мосту» доктор Остапчук. Что ему зло и беды этого мира! Когда «после лишений в студенческие годы в его кармане зашевелились первые заработанные деньги», у него родилась одна мечта: «через каких-нибудь десять-пятнадцать лет» он «сможет купить себе автомобиль». «Доктор Остапчук не раз повторял, что он не рожден для бурь. Молнии мечут враги, а таких врагов у него не было».

Встреча с польским капралом, который избил Остапчука только за то, что он украинец, положила конец иллюзиям доктора…

Почти через десять лет после того, как был написан рассказ «На мосту», между Галаном и его соратником, революционером Кузьмой Пелехатым, произойдет любопытный разговор.

— Сегодня ко мне приходил человек, — рассказывал Пелехатый, — который копия вашего Остапчука. На Западной Украине все изменилось. Пришла Советская власть. Люди буквально на столетие шагнули вперед. А он как был мещанином, так и остался. Знать ничего не хочет, кроме одного, чтобы никто его не трогал. А его всего-навсего попросили прочесть лекцию на заводе.

— Мещанство живуче, — помолчав, бросил Галан. — Мне кажется, микробы его обладают свойством неуничтожимости. Рецидивы болезни разные, а суть — одна.

— Философия поговорки «моя хата с краю».

— Да. Но чаще бывает, что такие хаты горят первыми. И только тогда человек начинает понимать, что «края» на земле нет.

— Вы, помнится, об этом много писали в своих рассказах, — Пелехатый улыбнулся. — Остапчук — это, кажется, из рассказа «На мосту»?

— Оттуда. Да и многие другие рассказы, по существу, об этом же, хотя и герои их, и прототипы таких персонажей разные. Правда, мне было интересно в этих людях другое: как в них просыпается человек и борец. Безысходность и забитость галицийского мужика для меня тогда уже не могли быть открытием: об этом писали и Стефаник, и Черемшина, и Мартович. Открыл я тогда, в тридцатых годах, наблюдая жизнь в селах, другое — и крестьянин, и сельский интеллигент перестали быть бессловесной скотинкой. В них проснулось чувство собственного достоинства, протест.

— Да, тогда жарко было в Галиции.

— На насилие люди отвечали насилием. И в этом была их высшая правда и справедливость.

— Вы имеете в виду своих героев? — спросил Пелехатый.

— И героев, и то, что их породило, — жизнь.

— Но почти все ваши рассказы драматичны. Почти в каждом из них — трагедия.

— Драма драме рознь. Есть драмы, финал которых — конец, гибель всего и всея. Иные трагедии — только начало других человеческих путей, революционного обновления судеб.

— Выходит, вы — за такие драмы!

— Но если они неизбежны, если без них человек не в состоянии понять, что происходит в мире, тогда как быть?..

— Не знаю, — Пелехатый помолчал. — Как-то с этой точки зрения я к жизни, наверное, не присматривался. Но, наверное, вы правы… Люди — они ведь очень разные. И пути их в революцию тоже неодинаковы…

В начале 1931 года один из каноников принес митрополиту Шептицкому январскую книгу журнала «Викна» и, всячески извиняясь, доложил, что этот журнал «паплюжит», то есть оскверняет, священную особу его эксцеленции. Каноник показал митрополиту отчеркнутое место в памфлете, где было напечатано дословно: «А что касается Шептицкого, этот бородатый мутитель святой водички умножает свои „заслуги“ основанием новой, уже наичернейшей из черных партий „Украинского католического

союза“».

Фельетон был подписан «Яга». Митрополита задело не столько оскорбительное прозвище «бородатый мутитель святой водички», сколько то, что неизвестный автор, скрывающий по понятным причинам свою подлинную фамилию, очень едко, с большим знанием дела высмеял детище митрополита — новую партию, которая должна была пойти в атаку на коммунистов.

Шептицкий поручил каноникам из консистории узнать, кто скрывается под псевдонимом «Яга», и завести на него досье. Так Шептицкий поступал всегда: в капитуле святого Юра на любого заметного инакомыслящего деятеля заводили своеобразное церковное следственное дело. Дела эти хранились в большом, окованном стальными полосами сундуке, ключ от которого хранился у владыки. Изучая досье, он мог парализовать противников униатской церкви, пробующих вести самостоятельную политику и пренебрегавших авторитетом Шептицкого. Одного «вольнодумца» через своих людей он лишал работы, пробуя сломить его волю голодом и нуждой. Другого с помощью тонко замаскированных связей церкви с пилсудчиками отдавал в руки полиции. В случае полного раскаяния и желания впредь подчиняться воле и указаниям митрополита малодушного ожидало не только всепрощение, но даже материальная помощь.

Досье, заведенное на Ярослава Галана, росло быстро, а прозвище «мутитель святой водички» словно прилипло к митрополиту, пошло гулять по всей Галиции, от Львова до Карпат.

А насчет выпестованной «святым отцом» партии этот Галан попал также в самую точку. Партию эту, к величайшему прискорбию святоюрских отцов, народ так и не признал своей. В нее шли сыновья попов, кулацкие выкормыши, националистическое отребье. Она стала партией черносотенных погромов, партией бандитов и убийц, «авангардом» униатской церкви в осуществлении ее кровавых планов. Позднее в памфлете «Я и папа» Галан рассказывал о том впечатлении, которое произвела его статья на клерикальную реакцию: «По-настоящему мой конфликт со святым престолом обострился, когда я… в одном журнале назвал митрополита Шептицкого мутителем святой водички. Этот удар был для князя греко-католической церкви громом с ясного неба. Как раз в это время граф Шептицкий был увлечен богоугодным делом подготовки антисоветского крестового похода. Моя нетактичность вызвала понятное возмущение». Партия Шептицкого ставила своей целью беспощадную борьбу с коммунизмом, и Галан, собственно, раскрыл перед всем светом планы митрополита: «Первое и

последнее слово в этой борьбе должно неизменно оставаться за его преосвященством и его непосредственными вдохновителями».

Все это для святоюрского энклава было совсем некстати. Ватикану и без его львовских пастырей хватало хлопот и неприятностей. Все, что тайно вынашивалось в святая святых — в самом узком кругу церковной иерархии, озабоченной подготовкой нового антисоветского похода под флагом «католического действия», теперь было обнародовано, окружение Шептицкого следило теперь за каждым словом Галана, появляющимся в печати. Оскорбив священную особу митрополита, он, кажется, решил открыть прицельный огонь по всем другим столпам верного антисоветским знаменам клерикализма.

Свидетельством тому был новый, еще пахнущий типографской краской номер «Викон» со статьей Галана «Достанут».

Второй удар за один и тот же тридцать первый год! Чего доброго, верующие, прочтя возмутительные строки «Яги», действительно подумают, что отец Муккерман, о котором писал Галан, — иезуит и матерый провокатор…

После опубликования в СССР пятилетнего плана развития народного хозяйства клерикальная и националистическая печать начала обливать его потоками грязи и клеветы, доказывать «несостоятельность социалистического эксперимента». Галан издевался над «национальными героями», которые «с самоотверженностью», достойной лучшего применения, предсказывали провал пятилетки.

К ним принадлежал и немецкий иезуит патер Фридрих Муккерман, один из видных деятелей католической церкви, специализировавшийся в бесстыдной клевете на СССР. Многие сфабрикованные им антисоветские фальшивки Пий XI включил в свои антикоммунистические энциклики. Подготавливая «крестовый поход» против СССР, папа особые надежды возлагал на правящую в то время в Германии «католическую партию центра», одним из деятелей которой был Муккерман. Свои писания иезуит опубликовал в газете «Германия» (орган правительственной католической партии). Показательно, что главным акционером этой газеты был гитлеровский дипломат, военный преступник фон Папен, который 14 января 1934 года в гитлеровском официозе «Фелькишер беобахтер» прямо указал на союз фашизма с папским Римом: «Третья империя — первое государство, которое не только признает, но и проводит на практике высокие принципы Ватикана».

Отцу Муккерману явно не везло. Поймав его, что называется,

с поличным, по нему открыли огонь не только в Москве и Львове. Выступление Галана могло бы для Европы пройти и незамеченным. Но в дело вмешался не кто-нибудь — сам вождь германской Компартии Э. Тельман. На XI пленуме Исполкома Коминтерна в апреле 1931 года он сказал о Муккермане: «От этого бесстыдного субъекта несколько раз требовали, чтобы он представил доказательства правильности этих утверждений (клеветы на Советский Союз. — В.Б., А.Е.). Он сначала ссылался на Рехберга, затем на офицеров английской военной миссии… а последние — опять-таки на агентов английского информационного бюро. Эта бесстыдная фантазия антибольшевистского лжеца была заклеймена нашей прессой. Но таков брызжущий ядом язык всех наших правительственных партий, таков язык той партии, которая ежедневно идеологически подготавливает войну, руководствуясь воззванием папы для „крестового похода“ на СССР».

Клеветнические писания патера усердно перепечатывали на Западной Украине присные Шептицкого. И здесь, поддерживая единый фронт пролетарской прессы, их высмеивал Ярослав Галан. Высмеивал, помня совет Ленина, данный А. Луначарскому, рисовать портреты врагов во весь рост по цитатам из них же: «Как узнаем из „Новой зори“, — писал Галан, — Фридрих Муккерман уверяет, что „план пятилетки имеет в себе нечто безмерно великое, просто демоническое“… что „он хочет подчинить 160 миллионов человек“… Еще не все. Тем, „чем когда-то был для нас Христос, тем теперь стал Ленин“ (аминь). „Мы в Европе должны считаться с временной победой большевизма“ (подай, господи). Думается, что этого довольно, тем более что „Новая зоря“ подкрепляет от себя, что „отец Муккерман есть человек великого ума“». Из коротких изречений изолгавшегося патера Галан «во весь рост» создал его портрет — портрет клеветника, тупого, злобного иезуита, растерянно стоящего перед событиями, бессильного их изменить.

Удар Галана был особенно чувствителен: писания Муккермана возносились до небес не только клерикальными, но и националистическими изданиями. Они неоднократно ссылались в антисоветской пропаганде на Муккермана, который, как очень точно говорилось в советской печати, «с особой ненавистью писал… об успехах безбожия среди советских людей. Повторяя избитые, всем надоевшие и давно опровергнутые вымыслы о мнимом гонении на религию в СССР, Муккерман, как и другие иезуитские писаки, старался запугать немецкого обывателя и посеять разлад в рабочем классе — отвлечь его внимание от классовой борьбы с капиталистами и с назревшей

угрозой фашистского переворота… в Германии, ослабить интернациональную солидарность пролетариата».

Статья Галана прямо била по католической реакции и идущему к власти немецкому фашизму. Ведь не кто иной, как отец Муккерман, в 1918 году занимался по поручению римского папы антисоветской пропагандой в России, где и был пойман на месте преступления. Нельзя не вспомнить здесь и памфлет Галана «На службе у сатаны», написанный позднее. В нем, как и в статье «Достанут», разоблачается связь между реакционными церковниками и Папеном и показывается, что уже в тридцатые годы «Святая конгрегация по пропаганде веры» согласует детали антисоветской пропаганды с министерством Геббельса.

В 1929 году друзья Галана, Тудор и Козланюк, совершают нелегальную поездку в СССР.

П. С. Козланюк вспоминал: «Вместе с Тудором мы в 1929 году были в СССР, так, чтобы не знали в Польше. Ездили мы для ознакомления с жизнью в стране победившего социализма, а также для личных связей с советскими писателями. На протяжении двух месяцев мы побывали в Ленинграде (жили в Смольном), Москве, Харькове, Киеве, Днепропетровске и в Запорожье, где строился тогда Днепрогэс. Через некоторое время полиция во Львове меня, наверное, за это посадила в тюрьму, пыталась устроить мне суд за „прямую и непосредственную связь с красной Москвой“, но материалов с подтверждением этого у них не было, и, подержав меня несколько месяцев, выпустили. Тудору обошлось без тюрьмы».

Жизнь есть жизнь, и она, к великому сожалению комиссаров охранки, убеждала викновцев как раз в противном тому, что было охранникам приказано «блюсти» и «непоколебимо защищать».

Можно было конфисковать у «подозрительных» потрепанные от бесконечного хождения по рабочим рукам томики Ленина. Но мысли и убеждения нельзя закрыть на замок, пример жизни восточного соседа оказывался убедительным.

Когда некий пан Чернява, чревовещатель «незыблемых» идеалов национализма, выпустил мерзопакостную книжонку «На Востоке — мы!», прозрачно намекая, что экономические и нравственные принципы капитализма рано или поздно восторжествуют на всей многогрешной земле, Галан ответил многоопытному политическому провокатору статьей-памфлетом, озаглавленным весьма недвусмысленно: «Нет, на Востоке — мы!»

Подобная категоричность казалась пану Черняве кощунственным издевательством над его столь смело и стройно построенной концепцией. И к тому же столь сладостно-перспективной. Будущий мир, по мысли Чернявы, после

«свержения власти большевиков» станет походить на «кафешантанный рай» с обилием ресторанов, где пана Черняву будут развлекать «танцовщицы из Гаити». Для осуществления этой программы нужно совсем немного: по возможности вырезать большевиков и забрать у Москвы в состав «вильной Украины» Курск, всю Украину, Воронеж, Саратов и Грозный.

— Странно, — пожимал плечами в редакции «Викон» Галан, — почему пан Чернява забыл включить в состав своей «вильной Украины» Японию, Марс с окрестностями и то же Гаити. Ведь танцовщиц для кабаков хлопотно выписывать из-за границы. А так были бы свои — «домашние»…

Александр Гаврилюк, познакомившись с «эпохальными» сочинениями Чернявы, в отличие от Галана решил поговорить с паном в несколько ином эмоциональном ключе: «Украинская буржуазия, которая удрала на чужие свалки от гнева украинского народа, не может освободиться от „патриотических“ мечтаний об Украине. Она Украину „любит“. Ведь на Украине можно бы создать „свое“ правительство, с многочисленными министерствами, для которых требовалось бы много откормленных бычков-помещиков на оплачиваемые и „почетные“ должности… Ведь на Украине были такие уютные, теплые имения. Ведь на Украине могла бы быть „настоящая“ культура. Над Днепром выросли бы совершенно „западноевропейские“ публичные дома… как мечтает об этом писатель-националист пан Чернява, — в чужих публичных домах все же нельзя так распоясываться, как это можно было бы в „родном“. Следовательно, Украину надо „освободить“ обязательно и любой ценой… вернуть всех магнатов на Подолье, Киевщину…» Впрочем, в прогнозах на будущее Галан и Гаврилюк были единодушны: не видать вам ни Киева, ни Грозного как своих ушей, «господа Чернявы, Донцовы и Ко… И не будете вы играть в „шестьдесят шесть“ на Днепрогэсе… и хотя очень хочется вам, погромщики вы щиро-украинские, хлебать кровь трудящихся и насиловать их дочерей — крепко вы брякнетесь, да так, чтобы не встать».

Особенно достается от Галана Донцову. В свое время, рассказывал писатель, Дмитрий Донцов позорно бежал с Украины в Германию. В Берлине хватало и без него безработных «идеологов» — последователей Ницше. Донцов раздумывал, где бы ему осесть поудобнее, и спустя некоторое время решил перебраться во Львов.

Но Львов за это время из «австрийского» стал «польским». Польские власти хорошо знали, кто такой ищущий пристанища «самостийник» Донцов, верный слуга гетмана Павла

Скоропадского — зятя германского генерала Эйхгорна, командующего оккупационными силами на Украине. Получить паспорт на въезд в Польшу в те годы было нелегко. Донцов нашел выход. Он написал большую книжку «Основы нашей политики», в которой проводил идею, что украинская «самостийницкая» политика возможна только в сотрудничестве с буржуазной Польшей, с повседневной ориентацией на сильную Польшу Пилсудского. Это была, между прочим, с иронией замечает Галан, руководящая идея правительства Симона Петлюры, того самого, с позволения сказать, правительства, которое еще так недавно воевало за власть с гетманом Скоропадским и продало пилсудчикам Западную Украину. Но все это было чепухой. Самым важным было то, что тезисы Дмитрия Донцова пришлись по вкусу полковникам Пилсудского.

Надо было Дмитрию Донцову как-то себя «реабилитировать» в глазах галицкой общественности. Вот он и начал издавать прерванный военными событиями «Литературно-Науковий Вистник». Получить от польских властей разрешение на издание украинского журнала мог не каждый. Надо было иметь «связи». Их имели петлюровские эмигранты, которые осели со своим «генеральным штабом» в Варшаве. Разрешение Донцову выхлопотали.

Но кто, вы думаете, спрашивает Галан, давал деньги на «Литературно-Науковий Вистник»?

«Полковник» Евген Коновалец!

Да, Галан ясно видел обличье врага: финансировать Дмитрия Донцова стал пресловутый террорист, мастер «длинного ножа» и организатор различных тайных и явных политических убийств Евген Коновалец, который, очутившись на чужбине без «сичевых стрельцов», начинал новую «деятельность». Почуяв запах крови при подавлении революционного восстания рабочих Киевского арсенала, Евген Коновалец не остановился на полпути. По заданию немецких генералов он начинал террористическую деятельность против Польши. Сам он в Польше жить не захотел и решил руководить всеми действиями своих бандитов из-за рубежа.

Кому придет в голову подозревать автора «Основ нашей политики» Дмитрия Донцова в том, что он снюхался с Коновальцем? Умопомрачительно хитроумную комбинацию провел господин Донцов! Правда, злые языки называли все это весьма неблагозвучно — политической проституцией. Но разве с такими «мелочами», философски замечал Галан, может считаться «борец за свободную Украину», каким неизменно считал себя Донцов, меняя очередного хозяина.

Теперь Донцову нужно было выслуживаться перед новыми боссами. И все было бы хорошо, если бы не эти «Викна» и трижды распроклятые горновцы. Они почему-то никак не могли уразуметь «ясного пути служения народу», по которому изволил шествовать Донцов. Галан назвал его попросту «выкормышем Гитлера» и «прожженным предателем». В статье «„Львовский научный вестник“ наготове» П. Козланюк показал, что, подрывая веру масс в возможность революционного свершения, клика Пилсудского, Донцов и его компаньоны организуют поход на Советскую Украину, чтобы реставрировать там капитализм.

Все «стройные» теоретические концепции Донцова летели к черту. Стоило одному из друзей Донцова опубликовать в «Вестнике» цикл лекций, задачей которых было «разбить идеологические основы марксистской литературы» путем «анализа» XIII главы из работы Энгельса «Анти-Дюринг» — «Диалектика. Отрицание отрицания», как в ряде статей С. Тудор и Я. Галан показали контрреволюционное лицо защитников механистического идеализма. Когда же сам Донцов выступил в своем журнале с серией статей о «безбуржуазности» украинской нации, а газета «Дило» поддержала его статьей «Судьба капиталистической системы», «Викна» не оставили от этих «теорий» камня на камне.

Нужно срочно искать иные ходы, решил Донцов, иначе влияние его на рабочего читателя, чего доброго, будет исчисляться округлой цифрой ноль.

На страницах «Литературно-Наукового Вистника» стали все чаще и чаще появляться «теоретические» статьи на политические темы. Хвалить польское правительство пилсудчиков Донцов опасался: украинцы могли объявить бойкот журналу. Но нужно было отыскать такую тему, которая могла бы завоевать симпатии у цензоров-пилсудчиков. Донцов издавна имел такую тему. Именовалась она ненавистью к русской культуре. Старые наветы из обихода бюро пропаганды «Союза освобождения Украины» и пресс-бюро, располагавшегося в Берлине, издаются теперь под новым соусом: «Большевики приняли в наследство ценности русской культуры — значит, они страшнейшие враги украинцев». Украина всегда была врагом России, утверждает на все лады Донцов.

Все чаще и чаще он выступает в роли воспитателя молодежи. Для кого? Для своего покровителя Коновальца — хищных волчат, завтрашних бандеровцев и мельниковцев. Свои «педагогические» идеи Донцов заимствовал из весьма «авторитетных» для него источников. Его письменный стол был завален книгами Альфреда Розенберга, Гитлера.

«Литературно-Науковий Вистник» переименовывается в «Вистник». При журнале начинают издавать «политическую библиотеку» — своеобразный катехизис молодых фашиствующих националистов. Разоблачению этой продажной литературы и журналистики Галан посвящает рецензию «Хи-хи-хи!..». Этот микропамфлет предупреждал читателя: реакционные галицийские партии сплачиваются в единый блок.

Галан был не одинок в этой борьбе. Горновцы рецензировали в своем журнале каждую книжку фашистско-националистических и клерикальных литераторов, которую официозная пресса пыталась сделать своего рода литературным знаменем времени. П. Козлашок в статьях «Еще не умерла…», «Через Варшаву на Киев», «Старое и новое», «Антисоветская макулатура» и других бичевал продажных писак из издательства «Червона калина» и «Хорошая книжечка», наводнявших Западную Украину дешевыми антисоветскими изданиями. Статьи Я. Кондры «Путь клеветы», «Пути украинской фашистской поэзии», «Ундофашистским рыцарям» и другие разоблачали новоявленных фашистов. Широкую известность среди рабочих и крестьян Западной Украины получили многочисленные работы Галана и Тудора, посвященные критике фашистской литературы. «Больше таких произведений, как статья „Яги“», — писали читатели «Викон».

…Все началось с уличной сценки, нечаянным свидетелем которой Галан оказался.

На улице Мицкевича неожиданно столкнулись нос к носу сиятельный приближенный Шептицкого Войнаровский и редактор националистической газетенки «Свобода» Баранов. Встреча напоминала плохой спектакль, где вместо опытных актеров выпустили на сцену неумелых статистов. Озабоченные лица спешащих по своим делам «общественных деятелей» мгновенно преобразились, губы, как по команде, изобразили ослепительную улыбку, которая, судя по всему, должна была изобразить восторг в связи со столь неожиданно и счастливо ниспосланной им судьбою встречей.

Прохожие могли подумать, что Войнаровский и Баранов нежнейшие друзья, не видевшиеся по меньшей мере несколько лет: ликование было феерическим, и испитой лик Баранова источал почти божественную благодать.

Минут через пять они расстались, и Галан, стоящий неподалеку, видел, как улыбка сменилась на лице Баранова выражением крайней брезгливости. Вероятно, сложнейшие чувства, бушевавшие в эти мгновения в душе почтенного редактора, требовали выхода. Как пар в котле. Во всяком случае, губы его что-то бормотали. До Галана донеслась фраза:

«Времена!.. Приходится обниматься с таким проходимцем!..»

Накануне Галану рассказывали, что почти в столь же лестной форме Войнаровский отозвался о Баранове.

Галану стало весело. Как впоследствии скажет герой его комедии Дзуньо: «Я предал вас, вы меня, и незачем здесь ломать национальную солидарность».

Замысел у писателя всегда подобен вспышке в темноте, обнаруживающей вдруг в разрозненных фактах определенную систему и общий, объединяющий их смысл. Во всяком случае, увиденная им живая картинка уже сама по себе казалась театральной сценкой, разыгранной на улице, а все, что Галану было известно об участниках этого спектакля, придавало происшедшему глубинный смысл и совсем не бытовой характер.

Встреча на улице Мицкевича — ничего не значащий эпизод в многотрудной деятельности Войнаровского и Баранова «во славу украинской нации», — встреча эта для действительно случайного наблюдателя ее — Галана — оказалась чреватой весьма важными для всех трех ее участников последствиями: у Галана родился замысел комедии «99 %», известной и под другим названием — «Лодка качается».

Событие это вызвало впоследствии немало шума, доставило множество неприятных хлопот господам из полиции, как «гром среди ясного неба», как «удар, от которого не скоро опомнятся отцы города».

Поднимался занавес, и зрители лицезрели весьма респектабельного адвоката Помикевича, диктовавшего письмо своей секретарше. Письмо было не без выспренности, но, очевидно, благородные гражданские чувства, бушевавшие в душе адвоката, требовали и такого стиля, и столь помпезной велеречивости: «…Словом ч-ч-ести заверяю вас… что лишь благо моих клиентов и украинской нации руководило мною во всей моей…» Тирада Помикевича прерывается приходом одной из таких клиенток — матери коммуниста. Выясняется, что адвокат обманывает и обирает ее. Он еще ни разу не посетил прокурора по делу просительницы.

Собственно, зритель знал, на что он идет и что ему покажут. Редакция «Викон», напечатавшая комедию, предпослала публикации не столько аннотацию, сколько микропамфлет: пьеса «показывает подлинное лицо наших носителей национальных идеалов и „освободителей“ нации на всех участках национальной жизни и их подвиги во всех национальных учреждениях с целью присвоить имущество этих учреждений в пользу своего кармана».

«Слово ч-ч-ести» респектабельного адвоката было лишь прелюдией событий весьма занимательных и многозначительных.

Жена адвоката, Милена, развратничает с его помощником — доктором Дзуньо. «Возмущенный» Помикевич, сам ухаживающий за своей секретаршей Лесей, хочет выгнать Дзуньо из своей конторы. Но предприимчивый доктор не только не пожелал оставить свое место, но и потребовал увеличения заработка, шантажируя своего шефа документами о его прошлой преступной деятельности. Припертый к стене, адвокат начинает говорить о «национальной солидарности», о «патриотизме».

Своеобразная сценическая форма комедии, развивающаяся как сюжет бестселлера из жизни уголовников, начинает вдруг вызывать у зрителей совсем не комедийные эмоции. «Смотрите, — подтекст комедии как яростный крик, — вот они, наши носители идеалов вильной Украины! Вот их душа, их идеи, их принципиальность, цена их „гражданственности“! Полюбуйтесь на политическое ничтожество этих людишек! На их мораль!»

На почве этой морали стал возможен союз между Помикевичем и Дзуньо. Они составляют заговор против депутата Польского сейма «святого отца» Румеги — заговор, достойный «лучших» традиций гангстеризма: «друзья» хотят силой заставить Румегу отречься от депутатского мандата в пользу Помикевича и уговорить его «удочерить» Лесю. Может быть, «устраивая судьбу» Леси, они думают о каких-то «гуманных» мотивах? Ничего подобного. Отец Румега, в образе которого Галан дал обобщенный тип представителя верхушки униатского духовенства, не имеет детей. «Устраивая» Лесю, Дзуньо рассчитывает впоследствии жениться на ней и прибрать к своим рукам хозяйство «святого отца», который, призывая паству «отречься от земных благ», сам владел домом, лесом и сорока гектарами полей.

Уже на премьере спектакля стало очевидно, что быть грандиозному скандалу.

Зрители узнали в персонажах комедии «отцов» Львова: в ревностном униате Румеге — приближенного митрополита А. Шептицкого — Т. Войнаровского, в «античном герое», адвокате А. Помикевиче — главу УН ДО Д. Левицкого, в развратной Милене — жену редактора националистической газеты «Свобода» В. Баранова. Какова конечная расстановка противоборствующих сил в пьесе? Румега остается в сейме, а Помикевич — в своей конторе. Подлость. Более ловкий мошенник посрамил менее изворотливых. Пострадала одна Леся. Ее выгнали за «разврат». Нужно же было найти виновного, чтобы вновь установить «национальную солидарность» в грязном обществе стяжателей.

Главные участники «титанической битвы» вновь крепят «узы дружбы»: «Пусть мне будет, — восклицает один из них, —

позволено в эту минуту поднять тост во славу родной интеллигенции, этих вернейших и лучших сынов народа, которые… с патриотизмом античных героев и самопожертвованием мучеников святой католической церкви отдают жизнь свою Украине, а если потребуется, то пойдут за нее на смерть и муки».

Пойдут за что? Во имя каких святых идеалов? Кто они, эти «мученики католической церкви»? Зрители знали цену таким словам и такому «самопожертвованию». Говоря словами тудоровского героя — священника Сойки, «мученики» и «античные герои» думали лишь об одном: «Пусть благословенны будут универсальные задачи церкви перед лицом революции, пусть цветут и завершаются самые лучшие замыслы Рима против коммуны… Но если хотя бы один из них может разорвать сердечную привязанность его, Сойки, с родными поместьями, если хоть один клинышек сойковской земли должен пропасть… о, тогда он начхать хотел на все универсальные задачи и замыслы». Интересы «неньки Украины» имели для них значение не большее, чем прошлогодний снег…

Комедию «99 %» ставил львовский «Рабочий театр». Коллектив заранее знал, какой резонанс будет иметь спектакль. К тому же, и без того чреватая самыми скверными последствиями для коллектива театра, эта работа усложнилась. Под конец ее во Львове начались массовые аресты коммунистов и их высылка в луцкую тюрьму. Накануне премьеры были арестованы режиссер пьесы и один из ведущих актеров. «Я. Галан думал, что актерский коллектив, среди которого еще были кандидаты в Луцк, не захочет в такое время заниматься его пьесой. Но рабочие-актеры… продолжали свою работу…» — рассказывал подпольщик М. Вовк.

«Рабочий театр» решил постановкой комедии ответить на эти репрессии. В сложившихся условиях премьера стала актом громадного революционно мобилизующего значения.

Заменив арестованных товарищей, актеры перераспределили роли и сумели осуществить премьеру с опозданием всего лишь на один день.

«Около 600 рабочих, присутствовавших на спектакле, — вспоминает М. Вовк, — своими криками и бурными аплодисментами выразили свою благодарность автору пьесы за то, что он высмеял ненавистных рабочим националистов. В зале был проведен сбор денег для МОПРа».

Викновцы праздновали победу. Нелегкую. Еще неизвестно, что сулящую им в будущем — аресты не прекращались, — но победу явную, очевидную, блистательную.

А угроза тюрьмы? Что же — им было не привыкать к этому. Они вечно жили в ожидании ареста. Тогда и прозвучали известные слова Галана в одной из его статей: «Я и в дальнейшем, как и теперь, буду выполнять свой классовый долг и беспощадно бороться с явным и тайным фашизмом…»

Порой случайно перекрещиваются судьбы незнакомых людей. Но не могут не встретиться единомышленники по вере и борьбе. Не протянуть друг другу руки на дружбу и боевое товарищество. Так случилось и с горновцами.

— Нам придется скоро открывать отдел международных связей, — в шутку заметил в конце 1931 года на редколлегии Тудор, показывая на толстую пачку писем, прибывших из великого множества городов и стран.

Пролетарская печать всех континентов перепечатывала произведения викновцев, посылала им приветы братской солидарности: киевская «Литературная газета», московские журналы, «Западная Украина» и «Вечерняя рабочая газета» из Харькова, журнал «РЛФ» из Софии, «Месячник литерацки» из Варшавы, «Украинские вести» из Парижа, «Творба» из Праги, «Нью-Масс» и «Украински щоденни вести» из Нью-Йорка, «Работница» из Канады, «Пролетар» из Буэнос-Айреса, коммунистические издания из Германии.

Викновцы были счастливы этой поддержкой друзей. Эти друзья отлично понимали, в каких условиях работают горновцы. Юлиус Фучик в «Творбе» назвал создание «Горно» «значительным событием последних лет в Восточной Галиции», а издававшаяся в Париже украинская рабочая газета прямо писала о гражданском мужестве горновцев: «Западная Украина — теперь тюрьма. Но нашлась группа людей, чтобы раскрыть окна в эту тюрьму». «Браво, „Викна“!» — донеслось со страниц «Рабочего ежемесячника», органа английской компартии.

Высшим признанием своих заслуг викновцы считали прием «Горно» в 1930 году в члены Международного бюро революционной литературы.

«Революции нужны не мученики, а герои…»

«На пороге нового, 1931 года мы можем с уверенностью сказать, что наше общество стоит на пороге невиданного процветания и прогресса…» «Мы с гордостью смотрим на державного орла, под сенью которого взрастают достойные всходы добра и благополучия граждан…» «Счастье стоит на пороге каждого истинного патриота Украины…»

Варшавские и львовские газеты захлебывались, обещая на пороге 1931 года подданным великой Речи Посполитой удивительные блага прогресса, цивилизации и освященной на Святоюрской горе благодати.

С недоумением и болью читала эти оснащенные удивительным числом восклицательных знаков послания скромная сельская учительница из села Вобни Козан, полагавшая, что, стань ее земля украинской, все, как по волшебству, переменится.

Видя вокруг нищету, от которой холодно и мертво становилось на сердце, она «глубоко верила, что это только трудное начало и что Вобни — чуть ли не последнее украинское село по ту сторону Сана — останется украинским. Она была уверена, что добиться этого — ее благородное призвание, что это цель ее жизни и что если ей удастся одеть вобненскую детвору в вышитые рубашки и научить их любить Украину, эту романтическую Украину красных жупанов, тоскливых песен и тихих вишневых садов, то через несколько десятков лет никто не узнает бедных, забитых вобнян. На месте грязного шинка она видела уже просторную каменную читальню, на стенах ее — украшенные рушниками портреты Шевченко и Франко, а за столиками — старых и молодых вобнян над книжками и газетами. И все люди чистые, приветливые, веселые».

Она видела, что все ее старания терпят крах: нужда так же грызет вобнян, и будущее в этом смысле столь же беспросветно…

Написанный воистину кровью сердца рассказ Галана «Целина», повествовавший о трагедии учительницы Козан, был напечатан в «Викнах» в 1932 году.

Ровно через год после того, как и «всходы добра», и «благополучие граждан», и «счастье» были щедро обещаны прессой подданным пана Пилсудского, через год после того, как вместо «счастья» и «благодати» на Галана обрушился страшный удар — он потерял сестру, как и Козан, сельскую учительницу.

В Станиславской области жила подруга сестры писателя Мария Анина. В связи с рассказом «Целина» она вспоминала:

«В те годы меня за пропагандистскую работу выслали из Зборовского района на Тернопольщине за Сан, в уезд Березов, возле местечка Дынов, где я встретила родную сестру Галана, Стефу Галан. Мы стали подругами. Условия нашего труда были ужасными. Впоследствии Галан описал их в своем правдивом рассказе „Целина“. Села убогие. Детей много. У меня в школе 333 по списку. Ко мне пришло тогда 115 родителей с просьбой освободить их детей от посещения школы. В селе царили темнота и нужда. Каждую зиму свирепствовали тиф и короста. Те же самые условия жизни были и у Стефании Галан, которая учительствовала в соседнем селе. Школьного здания не было. Стефания преподавала в классе с земляным полом, я — с бетонным. Двери открывались прямо во двор…

Работы у нас было вдоволь, но время от времени мы сходились, чтобы по-соседски поговорить, посоветоваться. Обе мы были бедны, обе из этого жалованья поддерживали родителей…

Существовала, правда на бумаге, читальня. Но она всегда была закрыта. И когда Галан, его сестра и я проходили по селу, то, встречая крестьян, сидящих бесцельно у дороги, Галан кипел от негодования.

Панская власть заботилась главным образом о том, чтобы поскорее обратить нас в латинскую веру, а попы лишь пугали нас адом в церкви да шныряли по селу, разнюхивая, кто и что читает. Они следили за учителем, наблюдали, с кем и о чем он говорит, — другого ведь интеллигента в селе не было. Редко попадался сознательный учитель; если же он был украинцем, то большей частью был прибитым, запуганным возможностью потерять работу. Если кто-нибудь осмеливался выступить хотя бы немного против неравенства, несправедливости, клерикализма, того преследовали. Помню, как при выдаче жалованья силой собирали деньги на постройку костела в Гдыне, а я не захотела. Один весьма, на первый взгляд, терпимый учитель чуть не побил меня при всех…

Униатский митрополит граф Андрей Шептицкий через своих епископов Ивана Бучко и Станиславского — Григория Хомишина латинизировал население, насаждал реакционные идеи, мостил дорогу фашизму, загоняя в тюрьмы непокорных.

Я видела Ярослава на похоронах сестры. Мы стояли рядом над ее могилой…»

А вот как описал похороны в рассказе «Целина» Ярослав Галан: «Всю ночь шел частый мартовский дождь, и когда в яму опустили маленький, посеребренный гроб, он чуть не весь

погрузился в мутную воду. Какая-то баба тонко заголосила, и среди ребятишек раздался тихий плач. Тщедушный поп откашлялся, плюнул, снял ризу, подобрал рясу и, перепрыгивая через лужи, направился домой. За ним стал расходиться народ; только детвора теснилась у могилы и слушала, как шлепались о гроб комья грязи…» Да, все это было в действительности. «После похорон, — вспоминает Анина, — Галан не захотел пойти в церковь и взять свечу в руки. Сказал: „Сейчас они лицемерно оплакивают сестру, а при жизни не хотели ей помочь…“ Больше я не видела Галана. Но читала его статьи и другие произведения в прогрессивных изданиях. Читали мы эту литературу радостно, но доставать ее было трудно. Знала я нескольких членов Компартии Западной Украины, и они-то помогали мне получать книги из тайной рабочей библиотеки.

Страшные то были времена, но мы получали удовлетворение от сознания, что принимаем хотя бы маленькое участие в борьбе за новую жизнь».

Казалось, после рассказа Аниной нам известно уже почти все. Заведующий Львовским литературно-мемориальным музеем Я. Цегельник, изучая документы, связанные с писателем, дополнил эти сведения.

Работая учительницей в селе Хлудно Бжезовского уезда, Стефания много помогала Я. Галану материально, не вышла замуж только из-за того, чтобы дать возможность обоим братьям после смерти родителей получить университетское образование.

Во Львовском мемориальном музее Галана хранятся фото учительницы Стефании Галан, ее личные вещи, табель успеваемости, заполненный ее рукой.

Живя в невыносимых условиях, преследуемая местным попом и школьными инспекторами за демократические взгляды, Стефания Галан еще молодой сошла в могилу. Да, сельской учительнице, воевавшей за право обучать детей на их родном украинском языке, приходилось жертвовать многим, чтобы увидеть всходы на дикой, многие годы не паханной целине.

Писатель в ярких образах обобщил многие характернейшие черты современной ему жизни. Личные же чувства и переживания Галана придали особую силу его повествованию.

Теплым сердечным участием освещен образ главной героини произведения, образ уходящей молодости и красоты, сломленной талантливой и чистой жизни. Большой человеческой мечте о счастье своего народа не суждено сбыться в «отчизне» графов скшинских.

Но это только одна сторона ясно различимого подтекста рассказа.

Учительница «чужая» для попа, поповен, врача-дантиста, официозной «интеллигенции» села. Но она «чужая» и для крестьян.

Не случайно Галан наделяет образ Козан чертами грусти, умирающей красоты, дает читателю почувствовать с первых строк, что вся ее деятельность обречена. Чувство правды жизни, совесть пролетарского писателя заставили Галана сурово оценить жизнь своей героини. В ее образе Галан раскрывает трагедию многих таких же, как Козан.

Галан понимал, что только в революции, только в открытой вооруженной борьбе добьется народ своего освобождения. Усилия передовой интеллигенции должны быть направлены на подготовку социалистической революции. С этих позиций он и дает оценку деятельности учительницы. В финале рассказа доведенный до отчаяния крестьянин сам приходит к выводу, что никто не вымолит для него лучшей доли, если он сам с оружием в руках не будет бороться за нее. В селе вспыхивает бунт.

Отсюда и название рассказа «Целина». Целиной на-91 звал писатель основные слои крестьянских масс, уже наэлектризованные до предела, готовые для революции, но еще «не поднятые» до сознательной борьбы. «Пахать» эту «целину», внести в нее социалистическое сознание предстояло рабочему классу, коммунистам.

Галан знал таких людей, был с ними. Это о них писал он Анне, когда она в марте 1931 года поехала в Нижний Березов навестить своих родных:

«…Во Львове, как я тебе уже сообщал… и дальше повышается температура. Жара доходит уже до той степени, что даже трудно спокойно переночевать ночь. И днем жарко, а ночью — еще больше. (Речь идет о преследовании коммунистов полицией. — В.В., А.Е.) После такой жары, как я тебе уже писал, несколько наших добрых товарищей имели возможность попасть в „холодную“. Двое из них вышли, но к работе вернутся, наверное, не скоро, так как сейчас болеют. Врач сказал, что нужно лечение, так как почки сдвинулись с места, а нервы натянуты, как старые постромки.

Дорогая Анечка, возможно, и на этот раз тебе нужно будет о них позаботиться. Думаю, что лучше всего будет выслать их в горы поблизости Березова. Петро и другие обрадовались, когда я им это предложил. Сказали: „Обратись к жене и от нашего имени поблагодари ее“.

Это, с одной стороны, неплохо. Именно уже тут видно, что польско-панское правительство хватается за нож. Но мы это хорошо знаем, что нож для утопающего небольшое спасение…

Колесо истории и развития, которое начинает набирать разгон, никому еще не удавалось и не удастся остановить, какие бы способы ни употреблял и как бы ни оперировал ими фашизм.

Тем не менее мы не имеем права думать, что время сработает за нас, либо разочаровываться при неудачах. Мы до победного конца должны стоять твердо и уверенно на своих местах, с верой в свою справедливость и победу.

Сейчас мы ждем удара, который, безусловно, придет раньше или позже.

Письма мои читай в кругу наших людей, чтобы люди не разочаровывались и не падали духом перед неудачами, а также и жертвами, которые будут. Без этого не обходится. Борьба двух миров. Старый мир новому без боя не уступит…»

— Как вы думаете, долго мы еще продержимся? — прямо спросил Галан Козланюка, когда они глубоким вечером вышли из редакции «Викой».

— Что вы имеете в виду, Ярослав?

— Какое-то внутреннее ощущение, что «Викна» идут к финалу. Аресты и конфискации продолжаться бесконечно не могут. А 1931-й даже в сравнении с другими у нас «урожайный». В номере седьмом-восьмом из семидесяти восьми страниц конфискованы тридцать две, в десятом изъято тридцать восемь страниц. Если так пойдет дальше, у нас будет не журнал, а тетрадь для чистописания, — горько пошутил Галан.

— Все может быть, Ярослав…

Заглянуть в ближайшее будущее «Викон» было нетрудно.

Конец журнала близился. Горновцы это чувствовали по всему. Конфискация материалов, аресты и вызовы сотрудников в полицию с каждым днем становились чаще и чаще.

Памфлет Галана «Последние годы Батагонии» решением уголовного отдела львовского окружного суда был конфискован полностью, поскольку он, как говорилось в решении, «возбуждает пренебрежение и ненависть к власти и угрожает государственной безопасности».

— Скоро за нас будет целиком писать цензура, — мрачно шутил Тудор, с тоской перелистывая четыре номера «Викон» за 1932 год. Из рассказов Галана «Казнь» и «Неизвестный Петро» изъяты концовки. С «Целиной» еще хуже. Две трети ее не увидело света. В четвертом номере изъята статья П. Козланюка «Голодная Гуцульщина». В решении того же суда от второго апреля 1932 года говорилось, что это сделано за тенденциозное разглашение сведений, составляющих государственную тайну, что может породить среди масс «пессимистические настроения и вызвать угрозу государственной безопасности».

Хроника «Викон» — как репортаж из тюремной камеры: «Состоялся обыск у пролетарского писателя С. Тудора, после чего его арестовали», «Этот номер „Викон“ выходит в свет с большим опозданием. Причиной этому ревизии у редакционных работников, у которых забраны рукописи, а поэтому номер пришлось составлять заново, из других материалов», «Уведомляем наших читателей, что в хронике мы не имели возможности дать новейших известий из литературной жизни за рубежом, потому что все посылки в нашу редакцию задержаны на почте», «Некоторые товарищи которые послали свои произведший на отзыв, не получат оценки их потому, что их рукописи пропали при обысках».

«Рекорд» числился за Александром Гаврилюком. С 1929 по 1939 год на счету писателя было четырнадцать судебных процессов и тюремных заключений, четыре раза его истязали в охранке, дважды бросали в страшный концентрационный лагерь Береза Картузская.

Викновцы знали, на что шли, и уже в своем первом произведении, рассказе «Прощайте», написанном в тюрьме, А. Гаврилюк выразил преданность пролетарских писателей делу революции: «Ну что ж, правда, палач, я грущу и тоскую по жизни, так как есть в ней красота — все то, что ты ненавидишь. Но если бы мне подарили еще одну жизнь, я бы снова принес ее на твой алтарь — виселицу…», «Меня в мире не уничтожат, потому что дело, за которое я отдаю свою жизнь, — бессмертно».

В концентрационном лагере Береза Картузская Гаврилюк задумывает и публикует после освобождения самые сильные свои произведения — три главы поэмы «Песня из Березы» и повесть «Береза», явившиеся предшественниками «Репортажа с петлей на шее» Ю. Фучика.

Со страниц повести Гаврилюк обращался к товарищам: «Тебя взяли как представителя твоего фронта борьбы, как борца-коммуниста — ты обязан пронести честь бойца незапятнанной… Измена порождается страхом… Пусть никто не пытается отдаться революции наполовину — это не выйдет. Революционером можно быть, лишь отчетливо предвидя возможность смерти. Половинчатость в определенные моменты становится предательством».

Печатая на страницах «Викон» Маяковского, Галан и Тудор не знали еще тогда, что, побывав проездом в Варшаве, поэт написал строки о таких, как они. А значит — и о викновцах:

«Какое тут „хочешь“, если такую польскую славу, как Жеромский, и то перед смертью вызывали в дефензиву с недоуменнейшим вопросом — как это ему в голову пришло

написать… революционную вещь?.. Правда, можно писать и против того, что видишь. Но тогда кто тебя будет печатать?

А если тебя отпечатает нелегально нелегальная коммунистическая партия — готов ли ты садиться в Цитадель на четыре, на шесть, на восемь лет?

А кто сейчас в силах идти на этот героизм, кроме человека, принадлежащего к классу, верящему в победу коммунизма?»

Вера эта подвергалась страшным испытаниям. Но она жила, боролась, не сдавалась. Даже в тех, кто потерял, казалось, саму надежду на жизнь.

Галан знал, что делал, отправляя Анну из грозового Львова. Ярослав мог рисковать своей судьбой. И не мог — судьбой Анны.

Рано или поздно трудное объяснение с ней должно было состояться, и как-то вечером он решился.

— Нам придется расстаться, Анна, — без предисловий хмуро сказал Ярослав. — Ты только приехала, и снова нужно в дорогу…

— Почему? — испугалась она.

— Я думаю, ненадолго. Но этого не избежать. Не буду от тебя скрывать, наше положение здесь осложняется. Шпики кишат у редакции. Товарищей арестовывают. Очередь может дойти и до меня…

— Я тебя одного не брошу!

— Во-первых, это никому ничего не даст. А во-вторых, тебе нужно учиться.

— Я думала об этом. Но когда-нибудь потом.

— На «когда-нибудь» откладывать нельзя. Годы уходят. И все здесь не так просто. Я хочу, чтобы ты поехала учиться на Советскую Украину.

— А ты? — В ее голове никак не укладывалось, что так неожиданно, вдруг у нее все может рухнуть. Сразу. И кто знает — может быть, навсегда…

— Здесь ничего не выйдет. Особенно если со мной что-нибудь случится.

— Но как же я попаду в Советский Союз?

Где-то она поняла, что возражать мужу бесполезно. Анна знала: он на своем настоит.

— Это трудно, но не невозможно. Кое-какие пути я знаю. Будем просить разрешения в советском консульстве.

— А дадут?

— Думаю, что должны дать. Наведут, конечно, справки, но должны дать…

— Мне будет тяжело без тебя.

— Знаю. Мне тоже. Но это необходимо… — Он помолчал. — А завтра — в Нижний Березов.

— Уже завтра?

— Да. Здесь становится горячо… Я ничего не придумываю, Анна. Пойми — это действительно так…

На рассвете Галан проводил ее в путь. Анна уехала в Нижний Березов.

Да, разной, кричаще-разноликой была «галицийская Флоренция» — Львов. Гордость и тоска, мужество и отчаяние, вера и предательство бродили по его улицам. Иногда у отчаявшихся появлялась надежда. «Временами среди безработных возникает слух: рабоче-крестьянскому государству нужны трудовые руки, — писал в „Викнах“ Галан. — И тогда, лишь светать станет, спешат к советскому консульству толпы людей с окраин, голодной массой толпятся в здании и на тротуарах, пока не подоспеет отряд темно-синих (полицейских. — В.Б., А.Е.) и не начнет топтать бедняков, наезжая на них взмыленными лошадьми. На всех смежных улицах начинается бессмысленная охота за уцелевшими безработными. Таким образом спасается престиж Наисветлейшей. А „Экспресс вечорны“ в тот же вечер сообщит: „Сегодня с утра перед зданием советского консульства начала собираться толпа безработных. Безработные, возмущенные лживыми обещаниями советских агитаторов, обещающих им работу в России, не могли дождаться осуществления этих обещаний и демонстрировали с враждебными возгласами против Советов. Извещенная об этом полиция немедленно появилась на месте и призвала присутствующих разойтись“.

Престиж Наисветлейшей спасен вдвойне.

Мрут люди без работы. Только иногда прочтете в газетах, что такой-то или такая-то покончили самоубийством на почве нужды. Нет, они мрут незаметно, неслышно, и знают об этом лишь их родные…

Вечерами на Валах идут тихие беседы о такой близкой и такой далекой рабочей стране, где и власть, и свобода, и труд, и пятилетка. И скупые цифры об успехах социалистического строительства, которые от случая к случаю сообщаются бульварной прессой, вырастают здесь чуть ли не до сказки-легенды. Под звездным небом ночи говорит львовская беднота о закрытой на тысячу замков своей любви, надежде и своей гордости.

Пятиконечной звездой сверкает на весь мир пятилетка».

Рассказать об этих людях — давнишняя мечта писателя.

В начале 1932 года Галан принес в «Викна» отрывок из новой пьесы «Ячейка».

— Посмотрите. Может быть, попробуем напечатать.

Тудор прочел рукопись тут же.

— С ума сошел! Это же никто не пропустит!

— Что именно?

— Вот здесь у тебя герой говорит: «Пусть она пропадет! Покончим с ней!» Это о «великой державе» Пилсудского!.. — Тудор перевернул несколько страниц. — А это как прикажешь понимать? «Кто помог Пилсудскому на нашу спину влезть?»

— Значит, не пойдет?

— Нет, почему же… Пойдет… В конце концов, чем мы рискуем!.. Снимут так снимут… А вдруг проскочит?.. Но эти места лучше снять заранее. Иначе — обречь отрывок на конфискацию заранее.

— Ладно, — вздохнув, согласился Галан. — Посылай с купюрами.

— Кстати, — посоветовал Тудор, — отправь-ка ты «Ячейку» на Советскую Украину. Уж там напечатают наверняка. «Груз» же твой публиковали…

— Это мысль. Сегодня же отошлю.

Жизнь полна неожиданностей. Хуже, когда они неприятны. Здесь плюс уравновешивал минус.

«Уведомляем вас, — торжественно сообщало цензурное ведомство, — что решением львовского окружного суда от 4 февраля 1932 года сочинение пана Галана „Ячейка“ конфисковано».

Известие с Советской Украины пришло неожиданно.

Товарищи достали где-то киевскую «Литературную газету». Галан прочел: «В сезоне 1932/33 года „Ячейку“ ставит ряд украинских театров». Галан не поверил своим глазам, перечел сообщение еще раз. Нет, все было именно так. Он не ошибся. И газета была «оттуда», и информация на третьей полосе.

Отлично! Сегодня вечером он читает «Ячейку» в слесарных мастерских. Товарищи разделят его радость.

Если бы на это собрание проник каким-либо образом полицейский филер, он бы наверняка, слушая Галана, пришел в ужас.

— «Вы проголосовали вчера за забастовку, — возбужденно читал Ярослав, — вы начали сегодня борьбу… за освобождение политзаключенных, против белого террора, против империалистической войны — под руководством Коммунистической, под руководством несокрушимой партии Западной Украины и Польши… Перед нами — борьба смелая и гордая, а потом победа: социалистическое строительство… пятилетки…»

По аудитории словно ток прошел. Кто-то встал со стула. Кто-то закричал «ура!», и только после настойчивых просьб писателя

шум в комнате стих.

— Товарищи, зачем привлекать внимание! Еще подумают, что мы здесь революцию делаем.

— А то, что вы читали, — это и есть революция.

Галан усмехнулся.

— До этого, к сожалению, еще не дошло. — И, помедлив, еще раз повторил: — К сожалению…

Началось обсуждение.

— Я думаю, — начал Козланюк, — что пьеса говорит о большом художественном росте нашего товарища. И дело здесь не в том, что в основу конфликта Галан положил борьбу сознательных рабочих с предпринимателями, что уже само по себе ново в западноукраинской драматургии. Политический смысл пьесы в другом: она ставит важнейшую для нашего национально-освободительного движения задачу — внесения социалистического сознания в отсталую часть рабочих масс.

— И разоблачает штрейкбрехеров, — бросили с места.

— Это тоже существенно… Разговор затянулся за полночь.

— Для меня «Ячейка», — заключал Галан, — важна в другом смысле. Помните «Мать» Горького? Павла Власова. Мой главный герой, Макс, — его «тезка». Как и Павел, пытался утопить свою боль и свою ненависть в вине. Бунтовал, ошибался, блуждал. Пока не встретил настоящих людей — ленинцев. Тогда-то он и послал к черту морочивших ему голову социал-предателей.

— Макс еще не совсем ленинец, — бросил реплику Козланюк. — Партиец не будет решать спорных вопросов по принципу «дать в морду». А у Макса это бывает.

— Я с этим не спорю, — Галан насупился. — Макс еще не рабочий вожак. Но он им будет. Будет! — резко повторил он. — К тому все идет, если вы внимательно слушали пьесу.

— А вот с этим я согласен, — рассмеялся Козланюк. — И зря ты горячишься. В этом-то и прелесть образа: он весь в движении. А значит, живой, не ходульный…

Разговор продолжался и на улице. Когда Галан свернул к Стрыйскому парку, Средзюк, организатор обсуждения, огорченно вздохнул.

— Ты что это, друже? — удивленно посмотрел на него Козланюк.

— Наймется, он обиделся.

— Нет. Не думаю… Из-за чего?

— Вообще-то не ценим мы своих писателей. Много ли их? Раз, два — и обчелся. А посмотри, какой мутный поток захлестывает сцену. Порнография, маразм, фашистские и националистические бредни. А здесь послушал — как свежим

ветром пахнуло… Он же, — Средзюк кивнул в сторону, куда ушел Галан, — по существу, родоначальник нашей пролетарской драматургии. «Груз», «99 %». И вот теперь эта «Ячейка»…

— Не переживай. — Козланюк взял Средзюка за плечи. — Просто Ярослав чем-то расстроен. Но другим, не обсуждением…

— Что-нибудь у него случилось?

— Не знаю. Хмурый все последние дни ходит…

А Галан медленно, без цели шел по влажной, отражающей редкие фонарики брусчатке. Ему действительно было плохо. Очень плохо… Он сам не знал, как это объяснить. Но существует же на свете такая не объясненная учеными вещь, как предчувствие. Оно редко обманывало его. И это тоже было необъяснимо.

Сев на скамейку под старыми каштанами, он вынул из кармана уже вторые сутки мучившую его бумагу.

«…Консульство Союза Советских Социалистических Республик уведомляет Вас, что на основании Вашей просьбы Вашей жене разрешен въезд в Советский Союз для поступления на учебу в Харьковский медицинский институт…»

В конце бумаги стояла размашистая подпись консула.

Анне он еще ничего не сообщал. Словно боялся чего-то. Вот и пришла пора им расстаться… Надолго ли?.. А вдруг навсегда?..

Одним словом, ему действительно было над чем подумать.

О последних днях их любви и радости рассказал брат Анны:

«Прошло лето, подходила золотая осень. В начале августа Анна получила разрешение на въезд в Советский Союз.

— Будешь, Анечка, хлопотать о моем выезде к тебе, если не на постоянное жительство, то хоть на время, в гости, — просил Ярослав.

Почти целых две недели Галан давал Анне советы и поручения. Что она должна сделать, куда пойти, как вести себя. Анна гордо ходила по селу в сопровождении девчат, завидующих ее счастью. Еще бы — едет на Советскую Украину учиться!

Старые и молодые просили не забывать о них.

— Сделай так, Анечка, — просили ее, — чтобы мы уже на следующий год все могли ехать к тебе в гости.

11 августа 1932 года было хорошее, погожее утро. Солнце выкатилось из-за леса, позолотило горы, леса, село и речку Лючку, блестевшую под солнечными лучами, как растопленное серебро. Перед хатой стояла подвода с запряженным конем. Подвода выехала с подворья, покатилась по битой дороге и исчезла за поворотом».

Ярослав и Анна не знали тогда, что расстаются навсегда…

На улицах Львова еще не появились первые прохожие, когда к

дому, где располагалась редакция «Викон», прибыл усиленный наряд полиции.

Сорванная злобной рукой, мелкими осколками разлетелась по мостовой стеклянная вывеска журнала. Подгоняемые тучным коротышкой в клеенчатом плаще, полицейские взломали двери и бросились в комнаты. Вскоре через раскрытые окна полетели на асфальт кипы редакционных бумаг, верстак, связки папок.

Журнал «Викна» перестал существовать…

«И вечный бои!..»

Требовать от честного человека, чтоб он действовал по внушениям своей совести, было бы излишне, требовать, чтоб он действовал вопреки совести, — значило бы оскорблять его.

Т. Маколей

Через ложь и трагедию

Даже для опытных подпольщиков требовалось небывалое мужество, чтобы пережить страшные 1932–1935 годы.

В луцкой тюрьме полиция производила массовые расправы над заключенными. Министр юстиции Михайловский, цинично заявляя, что «тюрьмы должны быть местом массового истребления революционеров, а не коммунистическим университетом», вводит новый тюремный режим. Полиция разгоняет массовую организацию «Сельроб» и закрывает в 1932 году все легальные революционные газеты и журналы на Западной Украине. Вводятся полевые суды, и в 1934 году создается один из самых первых страшных концлагерей мира — Береза Картузская. Все эти события были звеньями одной цепи мер, которыми панское правительство, флиртующее с Гитлером, думало задушить «красную заразу» в Галиции. Экономический кризис привел к массовой безработице. В 1932 году только в одном Львове, по официальным данным польской статистики, явно преуменьшенным, было свыше четырнадцати тысяч безработных, среди них две тысячи пятьсот человек интеллигенции.

Найти работу во Львове Галан не мог. Направление правительственных и националистических органов печати не позволяло Галану сотрудничать в них, а демократическая и революционная пресса была разгромлена. Тогда он решает покинуть Львов и переселиться к родным Анны, в Нижний Березов. Здесь Галан живет с 1932 по 1935 год.

Со временем, в 1937 году, начальник уездной полиции в Коломые, суммируя деятельность Галана в Нижнем Березове, будет рапортовать своему варшавскому начальству:

«…Компартия поручала Галану проведение некоторых мероприятий, как организация на Покутье комитетов голодающих и осведомление о результатах их работы… Галан принадлежит к группе западноукраинских революционных писателей и пересылал свои коммунистические произведения в альманах, издаваемый в СССР…

Также Галан переписывался со своей женой Анной, которая выехала в СССР, в Харьков, в медицинский институт. В своих письмах к жене Галан писал о чистке во Львовской коммунистической организации… о поражении своих личных врагов внутри партии, считал это большим личным успехом… В других письмах Галан через посредство жены пересылает редакции одного советского журнала свои поэтические

произведения, в которых есть информация о промышленности, безработице и просвещении в Польше…»

О каких произведениях толкует озабоченный сим прискорбным обстоятельством начальник уездной полиции?

Основная масса произведений этого периода не найдена. Между тем известно, что в 1932–1935 годах Галан работал весьма интенсивно.

Из письма к П. Шан от 16 февраля 1934 года мы узнали, что Галан написал и отослал в Советский Союз девять статей и рассказ. В письме, отправленном через два дня, говорится о рассказе «Мертвые плачут», который 19 января 1934 года был переправлен в Харьков. Корреспонденция Галана зачастую перехватывалась полицией и в СССР не доходила. Неизвестна судьба пьесы «Говорит Вена», написанной в январе 1935 года. Видимо, она также была перехвачена полицией, так как в архивах Станиславского отделения полиции сохранилась сопроводительная записка Галана, адресованная дирекции Театра имени Революции (Харьков): «Шлю вам на рассмотрение свою новую пьесу „Говорит Вена“. Пришлось писать ее в маленьком селе в чрезвычайно тяжелых условиях, и поэтому в ней немало недостатков».

Все эти данные говорят о том, что в Нижнем Березове Галан ни на минуту не оставлял литературных занятий и всеми возможными способами пытался переправить свои законченные вещи в советские издательства и журналы, поскольку возможность напечатания их в Галиции была исключена.

Впрочем, эта формула не во всем точна. Кое-что из написанного Галану все же удается пробить через цензурные рогатки.

В полулегальной украинской газете «Наш голос», издававшейся в Дрогобыче подпольной коммунистической организацией, находим рассказ, подписанный инициалами Я. Г.

И удача — вторая жена Галана, Мария Александровна Кроткова-Галан, вспомнила:

— Ярослав Александрович рассказывал, что в 1935 году он опубликовал в дрогобычской газете рассказ «Савку кровь заливает» о подневольной жизни прикарпатского села в годы панской Польши. Хорошо бы его найти. В архиве Галана я сама видела эту газету с рассказом, отчеркнутым им самим.

Читаем рассказ. Стиль Галана!

Священником в селе, где живет Савка, служит бывший офицер УГА (Украинской Галицийской Армии), «человек с будущим», любимец самого епископа. Имеет свыше двухсот моргов земли, из них сорок пять — собственной. «Почти каждую

неделю политику разводит — о голоде на Украине и о царстве антихриста. Во время пасхальной исповеди выдает исповедовавшимся удостоверения: без них не похоронит и не обвенчает. Разве что за восемьдесят-сто злотых. В частности, священник не любит браков „на веру“. Таких и перед смертью не станет исповедовать.

А покойников, слава господу, у священника хватает. И большей частью самые молодые. Главным образом детвора и молодежь. Мрут от чахотки. Бывший австрийский жандарм, а теперь мельник — господин Панивочка говорит, что виной тому огненные гуцульские танцы. Вспотеет человек, танцуя, выскочит во двор, и спустя несколько дней уже одна труха зашелестит в его груди. Бывает, конечно, и так.

Но большей частью умирают такие, что не могут уже гулять».

Дыхание неотвратимой очистительной бури чувствуется в селе: «И чуть ли не все село бредит одной упрямой мыслью: должно стать иначе. И рассыпается в пыль вся та мудрость, которую годами проповедовал священник…» Должно быть иначе!

«Не спит по ночам пан комендант, и до самого рассвета тревожно мигает по всему селу его фонарик; и не знает комендант, что Савке не спится от мыслей и что Савка видит свет, и от этого света Савку еще сильнее заливает кровь.

Не знает также комендант, что Андрею, сыну Савки, в его тяжелом, мертвом сне снится иной мир и снятся тракторы…»

Не нужно было быть сверхмудрецом, чтобы понять, какие тракторы снились по ночам селянам Галиции.

«Глубоко радуюсь успехам Советского Союза, — пишет Галан жене 18 февраля 1934 года, — и дело его роста, победы стало содержанием моей жизни. Хотя как жизнь и ни тяжела, но какие мы счастливые, что нам довелось жить в такую великую эпоху борьбы за новый мир — мир социализма».

А какое место в этой борьбе займет он, Галан, и Анна? Особенно Анна. Ведь она еще почти девочка.

«Ты пишешь, что много занимаешься, — говорит Галан в письме к ней, датированном 14 сентября 1933 года. — Я очень рад за тебя. После окончания учебы ты вернешься сюда. А здесь (такая уж наша с тобой судьба!), здесь нас ожидает не только медицинская или иного рода практическая работа ради хлеба насущного.

Нам придется пройти еще через многое, прежде чем на Западной Украине будет такая же жизнь, какой ты сейчас дышишь. Но за такую жизнь придется драться. Драться смертельно.

Борьба эта сложная. Слишком много всякой мрази рядится в

тоги „друзей народа“ и „защитников национальных идеалов“ на манер пана Петлюры и господина Донцова. Мне хотелось бы, чтобы ты научилась распознавать, видеть таких людишек, как бы они ни маскировались. Тогда не ошибешься, принимая решение…

Я здесь по мере сил своих пытаюсь делать все, чтобы приблизить день, когда на нашей Галичине будет так же свободно дышать, как в Киеве или, скажем, в том же Харькове. Редко, но удается бывать во Львове, видеться с товарищами. Да и здесь меня не забывают. Г. и Т. работают (Гаврилюк и Тудор. — В.Б., А.Е.), Петро (Козланюк) даже печатает свои вещи за океаном. Я тоже кое-что пишу. Не забываю и своих односельчан. Да и не только их. Бываю у лесорубов и пастухов. Рассказываю им, что к чему. Делать это трудно, так как недреманное око „радетелей за мою персону“ (филеров полиции) в покое меня не оставляет…»

Горновцы не сложили оружия. Какие вещи Козланюка имеет здесь в виду Галан? Несомненно, революционные рассказы и публицистику, напечатанные в газете «Гарт» и нью-йоркской газете «Украинськи щоденни висти» («Борьба», «Хлопоты Борбунихи» и другие).

Напряженной, не прекращающейся ни на день, ни на месяц пропагандистской работе с крестьянами, пастухами, лесорубами. Галан отдавал почти все свое время. «Летом я и мои товарищи: Петро Фицич, Степан Геник, Степан Арсенич, Иван Подлисецкий и другие — пасли скот на полонинах, — рассказывает Антон Ильницкий с Верховины. — Ярослав часто приезжал к нам верхом на коне. Мы окружали его, угощали теплым молоком, гуслянкой, брынзой. Он оставался на ночь. Как только сумерки опускались на полонину, мы разжигали костер, садились вокруг него, а Галан рассказывал нам разные истории. И всякий раз что-нибудь интересное… Бывало, к нашему костру присоединялись и лесорубы, и рабочие лесопилки. Галан часто читал нам статьи… Когда люди жаловались ему на панское своеволие, на тяжелую жизнь, он говорил, что это уже не будет продолжаться долго, что на помощь нам придут братья из Советского Союза и мы заживем как настоящие хозяева.

— Вы подумайте над тем, чтобы создать в селе надежный, крепкий актив. Тут есть немало честных, прекрасных людей, — сказал он нам однажды. — Вижу уже близким то время, когда хлеборобы нашего села сами будут хозяевами своей доли…»

Анна далеко… Часто, слишком часто приходило к нему черными верховинскими ночами одиночество. Но расслабляться нельзя. Нужно взять себя в руки. И работать, работать, работать!.. «После отъезда Анны, — вспоминает Антон Геник, — Ярослав еще больше углубился в работу. Целыми днями писал, читал газеты,

беседовал с крестьянами. Он рассказывал о больших ассигнованиях Советского правительства на хозяйственные цели, о строительстве больших фабрик и заводов, о строительстве Днепрогэса, о колхозных дворах и животноводческих фермах, говорил, что все это создается для народа, для счастья будущих поколений.

Анна присылала из Советского Союза фотокарточки Днепрогэса, колхозов…»

Как разнились эти картины с тем, что Галан видел вокруг! Во время мучительных раздумий и родилась у него идея нового рассказа. Здесь же, в Нижнем Березове, Галан пишет новеллу «Мертвые борются», опубликованную в апреле 1935 года польской прогрессивной газетой «Гонг». Для читателя, знакомого с политической обстановкой 1932–1936 годов, подтекст новеллы был прозрачен: новелла, посвященная судьбе галицийского юноши — батрака Василия, растратившего силы в непосильной работе у попа и умирающего на больничной койке для туберкулезных, содержала резкое разоблачение «демократии» государства Пилсудского, реакционного католического духовенства.

Нести народу правду о Советском Союзе, разоблачать все и всяческие лживые измышления реакционной прессы о политическом и экономическом положении СССР значило в конкретных условиях Галиции тридцатых годов бороться за воссоединение Западной Украины с Украиной Советской: «В хату заходили люди, — вспоминает Геник, — чтобы поговорить с Галаном. Те, что были в хороших отношениях с Ярославом, приходили за книжками и газетами.

Газеты были московские и киевские, а также коммунистические польские, которые часто пересылал в Березов брат Галана Иван, который оставался во Львове…» Все большее и большее число крестьян, рабочих и интеллигентов под влиянием агитации Галана обращали свои взоры к Востоку, вступали в борьбу за установление на Западной Украине социалистического строя.

И. О. Березовская, работавшая тогда в Нижнем Березове учительницей, имела радиоприемник, и Галан не преминул воспользоваться этим обстоятельством. «Мы выбирали такое время, когда никого из чужих не было в хате и поблизости на улице, и включали Москву, Киев. — Для Березовской это незабываемые воспоминания. — Сама я не догадалась этого сделать. О передачах из СССР мне сказал Галан. Как тогда блестели у него глаза! С каким вниманием слушал он эти передачи! А потом сам рассказывал о Стране Советов. Раньше я

читала о Советском Союзе в буржуазных газетах. Но вся эта писанина была брехливой. Первое правдивое слово о Советском Союзе я услышала от Галана. Такие задушевные разговоры он вел не только со мной. Он умел говорить с людьми, и ему верили».

Полицейская слежка за Галаном выливалась подчас в довольно курьезные формы и обстоятельства. Однажды Ярослав остановил крестьянина, только что вернувшегося из города.

— Что нового в городе, дружище?

— Всего помаленьку, пан. — Крестьянин воровато оглянулся и, убедившись, что их никто не подслушивает, добавил: — Есть тут у меня одна хорошая газетка. Не почитали бы?

— Почему же не почитать. Можно. Особенно если, как ты говоришь, газета хорошая.

Яков, так звали крестьянина, протянул Ярославу сложенный в четвертушку листок. Развернув его, Галан ахнул. В его руках был номер «Сельроба». В том, что это не подделка, сомнений не было. Через всю первую, почти сплошь белую страницу шла знакомая по «Викнам» надпись: «Конфисковано».

— А это здорово, Яков!.. Обрадовал ты меня. Выходит, в Нижнем Березове есть стоящие люди, раз такую газету сюда доставляют. Полиция ведь узнает — за такие дела по головке не погладят. Хороший ты человек, Яков…

Совсем неожиданно для Галана тот сразу как-то сник и обмяк.

— Что с тобой?

— Ничего, — выдавил Яков. — Только я не могу… Я должен сознаться вам… Меня подослал к вам Шиманский.

— Заместитель начальника полиции в Среднем Березове?

— Он самый…

— А что, собственно, ему от меня нужно?

— Велел мне ругать при вас Польшу, а самому слушать, что вы будете говорить.

— Ну и что же ты ее не ругаешь? — Уже с любопытством Галан рассматривал Якова.

— Не могу идти против совести… Хотя Шиманский и всучил мне один злотый. Чтобы мы со старухой брынзы купили… Голодали мы, — пояснил он подавленно.

— Да, сложная история, — нахмурился Галан. — Как же нам теперь с тобой быть, а?..

— Не знаю…

— И я не знаю… А в общем, можешь кое-что доложить Шиманскому.

— Что доложить?

— Знаешь старую корчму недалеко от моего дома?

— Знаю.

— Так вот можешь сказать пану, что Галану известно, что там его шпики устроили пункт для наблюдения за мной. Пусть поищут новое место… — Галан расхохотался. — Ну, а теперь бувай здоров!.. А за честность — спасибо!..

Находясь в Нижнем Березове, Галан зорко следил за провокаторской работой националистической агентуры, проникшей в ряды горновцев, во главе которой стал К. Яран, и продолжал борьбу с нею. Через многочисленных корреспондентов писатель получал подробную информацию о положении дел во Львове, Станиславе, Коломне, Перемышле и других городах. Брат, проживавший в это время во Львове, помогал Галану: пересылал ему газеты, журналы, письма, информировал о политической борьбе в городе. Галан неоднократно просит брата выяснить возможность издания новой, революционной газеты, но в условиях ожесточенного наступления реакции такое издание осуществить так и не удалось.

А группа К. Ярана продолжала между тем свою раскольническую работу. Прикрываясь именем горновцев, члены этой группы протаскивали в своих писаниях национализм, оплевывали Советский Союз, травили революционное ядро викновцев.

Летом 1934 года группа Ярана сделала новый провокационный шаг. Обманным путем получив у ряда прогрессивных писателей их рукописи и объединив их со своими писаниями, она издала во Львове альманах, где открытая фашистская и националистическая пропаганда маскировалась именем «Горно», известного трудящимся массам Галиции как революционное литературное объединение. Необходимо было дать отпор провокаторам, разоблачить их перед общественностью Западной Украины и в первую очередь перед рабочими и крестьянами.

8 ноября 1934 года Галан письмом в редакцию дрогобычской газеты «Наш голос» заявляет протест против провокаций агентов национализма и решительно отмежевывается от них. Но Галан понимал, что для полного разоблачения провокаторов нужен протест всего революционного ядра «Горно» или, по крайней мере, его подавляющего большинства. 26 ноября 1934 года Галан вместе с Тудором и Козланюком пишут заявление, которое явилось программным документом, определяющим отношение революционных писателей Галиции к деятельности группы К. Ярана. В нем говорилось:

«Летом 1934 года появился во Львове литературный альманах „По цей бич“ („По эту сторону“), в котором в

большинстве своем помещены произведения западноукраинских писателей, группировавшихся около журнала „Викна“. Как члены руководства этой группы и члены самой организации, ставим в известность, что:

С появлением альманаха… группа пролетарских писателей не имеет ничего общего.

Альманах… есть дело замаскированных националистов К. Ярана и В. Дмитрина и их националистических опекунов и компаньонов, которые еще в 1932 году старались всеми способами саботировать работу „Горно“ и повернуть ее в русло национализма.

Этот свой саботаж они продолжали в последующие годы, пользуясь временным физическим разгромом группы (аресты, закрытие „Викон“) и парализуя ее работу во время клеветнических кампаний западноукраинского фашизма в 1933–1934 годах.

Альманах… является литературным мошенничеством, ибо его издатели получили материалы для него от многих членов „Горно“ в то время, когда этим членам, разбросанным по стране, не были известны националистические позиции этих людей. Он является одновременно вражеским классовым выступлением, так как его выпуск является одной из попыток агентов украинского национализма пролезть в западноукраинские пролетарские ряды, чтобы под маской пролетарской идеологии вести в них вредительскую работу.

Осуждаем… альманах как очередную вылазку замаскированного украинского национализма и призываем других членов литгруппы „Горно“ присоединиться к нам в этом осуждении».

Подписи: «Петро Козланюк, Степан Тудор, Ярослав Галан». И дата: «Львов. 26.XI 1934 г.».

Переправлять партийные и антиправительственные литературные документы во Львов, Станислав и Дрогобыч из Нижнего Березова было непросто. Да и не только документы. Нередко обстоятельства требовали присутствия во Львове самого Галана.

Как обмануть, сбить со следа полицию? Приходилось путать след. Однажды, вспоминает Антон Геник, «Галану нужно было по заданию партии поехать во Львов. Он попросил, чтобы я проводил его тайно до вокзала в Коломне. В три часа ночи Галан и я незаметно вышли. Галан хотел запутать след, на который уже тогда пыталась напасть полиция. Дома он приказал говорить всем, что он в Березове: пошли, мол, с Антосем в Рушир, на поле, на заготовку дров.

В Коломыю двинулись пешком, через лес. Миновали его, вышли на околицу села Слобода-Рунгурская и пустились в направлении села Рунгуры (сейчас — село Новая Марковка). Через километра два хода по центральной дороге, еще в темноте, свернули на юг и снова очутились под лесом. Взобрались на небольшой, но достаточно крутой холм, чтобы с него увидеть всю околицу, куда нам идти дальше, чтобы не встретиться с людьми. Когда мы были на этом холме, стоял уже день…»

«Конспирация — залог здоровья», — шутил Галан. Но где-то в глубине души чувствовал, что «везение» вечно продолжаться не может.

Воспользовавшись убийством членами ОУН в Варшаве, в июне 1934 года, польского министра Перацкого, полиция арестовывает Галана как «подозрительного».

Галана отправили в яблоновскую тюрьму, где он провел несколько недель в невыносимых условиях.

Мать Анны — М. В. Геник — вспоминает: «К Ярославу никого не пускали, не давали ему есть. Я ежедневно за восемь километров носила передачу. Меня отгоняли от окна, где за решетками сидел Ярослав. Полиция считала его особо неблагонадежным заключенным». Но получить какие-либо сведения от Галана охранке не удалось, как не удалось и установить его связь со Львовом. Писателя выпускают на свободу.

Галан не потерял связей с коммунистическим подпольем. Это видно хотя бы из того, что на листовке, изданной в 1934 году, с протестом против подготовки войны с Советским Союзом и фашистского террора в Германии, мы находим рядом с именами Тудора, Гаврилюка и Козланюка и имя Галана.

Недреманное око «радетелей» Галана из охранки не знало отдыха. Уездный начальник государственной полиции пан Белянув, как и его коллеги из Львова, также облегчил труд будущих биографов Галана. Он оставил потомству рапорт, преисполненный истинной скорби и негодования: «…После отъезда Галана в июне 1935 года во Львов, как известно мне, компартия послала его в Варшаву, где он имел близкую связь с Владимиром Генсьорским, студентом тамошнего университета, который теперь находится в варшавской тюрьме… Относительно Генсьорского, который родом из Березова здешнего уезда, мне известно, что он до 1934 года был членом ОУН (Организация украинских националистов), однако под влиянием Галана он, как и его сестры Соня и Люба, учительницы в Березове, перешли в компартию…»

Но кто эти люди, о которых повествует пан Белянув? Оказалось, Софья и Любовь Генсьорские — бывшие учительницы.

Сейчас — пенсионерки, проживающие недалеко от Коломыи. В те годы, когда их персоны привлекли внимание уездного начальника полиции, они проживали в селе Средний Березов, что раскинулось в четырех километрах от Нижнего Березова.

Когда сестер Генсьорских ознакомили с сочинением пана Белянува, чувства их были весьма сложными.

— Насчет влияния Галана на нашу семью и вступления нас в компартию здесь все верно. Но относительно нашей принадлежности к ОУН пан Белянув явно промахнулся. Мы никогда взглядов националистов не разделяли. Наш отец был русофилом. И, как и отец Галана, три года назад находился за это в концлагере Талергоф. И вообще в судьбе нашей семьи и семьи Галанов было в этом смысле много общего. После прорыва русских войск в Галиции и выхода их на Карпаты в 1915 году в нашем доме размещался штаб одной русской воинской части. Позже, как русские войска стали отступать, они помогли нам эвакуироваться в Бердянск. Володя и мы учились в русской гимназии, подобно тому как и Ярослав Галан, который тогда жил в Ростове-на-Дону. В Бердянске мы встретили Великую Октябрьскую революцию, собственными глазами увидели свободу, добытую рабочими и крестьянами под руководством Коммунистической партии.

Но как бы там ни было, главное начальнику полиции все же удалось разнюхать: Галан действительно многих и многих обратил в свою веру. Многим раскрыл глаза на истинное положение вещей, которое многие люди Верховины не могли ни понять, ни объяснить.

А судьба Анны Геник? Она действительно сложилась трагично. Но рассказ об этом еще впереди.

«Тысячи улиц, тысячи верст… провокация»

«Тысячи улиц. Тысячи верст. Тысячи этажей. И всюду одно и то же. Не нужен. Никому не нужна твоя молодость, и твои сильные руки, и твои быстрые глаза. Проклятием тяготеет над тобой наследство — безработица… Звенит цепь, сковывающая тебя, скрежещет ключ, который закрывает, вырастает стена, опоясывающая тебя повсюду, куда ни глянь.

Мрак ночи, неволя и горе, и боль, и слепая тупость. И только временами внезапно заалеет знамя, и раздастся короткий звук выстрела, и пронесется крик, который и сегодня может повториться!..»

Слова этой статьи, написанной Вандой Василевской, открывали первый майский номер газеты «Вальки млодых» («Борьба молодых») за 1936 год и отражали трагедию тысяч безработных, по которым весной этого года открыла огонь фашистская полиция Львова. И не случайно около статьи редакция поместила фотомонтаж: сжатый кулак рабочего на фоне массовой демонстрации и лаконичная надпись: «За социализм и свободу! Против фашизма и войны!»

Фашизм наступал по всему фронту. Организация украинских националистов начала осуществлять свою программу террора и убийств открыто, на глазах всего света.

По специальному приказанию Степана Бандеры, сына греко-униатского попа из села Угринова Старого, близ Калуша, в редакцию Львовской антифашистской газеты «Сила» была брошена бомба. По утверждению бандитов из ОУН, это покушение «должно было продемонстрировать, что с большевиками мы будем бороться подобными техническими приемами».

Одной из первых жертв ОУН явился секретарь советского консульства во Львове Андрей Майлов. 21 октября 1933 года его убил подосланный Коновальцем и Бандерой кулацкий сынок Лемик. Бандитская организация сама призналась в этом убийстве.

Затем бандиты из ОУН бросили бомбу в редакцию львовской антифашистской газеты «Праця» («Труд») и по заданию своего руководства члены ОУН совершают вооруженное нападение в городе Городке, неподалеку от Львова, на местную почту. Цель нападения — ограбление. От пуль оуновцев, руководимых нашедшим сейчас приют в Соединенных Штатах Америки Миколой Лебидем, гибнут мирные почтовые работники, их дети остаются сиротами, жены — вдовами. Террористическая деятельность ОУН ширится.

Еще в мае 1935 года в Кракове состоялся съезд крестьянских писателей, положивший начало организации антифашистского фронта и принявший резолюцию о необходимости «создания единого широкого фронта эксплуатируемых классов, единого народного фронта рабочих и крестьян для беспощадной борьбы с фашизмом». Группа революционных и демократических писателей публикует манифест, где призывает всех писателей, без различия их политических взглядов, к объединению для защиты культуры от фашистского варварства.

В числе других писателей это воззвание подписали Ярослав Галан, Александр Гавршнок, Петр Козланюк, Владимир Броневский, Люциан Шенвальд, Ванда Василевская, Леон Кручковский.

23 июня 1935 года в Париже, на Международном конгрессе писателей в защиту культуры, было оглашено приветственное письмо Горького, где великий писатель призывал всех честных деятелей культуры мира объединиться в борьбе с наступающим фашизмом. Задача создания единого антифашистского фронта работников культуры выдвигалась на первый план на Западной Украине.

Старейший подпольщик Западной Украины Богдан Дудыкевич пишет: «В 1935 году мы, сидевшие в тюрьме „Вронки“ в Западной Польше, получили информацию о широкой кампании, которую развернули КПП, КПЗУ и КПЗБ для освобождения политзаключенных. Нам стало известно о выступлениях Ярослава Галана как одного из организаторов массовых митингов во Львове…»

По поручению окружкома КПЗУ Галан и Гаврилюк проводят зимой и весной 1935–1936 годов большую подготовительную работу по созыву антифашистского конгресса работников культуры Польши и Галиции.

Галан много ездит по Прикарпатью, выступает перед крестьянами. Выступает как опытнейший партийный конспиратор. Степан Далавурак, учитель одной из средних школ города Черновцы, рассказывает:

«Ярослав Галан не заглядывал в конспект. Он говорил о важности просвещения для народа, потом про ангорских кроликов, о пчеловодстве, о разведении коров симментальской породы, то есть все в духе газеты „Народна справа“ — „коровьего дела“, как ее тогда верно окрестили в народе, — и журнала „Сельский хозяин“. Это понравилось хозяевам. Жандармам лекция показалась невинной, и сидеть на ней дальше, дышать мужицким потом надменным слугам Речи Посполитой никак не хотелось. Поэтому они вышли. Оратор сразу заметил, что

жандармы исчезли. Симментальские коровы, свиньи йоркширской породы больше не вспоминались. Галан все чаще останавливался на тех причинах, которые вызвали выступления против существующих порядков в панской Польше.

Контакт между Галаном и слушателями наладился быстро. Они хорошо понимали его и поддерживали одобрительными выкриками:

— Говорите громче, потому что позади плохо слышно, — послышалось в зале, когда оратор на несколько секунд остановился.

Ярослав Галан сказал:

— Я приложу все усилия, чтобы меня все услышали, а если кто не услышит, готов повторить все вторично и в третий раз.

Голос его был мягким, и в зале стало тихо.

Галан рассказывал о борьбе украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против шляхетской Польши, о том, как украинские земли очутились под пятой других держав, и особенно — о борьбе трудящихся западноукраинских земель против „чужих и своих“ угнетателей. Он вспоминал, как Иван Франко и Михайло Павлик призывали наш народ к борьбе против колонизаторской политики Австро-Венгрии и как украинская буржуазия за мелкие подачки лизала лакированный сапог Франца-Иосифа.

Не забыл оратор в своем докладе и о реакционной роли духовенства любого вероисповедания.

— Попы вместе с ксендзами ведут крестовый поход против Советского Союза — колыбели трудящихся всего мира. А те заповеди, которые они пропагандируют, сами не исполняют, не ожидают рая на небе, а живут райской жизнью на земле. Что можно попам, то является грехом для трудящихся.

Эти слова задели священника, который сидел на лекции как на угольях.

— Вы агент Москвы! — закричал пан отец. — Вы коммунист и враг украинского народа, а не представитель „Просвиты“.

— Не „Просвита“ — просвещение, — ответил Ярослав Галан, — а правда — просвещение. И не враг я, по происхождению такой же западноукраинский крестьянин, как все в зале, хотя у меня галстук на шее.

Полемика с попом разгорелась. Оратор беспощадно разоблачал его, припирая к стене фактами.

— Вы, — говорил Галан попу, — некогда благословляли народ на братоубийственную войну. Вы говорили когда-то: „Бей на фронте русского или поляка“. Так?

— Так!..

— А чем они провинились перед вами или перед каким-либо балинецким дядькой?

В зале клокотало. Всюду были слышны выкрики:

— Вот верно!

— Хорошо сказал!

— Ух, как славно посадил пана отца!»

А Галан продолжал:

— На недавний съезд общества «Просвита» полиция, а с нею поповские и кулацкие сынки не допустили крестьянских делегатов, избили их! Они боялись, чтобы представители народа не рассказали на съезде всю правду!

— Брехня! — выкрикнули в ответ несколько самых богатых дядьков и поп.

— Если говорю вам неправду, то послушайте самих делегатов. Вот они, перед вами.

Ярослав Александрович прервал свое выступление, чтобы дать возможность выступить Петру Грицюку, Михаилу Проскуряку, Алексею Корбутяку, которые подтвердили его слова. Это выступление Галана в селе Балинец, возле города Коломыи, продолжалось больше часа. Еще с час докладчик отвечал на разные вопросы. Вместо культурно-просветительной лекции, как это значилось в бумажке, изготовленной подпольщиками-коммунистами, в селе был проведен политический митинг. Крестьяне были очень довольны лекцией.

Галан и Гаврилюк организуют конспиративные явки, пишут листовки, воззвания, выступают на собраниях, переправляют во Львов революционную литературу. Галан вырос в опытного пропагандиста, агитатора, работающего по поручению партии на самых ответственных участках. Он «часто приходил к нам (рабочим. — В.Б., А.Е.), — вспоминает бывший слесарь И. Завадка, — проводил с рабочими беседы и читал лекции по теории марксизма-ленинизма, помогал нам глубоко понять те задачи, которые стояли перед рабочими Западной Украины. Помню, мы с особым интересом прослушали лекции Я. Галана по произведениям Ф. Энгельса „Развитие социализма от утопии к науке“ и К. Маркса „Наемный труд и капитал“».

А события становились все более грозными.

В марте 1936 года были расстреляны рабочие на краковском заводе «Семперит». В ответ начались уличные бои рабочих Кракова с полицией, а по всей стране прошла волна забастовок и демонстраций.

Весна 1936 года пришла во Львов неожиданно, буйно, стремительно. Каштаны расправляли свою первую листву, в синем апрельском небе кружились стаи голубей над Стрелецкой

площадью, в утренней дымке тонули за больничной оградой зеленеющие склоны Высокого замка. Но в это прекрасное весеннее утро возле морга в одной из больниц Львова можно было обнаружить следы совершившегося недавно злодеяния.

Толпа, заполнившая больничный двор, угрюмо молчала. И когда над головами людей вдруг появился небольшой, затянутый красным крепом гроб, обнажились головы, глухой и гневный шум прошел по рядам рабочих.

Старая женщина подошла к толпе и испуганно спросила:

— Кого хоронят?

— Безработного, — ответили из рядов. — Нашего товарища хороним. Козака. Его убила полиция.

Галану вспоминался вчерашний день. Толпа безработных у ратуши. В ее просторных залах заседали верные слуги графов Потоцких и Дзедушицких, «ликерного короля» Бачевского и других им подобных. Голодные, оборванные люди пришли просить кусок хлеба — им ответили свинцом из полицейских карабинов. Навсегда сохранятся в памяти вспышки выстрелов, красная струйка крови на красивом молодом лице погибшего от пули полицейского рабочего-поляка Владислава Козака, распластавшего руки на серых плитах мостовой…

Сегодня гневный рабочий Львов провожал его в последний путь…

Цепочка полицейских мундиров перегородила улицу. Угрюмо, сжав кулаки, не останавливаясь и не замедляя шага, шли навстречу ей сомкнувшиеся ряды рабочих. Сухо щелкнули затворы винтовок, и через несколько минут пулеметная очередь врезалась в колонну демонстрантов. Гроб накренился.

Молодой рабочий вырвал из мостовой булыжник. Уткнувшись лицом в землю, лежала женщина… Вот впереди, покачнувшись, падает Мария Ких — славный вожак львовских комсомольцев. Три раза сменились люди, несущие гроб. А впереди уже дрогнули ряды полицейских, захлебнулся пулемет, испуганно прячется в подъезде полицейский в мундире капитана.

Что гнало рабочий народ в объятия смерти? Об этом Галан напишет позже — в «Золотой арке».

«Неужели они рисковали жизнью только ради куска хлеба или десятипроцентной прибавки к жалованью? Думать так значит совершенно не верить в человека!.. Они верили тогда только в одно: что каждый их шаг вперед по улицам, залитым их же кровью, — это сто, тысяча шагов вперед, к бессмертию, величию их класса…»

Повсюду строились баррикады. Стояли заводы, фабрики, застыли на площадях трамваи, газеты не вышли. Львов бастовал.

Гневный рабочий Львов протестовал против кровавой расправы 16 апреля 1936 года…

Тридцать одного убитыми и двести человек ранеными потерял пролетариат Львова в этот день.

В ответ на правительственный террор началась общегородская забастовка, поддержанная рабочими почти всех городов Галиции и массовыми выступлениями крестьян. Семьдесят пять процентов крестьян Львовского, Тернопольского и Станиславского воеводств приняли участие в организованной десятидневной стачке. В эти дни Галан выступает на митингах и собраниях, участвует в подготовке к первомайской демонстрации, которая еще раз подтвердила, как возрос авторитет коммунистической партии. В такой обстановке проходила подготовка Антифашистского конгресса в защиту культуры.

Конгресс работал в здании оперного театра 16 и 17 мая 1936 года. В его организации и проведении приняли участие рабочие. «Мы чувствовали тогда, что рабочий и крестьянский писатель — это человек, любимый массами, близкий им человек, товарищ», — говорил польский поэт Владислав Броневский. На конгрессе выступали представители бастующих рабочих, писатели в перерывах между заседаниями делали доклады на заводах и фабриках. Рабочие «составили огромное большинство гостей съезда». В почетный президиум его были избраны М. Горький и Р. Роллан. С речами выступили К. Пелехатый, С. Тудор, В. Василевская и другие. Василевская требовала от писателей создания бдительной, воинствующей литературы и произнесла пророческие слова: «В следующий раз мы встретимся в красном Львове».

Тудор говорил об угнетении украинской культуры. Его гневную речь слушали честные люди Львова разных национальностей, которые всего несколько недель назад шли за гробом Владислава Козака на Яновское кладбище и видели наведенные на себя дула винтовок.

Выражая думы и чаяния людей, пришедших в театр на заседание конгресса, Степан Тудор говорил:

— Долой империалистическую войну! Долой фашизм! Пусть знают торговцы смертью, что нашу поступь не остановят тайные агенты фашизма. Мы готовы бороться за социализм, который является для нас зарею нового будущего!

Большое впечатление на всех произвело выступление Я. Галана. Стенограмма его не сохранилась, но осталось свидетельство Владислава Броневского: «Участники съезда, выступающие по национальному вопросу, высказались в пользу удовлетворения всех культурных нужд национальностей,

населяющих Польское государство. Выступающие требовали открытия национальных школ, украинского и белорусского университетов, равноправия языков… По этим вопросам особенно горячо говорил Ярослав Галан».

Рабочие преподнесли писателям цветы. «Становится больно, — писал Галан, — что за столом нет Максима Горького… Ведь эти цветы в первую очередь предназначались ему».

На конгрессе был оформлен и закреплен единый фронт мастеров культуры против войны и фашизма.

Для инициаторов и организаторов конгресса становилось небезопасным пребывание в городе. «Вскоре после конгресса, — вспоминает Галан, — мы получили сигнал: „Уезжайте из Львова“». Галан переезжает в Варшаву, где переходит на работу в газету «Дзенник популярни», выходившую в 1935–1937 годах.

Ванда Василевская вспоминала: «Это была газета единого фронта. В состав редакции входили представители „левого“ крыла ППС и члены коммунистической партии. Газета была закрыта полицией. Галан писал в газету корреспонденции, статьи, касающиеся украинского вопроса… Он не выходил из состава редакции. Его сотрудничество в ней прекратилось в связи с его арестом».

Галан публикует в газете статьи и памфлеты, разоблачающие польское правительство. Он рассказывает о кровавой расправе над бастующими Львовскими рабочими. Особенно достается в статье Галана премьер-министру последнего польского правительства генералу Складковскому, заявившему с трибуны сейма в ответ на вопрос о причине расстрела львовских демонстрантов: «Я считаю, что полиция стреляла слишком мало». Галан называет его «кровавым шутом, пляшущим под дудку Гитлера».

Галан стал любимым гостем на варшавских заводах и фабриках. Чтобы сбить со следа полицейских ищеек, он постоянно меняет квартиры.

Травля, преследования, тюрьмы… Казалось, жизнь поворачивалась к нему самой жестокой своей стороной. И как бывает в подобных случаях, беда редко ходит одна. На Галана обрушился еще один страшный удар: он потерял связь с Анной.

Переписка с ней неожиданно прервалась. Ярослав Александрович посылал в Харьков одно письмо за другим, слал запросы, терялся в мучительных догадках — все было напрасно! Он ждал месяц, второй, год — писем от жены не было…

Анна исчезла…

Как только выбиралась свободная от дел неделя, Ярослав ехал в Нижний Березов. Может быть, думал он, здесь что-нибудь

известно. Но и в Нижнем Березове не знали ничего; строили, чтобы успокоить и себя и Галана, самые невероятные предположения. Но от этого не становилось легче.

Вечерами, когда он приезжал в Березов, они еще и еще раз перечитывали ее старые письма, надеясь найти в них что-нибудь такое, не замеченное ранее, что бы помогло разобраться в случившемся. Но ни одной такого рода зацепки в письмах не было.

В сотый, наверное, раз перебирал Ярослав Александрович фотографии жены и открытки, присланные из Харькова. Вот на одной из них надпись: «17 августа 1932 года, после отъезда в СССР. Анна». Последнее письмо датировано 7 января 1934 года. Анна сообщает, что жизнь идет неплохо. Только очень тоскует по нему, Ярославу. И еще мечтает взглянуть на родное село. Среди пачки листков попадается забытое Галаном фото: группа из восьми юношей и девушек. Среди них он, Ярослав, и его верный товарищ по «Викнам» Петро Козланюк. «Когда это снято? — мучительно вспоминает Ярослав. — Кажется, в 1933-м, когда мы приехали с Петро в Березов передохнуть от львовской суматохи…»

В марте 1937 года по приказу правительства полиция закрывает газету «Дзенник популярни». В варшавскую тюрьму на некоторое время попадают Ярослав Галан, редактор газеты и ряд сотрудников. После освобождения Галана его снова арестовывают и четыре месяца спустя отвозят во Львов. Галана передают следственным органам Львова. Писатель попадает в тюрьму «Бригидки».

…Завтра — двадцатая годовщина Великого Октября. Тусклый свет едва пробивается сквозь решетку узкого окна камеры. В ранние, предрассветные часы Галан любит мечтать.

За Збручем, в далекой Москве завтра выйдут на Красную площадь колонны демонстрантов. Галан вспоминает снимок, виденный им в советском журнале «Огонек», — рабочий поднимает на плечи маленькую девочку. Она смеется, протягивает руку. Какое счастье выпало тем, кто пойдет завтра в этих колоннах!

«Москва, она всегда стоит передо мной как живая — грозная, нежная, вечная», — вспоминает писатель. Сколько раз на вершинах Карпат, в подполье, в тюремной камере виделась она ему — незнакомый любимый город!

Открывается дверь камеры. Резкий окрик тюремщика:

— Галан! На выход!

Очередной вызов на допрос. Опять нудно и долго будут расспрашивать о работе прогрессивного издательства «Книжка».

Он знал, что полиция не имеет улик против него, и его смешили глупые и надоевшие ловушки, которые на каждом допросе строил следователь.

Когда Галан вернулся в камеру, товарищи обсуждали последние новости — вчера в тюрьме был разоблачен провокатор. Смеясь, Ярослав Галан рассказывал, как пытались купить его перо «паны-редакторы» из правительственных органов.

— Знаешь, Ярослав, — прервал его друг подпольщик Михаил Вовк, поднимаясь с койки, — мы не сомневались в тебе, как в коммунисте, но все же думали, что для тебя тюремная обстановка покажется тяжелой. А ты повел себя, как опытный тюремный «бывалец»…

Еще за месяц до праздника Великого Октября руководство коммуны политзаключенных в Львовских «Бригидках» в глубокой тайне разработало план подготовки к празднику. Еще на воле Галан, просиживая ночи напролет, — готовил доклад о проекте Советской Конституции. Узнав об этом, товарищи в тюрьме заключили:

— Не пропадать же докладу. Прочтешь его здесь. А иначе кому-нибудь из нас пришлось бы специально готовить такое сообщение. Праздник должен быть отмечен достойно!..

«Администрация тюрьмы приняла заранее ряд жестоких мер, чтобы избежать демонстрации узников в Октябрьский праздник, — вспоминает М. Вовк. — Наиболее опасные узники были переведены в одиночки».

Но празднование годовщины Октября все же состоялось.

Обманув тюремщиков, Галан прочел заключенным доклад о Советской Конституции.

Да, многому, порой неожиданному и страшному, учили Галана панские тюрьмы. Чего стоит хотя бы увиденное им в «Бригидках». Воспоминание о случившемся Галан пронесет через всю жизнь:

«Осенью 1937 года во двор Львовской тюрьмы „Бригидки“ надзиратель каждое утро выводил молодую белокурую девушку. Из окна нашей камеры можно было видеть, как девушка быстрым шагом ходила по кругу, в центре которого стоял надзиратель. Прогулка продолжалась ровно тридцать минут; потом надзиратель звенел ключами, и девушка замедленным сразу шагом, манерно покачивая бедрами, возвращалась в свою камеру.

Мы не знали, кто она и за что ее сюда посадили, но, по обычаю заключенных, сочувствовали ей и втихомолку вздыхали о ее сиротской доле, о ее утраченной юности.

И вот однажды утром мы услышали в окнах нижней камеры пронзительный свист и крики: „Убийца!“ Все мы бросились к

окнам. Свист нарастал, перебрасываясь из камеры в камеру. Надзиратель грозил заключенным кулаком, что-то кричал, но никто не обращал на это внимания. Девушка ходила по кругу быстрым, энергичным шагом, глаза ее теперь смотрели в землю, а судорожно сжатые губы стянули ее лицо в гримасу не то ужаса, не то ненависти.

Убедившись, что его угрожающие жесты не действуют, надзиратель махнул рукой и увел заключенную.

В тот же день мы узнали, в чем дело. Светловолосое воплощение молодости оказалось инициатором и участником зверского убийства крестьянина-коммуниста. (Провокаторша навела националистов на его след. — В.В., А.Е.) Ворвавшись в хату, националистические убийцы на глазах малых детей замучили свою жертву, к тому же еще издевались над трупом. Фашистский зверь — на этот раз в лице девятнадцатилетней блондинки — показал свои когти. Впоследствии, во время гитлеровской оккупации, на этих когтях ни на минуту не высыхала человеческая кровь».

Провокаторша была из организации украинских националистов.

Не найдя достаточно улик, полиция была вынуждена освободить Галана «под надзор полиции» с обязательством «не выезжать из города Львова».

Писатель зарабатывает на жизнь переводами немецких романов на польский язык. Под псевдонимом Мирон Яро в 1938 году во львовском польском издательстве «Мысль» выходит его повесть «Горы дымят».

Иногда удавалось устроиться статистом на киносъемках. Но чаще всего Галан не имел никакой работы. Так продолжалось до тех пор, пока Советская Армия не освободила Западную Украину…

Легенда о Божене Шрамек, или два Львова

И легенды во Львове тоже были страшные. Одну из них Галан записал:

«Среди старожилов Львова ходила легенда о синеокой девушке Божене Шрамек, которую в памятный июнь 1902 года застрелили на улице гусары. Застрелили несмотря на то, что Божена играла на скрипке, играла так, что бравые австрийские офицеры останавливались, бывало, под ее окном и слушали — не могли наслушаться мелодии, возникавшей из-под ее нежных пальцев. В конце концов один из них искренне полюбил Божену и так долго вздыхал под окном очаровательной скрипачки, пока та не отблагодарила его за сердце сердцем.

А потом — в самую весну их пламенной любви — Божена встретилась с глазу на глаз со своим любимым на Стрелецкой площади, когда по камням реками текла кровь порубанных саблями рабочих. И наверное, два сердца были в груди Божены, потому что, когда она увидела, как под копытами поручикова коня гибнет шестилетняя девочка, она подняла с мостовой брошенный кем-то револьвер и выстрелила в высокий лоб своему Гезе. Сделав это, бросилась бежать. Долго гнался огромный гусар за девушкой по улицам старого города, и только под воротами дома Божены догнала скрипачку пуля. В минуту ее смерти такая тишина настала в городе, что даже чириканья воробьев не было слышно.

С того дня, говорят люди, начала сохнуть львовская песня, а в груди оперных певцов оборвались струны. Вместе с Боженой Шрамек умерла легенда о Львове — второй Вене, городе песен и музыки.

И когда через несколько лет старенький профессор консерватории выступил со скрипичным концертом Бетховена и, закончив рондо, увидел перед собой десяток-два тупых лиц с сонными глазами, он быстрыми шагами направился домой и лег в кровать, чтобы больше не подняться…»

Жизнь была страшнее легенд.

…В семь часов утра 1 сентября 1939 года разорвалась первая бомба на Главном вокзале Львова, а вторая рассекла дом на углу Короткой и Перацкого. В ночь на 2 сентября все жители Львова уже сидели в подвалах, дрожа от страха. Вокруг рвались бомбы. Город знал: через несколько дней по улицам его пройдут танки гитлеровцев. Казалось, ждать помощи было неоткуда.

Сговор Гитлера, Чемберлена, Муссолини и Даладье в 1938 году в Мюнхене обеспечил Гитлеру захват Чехословакии. Ее

отдали гитлеровцам как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом. «Миротворцы» Запада, натравливая Германию на СССР, отказались от заключения оборонительных пактов против агрессора. Правящие круги Польши, ослепленные ненавистью к Стране Советов, приветствовали гитлеровскую политику, рассчитывая, как влиятельные монополисты Америки и Европы, нажиться на войне Германии с Советским Союзом. Но Гитлер, расправившись с Чехословакией, 1 сентября 1939 года двинул войска в Польшу.

Польша была совершенно не подготовлена к войне. Несмотря на героическое сопротивление народных масс и отдельных войсковых соединений, брошенная на произвол судьбы армия вынуждена была сдаться. Правительство сперва укрылось в Румынии, потом побежало дальше. В интересах всех миролюбивых государств необходимо было преградить путь гитлеровской агрессии, и создать линию обороны у западных границ белорусских и украинских земель, и организовать таким образом барьер против беспрепятственного продвижения немецких войск на Восток. Советский народ не мог также равнодушно отнестись к судьбе своих единокровных братьев — западных украинцев и белорусов, которым угрожало еще более тяжелое фашистское порабощение. «Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР, — заявило Советское правительство. — Советское правительство не может больше нейтрально относиться к создавшемуся положению».

17 сентября 1939 года советские войска перешли советско-польскую границу и 19 сентября вошли во Львов.

«Второй молодостью» назвал Галан великий день освобождения: «Счастье приходит неожиданно… Утомленные быстрым маршем бойцы Красной Армии входили во Львов, который уже успел расцвести красными знаменами. Город показывал бойцам свои раны и сквозь слезы улыбался им. Первая и единственная армия, которую старый Львов встречал с радостью, от которой сердцу становилось тесно в груди, потому что Львов знал, что за этой армией шаг за шагом идет его вторая молодость».

Небывалое зрелище увидел Галан 15 октября 1939 года. Впервые освобожденный Львов увидел массовую легальную демонстрацию рабочих. Они шли колоннами, с красными знаменами своих профсоюзов. В автобусах ехал хор «Думка».

В этот день впервые собрались на демонстрацию дружбы народов и писатели Западной Украины — украинские, польские, венгерские и еврейские. Они пришли на встречу с писателями

Советского Союза к могиле великого украинского поэта Ивана Франко.

На Лычаковском кладбище среди высоких каштанов возвышался скромный памятник: на серой гранитной скале — энергичная фигура каменотеса, замахнувшегося киркой, — символ бунтарского духа Ивана Франко, его мечты — разбить скалу насилия.

Взволнованные речи произносят Петр Андреевич Павленко от Союза советских писателей СССР, поэт Василий Иванович Лебедев-Кумач. Двадцать тысяч жителей Львова с песнями и музыкой следовали за писателями, когда те отправились с Лычаковского кладбища на Марьяцкую площадь, к памятнику Адаму Мицкевичу.

Горячим сочувствием были встречены слова украинского поэта Миколы Бажана о том, что творчество польского поэта Адама Мицкевича принадлежит всему трудовому народу, единственному законному наследнику всех достижений мировой культуры.

Впервые народ Галиции получил возможность свободно и самостоятельно решать свою судьбу. 1 и 2 ноября 1939 года Верховный Совет СССР на своей внеочередной, пятой сессии удовлетворил ходатайство Полномочных комиссий Народного Собрания Западной Украины и принял Закон о включении Западной Украины в состав Союза ССР. 13 и 14 ноября в Киеве внеочередная сессия Верховного Совета УССР постановила «принять Западную Украину в состав Украинской ССР и воссоединить тем самым великий украинский народ в едином государстве». В своем приветствии народ Западной Украины выразил глубокую благодарность советскому народу за братскую помощь.

Галан шел по улицам и поражался: удивительно контрастными, пестрыми, необычными были в эти дни улицы Львова. Мелькали последние лицеисты в разноцветных шапочках-корпорантках. Угасающие пани то там, то здесь прогуливали по тротуару японских болонок, откормленных такс и тупомордых, лоснящихся от жира бульдогов. Навстречу попадались пожилые пенсионеры в старомодных канотье и котелках, с тростями, украшенными монограммами. У ворот кое-где сидели старички, которые в своем облике сохранили верность не столько последним маршалам Польши, сколько самому живучему из всех австрийских монархов: усы и бакенбарды у них были точь-в-точь как у императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа.

Среди потока прохожих Галан мог без труда различить новых и подлинных хозяев освобожденного города: молодых гуцулов в

нарядных кептарях, веселых украинских девчат в национальной одежде, перед которыми Советская власть распахнула двери институтов и школ старинного города.

Совсем другое зрелище предстало перед его глазами, когда он увидел девушек с рюкзаками за плечами, в брюках и тяжелых лыжных ботинках, с распущенными волосами. Это были беженки из центральных районов Польши, занятых гитлеровцами, не пожелавшие остаться на территории, оккупированной фашистами. Весь их скарб теперь у них за плечами.

С улицы Килинского донеслась уже полюбившаяся здесь «Катюша». Ее пели красноармейцы; в полной выкладке, со скатками и котелками, они направлялись на Главный вокзал. Молоденький лейтенант то и дело ревниво оглядывал, как держат равнение его подчиненные; подавал команду: «Раз, два, три! Левой, левой, левой!..»

В 1879 году И. Франко в рассказе «Маленький Мирон» рассказал о судьбе, которая ждала пытливых и умных крестьянских детей в подъяремной Галиции: «…Незавидная ждет его доля! Познакомится он и с тюремными стенами… с горем и насилием людей над людьми, а кончит тем, что пропадет, одинокий, заброшенный, на каком-нибудь чердаке, либо из тюремных стен вынесет зачаток смертельного недуга, который преждевременно сведет его в могилу, либо, утратив веру в святую, высокую правду, начнет заливать горе водкой до полного забвенья».

Такая судьба до 1939 года была обычной в Галиции. С освобождением Западной Украины канули в прошлое времена тяжелого господства иноземных захватчиков. Позднее Галан пишет: «Маленький Мирон Ивана Франко не отличал тюрьмы от школы; маленький Мирон наших дней — отличник университета имени Ивана Франко… В западноукраинских областях вступил в свои права социализм, по обеим сторонам Карпат восходят ясные звезды коммунизма».

Исполнились заветные мечты Галана и его друзей. Спецкор ТАСС во Львове Евгений Петров писал, что интеллигенция города встретила «Красную Армию необычно радостно. Во Временное управление непрерывно идут артисты, инженеры, писатели, музыканты».

Культурная жизнь города налаживалась. Появились книжки членов клуба: польские, украинские, русские, еврейские. Ежи Путрамент издал свои «Сентябрьские повести», Ванда Василевская — «Огни на болотах», Адольф Рудницкий — «Новобранцев», Бой-Желенский — «Марысеньку». Вышли томики поэзии Адама Важика, Мечислава Яструня. Готовились переводы

русских и украинских книг. Кенигсберг издал «Пана Тадеуша» Мицкевича в переводе на еврейский язык. Польский писатель Ян Бжоза печатает свои произведения в разных периодических изданиях — русских и украинских. Среди них «Дружба народов», «Литературная газета», «Коммунист», «Радянська Украина», «Вильна Украина», «Курортная газета», «Червоны штандар». Козланюк, Ярослав Галан и многие другие украинские литераторы помогают своим польским коллегам переводить их книги на украинский и русский языки. В Ленинграде по радио была передана композиция по повести Бжозы «Поединок доктора Эмиля Роу».

Летом 1940 года писатели трех национальностей, и среди них Галан, были приглашены из Львова в Киев. Это было замечательное путешествие в большой советский город. Они познакомились там с украинскими писателями Павло Тычиной, Максимом Рыльским, Владимиром Сосюрой, Александром Корнейчуком, Миколой Бажаном, осмотрели древние памятники города, «Золотые ворота», Киево-Печерскую лавру, откуда открывался поразивший их вид на широкий Днепр.

Дни Галана — сгусток энергии, спрессованной до предела. Вот только несколько дней января и февраля 1941 года, восстановленные по тогдашней газетной и журнальной хронике:

Январь, 3. Участвует в работе расширенного заседания правления львовской организации ССПУ.

Январь, 4. Участвует в работе расширенного заседания правления львовской организации ССПУ.

Январь, 5. Готовит выступление на расширенном заседании правления львовской организации ССПУ.

Январь, 6. Участвует в работе расширенного заседания правления львовской организации ССПУ. Выступает в прениях по докладу Олексы Десняка о творческих итогах 1940 года и планах на 1941 год.

Январь, 16. Выступает в клубе писателей Львова на вечере празднования 30-летия литературной деятельности профессора Т. Бой-Желенского: «16 января — вечер празднования 30-летия литературной деятельности известного польского критика и литературоведа профессора Т. Бой-Желенского. Доклад о творческом пути юбиляра. С речами выступили: Ол. Десняк, Я. Галан, М. Рудницкий…»

Январь, 21. Присутствует на вечере, посвященном 17-летию со дня смерти В. И. Ленина. «На вечере выступили поэты Я. Кондра, А. Волощак и др.».

Январь. Конец месяца. Выехал в Киев в составе бригады львовских писателей на празднование 50-летия поэта П. Тычины:

«На юбилей П. Г. Тычины выехала в Киев бригада львовских писателей: А. Гаврилюк, Я. Галан, Ол. Десняк, П. Карманский, П. Козланюк, Я. Кондра, Ян Бжоза».

Среди многих забот Галана — заведование литературной частью Львовского драматического театра имени Леси Украинки.

Февраль. Середина месяца. Во втором номере журнала «Литература и мистецтво» за 1941 год публикуется рецензия Я. Галана на сборник поэта А. Волошака «Поэзия».

Февраль, 18. Участвует в работе правления львовской организации ССПУ, обсуждавшего подготовку к празднованию 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции: «После доклада ответственного секретаря Ол. Десняка писательский актив взял на себя обязательство написать к четверти столетия утверждения Советской власти произведения из… жизни западных областей Украины… А. Гаврилюк — повесть „Савка учится революции“ и пьесу „На новых квартирах“, Я. Галан — драму, С. Тудор — повесть».

Итак, в начале февраля 1941 года Галан снова в Киеве. Здесь он присутствует на юбилейных собраниях, посвященных празднованию 50-летия П. Тычины, посещает Музей В. И. Ленина, завод «Большевик», дом Т. Г. Шевченко, Институт литературы имени Т. Г. Шевченко, библиотеку Академии наук УССР, Институт экспериментальной биологии и патологии, Софийский собор, Киево-П-черскую лавру, киевские драматический и оперный театры, киностудию, издательства, редакции журналов и газет.

На Западной Украине широко распространялись тогда армейские газеты «Боевое знамя», «Звезда», «Часовой Родины», «Красноармейская правда» и другие. В их редакции входили крупнейшие советские писатели и поэты — Твардовский, Корнейчук, Лебедев-Кумач, Бажан, Малышко, Кирсанов, Лидии, Луговской, Бровка. С первых дней освобождения Львова они включились в строительство новой жизни. Во Львов приезжали мастера советской литературы — Алексей Толстой, Лев Никулин, Павел Антокольский. В те дни создавалась первая действительно народная, выходящая на украинском языке газета «Вильна Украина». С ней уже до конца жизни связана литературно-общественная деятельность Я. Галана. 2 октября 1939 года центральный орган КП(б)У газета «Советская Украина» сообщала: «На днях во Львове начала выходить новая газета — „Вильна Украина“. Трудящиеся города восторженно встретили газету на родном языке, газету правды и свободы». Первый номер газеты вышел 29 сентября 1939 года. Его выпускали Я. Галан, К. Пелехатый, П. Козлашок и другие литераторы.

Сначала газета имела четыре полосы, затем — шесть-восемь. Ежедневный тираж достигал восьмидесяти пяти тысяч экземпляров.

В 1939–1941 годах в газете «Вильна Украина» и других изданиях появляется более ста произведений Галана. Он откликается на самые острые, волнующие проблемы дня.

Многие газетные работы Галана 1939–1941 годов нельзя назвать очерками и рассказами в полном смысле слова. Это скорее художественные зарисовки, часто корреспонденции, не претендующие на глубокое раскрытие характера изображаемых лиц. Цель этих произведений — пропагандировать достижения и успехи социалистического строительства на Западной Украине, раскрывать то новое, что рождалось в сознании людей, помогать партии бороться за формирование социалистического сознания у молодых граждан Советского государства.

Галан пишет о тех, у кого «разогнулись сгорбленные спины, гордо поднялись головы». «Действительно, совершилось чудо, о котором мечтали поколения: те, кто был ничем, стали всем». Писатель борется за то, чтобы к руководству предприятиями пришли преданные Советской власти люди, поднимает на щит передовиков и новаторов производства, беспощадно разоблачает рвачей, трусов, бюрократов, притаившихся врагов, ведет борьбу с буржуазными пережитками, призывает людей бдительно охранять свой труд и свое счастье. Нередко Галан обращается к истории Львова, чтобы еще раз подчеркнуть величие и смысл освобождения. Так были написаны: статья «2 июня 1902 года» в связи с 38-й годовщиной со дня расправы с трудящимися Львова на Стрелецкой площади и статья «День народного гнева», посвященная четырехлетию со дня апрельской демонстрации безработных 1936 года. В очерке «Вторая молодость» прослеживается страшная история столицы Галиции, и на фоне ее показаны величие и красота новой, советской действительности. Эта тема разрабатывается и в коротких новеллах «Дженни» и «Незабудка». Заведуя литературной частью Театра имени Леси Украинки, Галан часто откликается на театральные постановки других театров, участвует в обсуждении новых произведений.

Галан много работает, чтобы во Львове наладилась театральная жизнь. В статье «Обновленный театр» он говорит, что до 1939 года польский театр во Львове призван был ополячивать «непольскую часть населения города, особенно украинцев». Он был не рассадником культуры, а средством увеселения одуревших с жиру панов и пани из так называемого «высшего общества». Только с приходом социализма на земли Львовщины польские актеры впервые получили возможность «служить народу своим

талантом, своим трудом, который только теперь стал плодотворным, стал творческим». Украинский же театр, по существу, впервые получил права гражданства.

В статье «Певец социалистического труда» (рецензия на повесть Ю. С. Крымова «Танкер „Дербент“») Галан писал:

«Видеть в сегодняшнем ростки будущего, показывать то новое и позитивное, что нарождается в человеческих умах и сердцах, открывать все новые и новые перспективы развития социалистического строительства — вот важнейшая и почетная задача советского писателя — инженера человеческих душ.

Эта задача требует от писателя постоянной, тесной связи с жизнью, с народом, требует основательного ознакомления с основными процессами социалистического строительства».

Если раньше Галан разоблачал злобные писания своих идейных противников, результатом чего явилось создание своеобразного жанра рецензии-памфлета, то теперь Галан видит в критике прежде всего руководителя, товарища писателя, а в книгах советских литераторов — оружие в борьбе за построение нового общества.

«Вторая молодость» оказалась для Галана и его друзей не только новым гражданским, но и творческим рождением, и «творческое богатство, продемонстрированное нам сейчас, — писал Галан в статье „Степан Тудор“, — это еще одно доказательство животворного влияния, которое оказывает радостная советская действительность на истинных творцов».

Галан радуется преображению родной земли. Он мечтает о недалеком будущем, когда реки Закарпатья будут скованы плотинами, когда социалистический строй укрепится в молодых колхозах Галиции: «Встаньте весенним утром на перекрестке улиц… и там вы услышите глухое громыхание. Подождав минуту, вы увидите колонну новых, сверкающих светлой краской тракторов. Они направляются за город, в далекие поля, над которыми плывут в прозрачной лазури стаи журавлей. Вдохните полной грудью воздух, и вы почувствуете, что вам страстно, до боли хочется жить».

Десятки замыслов новых произведений рождаются у Галана. Он хотел писать о новой, счастливой жизни, о радостном труде освобожденного народа, о «весне социализма» на молодых советских землях. Но замыслам писателя еще долгое время не суждено было осуществиться… Далеко не все было столь радостным, как бы этого хотелось, во Львове тех лет слишком многое тревожило и омрачало душу.

Одна из самых живописных улиц Львова — улица Двадцать девятого листопада — соединяла центр города с предместьем.

Некогда на этой улице жили офицеры привилегированных частей Польского воздушного флота. В предвоенное лето здесь находился дом, который, как было известно Галану, стал крупнейшим центром гитлеровского шпионажа на Западной Украине.

Прежде чем подойти к этому дому, надо было миновать немало уютных домиков и вилл, укрытых золотистыми кленами, лапчатыми каштанами и плакучими ивами. По стенам вилл тянулись кверху глянцевитый плющ, дикий виноград и китайские розы.

Жители улицы Двадцать девятого листопада в то лето часто видели на ее мостовой длинный черный «суперадмирал» с фашистским флажком на радиаторе. Немецкая машина проносилась по воистину волшебной улице Львова и заезжала во двор виллы «Францувка», стоящей в глубине большого палисадника. Над воротами у въезда в виллу висел флаг гитлеровской Германии с черной свастикой. Но самое удивительное заключалось в том, что под этим флагом медленно расхаживал постовой — советский милиционер. Сейчас просто даже странно вспоминать все это, но так было в то трудное, насыщенное международными противоречиями предвоенное лето.

Граница наших государственных интересов с гитлеровской Германией проходила по Западному Бугу и Сану. Мы вынуждены были, чтобы оттянуть неизбежное в конце концов нападение вооруженного фашизма, вести мирные переговоры с гитлеровцами. И вилла «Францувка», временно предоставленная германской комиссии но переселению немцев с Волыни и из Галиции по договору с гитлеровским правительством, стала обиталищем фашистов.

Цели работы германской комиссии внешне выглядели невинно. Но работники органов советской государственной безопасности отлично знали, что переселение немцев с советских территорий использовано фашистами как прикрытие, или, как говорят разведчики, «крыша». На самом же деле видные чиновники немецкой империи, приехавшие переселять от нас своих соплеменников, торопились развернуть в преддверии войны на Западной Украине тайную агентурную сеть шпионажа.

Галан и его друзья знали: ушедшая в подполье и связанная с немецкой разведкой ОУН готовилась к «Дню Х».

На процессе гитлеровских главарей в Нюрнберге выступал свидетель Эрвин Штольце — заместитель начальника Второго отдела германской военной разведки и контрразведки Лахузена, являвшегося одновременно американским шпионом, Эрвин

Штольце показал: «Я получил приказание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием „А“, которая должна была заниматься подготовкой диверсионных актов и работой по разложению в советском тылу в связи с намечавшимся нападением на СССР».

В приказе, который получил Штольце, указывалось, что в целях нанесения молниеносного удара против Советского Союза Второй отдел, или, как он назывался, Абвер-два, при проведении подрывной работы против России должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза.

«Выполняя упомянутое указание Кейтеля и Йодля, — показал Штольце, — я связался с находившимися на службе германской разведки украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач. В частности, мною было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка „Консул первый“) и Бандере организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине…»

Перед нападением Гитлера на католическую Польшу, еще в 1938 году, Иван Гриньох был уже в составе ближайшего окружения Шептицкого. Галаи вначале удивился — почему это, выражаясь языком святоюрских аборигенов, Гриньоха «перенесли» из Галича во Львов и он поселился под боком у Шептицкого, на площади святого Юра. Галан знал, что Иван Гриньох был одной из самых влиятельных фигур среди приближенных митрополита Шептицкого. Когда в апреле 1941 года ОУН по поручению абвера приступила к созданию диверсионно-террористического батальона «Нахтигаль», националист Роман Шухевич через своих родственников, проживавших тогда во Львове, сообщил об этом «князю церкви» и попросил его откомандировать в батальон одного из самых надежных своих воспитанников. Митрополит Шептицкий понял, что батальон создается по договоренности руководителя ОУН Степана Бандеры с немецкой разведкой. Бандеру митрополит знал лично: ведь подчиненный ему священник Андрей Бандера, заведующий парафией в Тростянце, близ Старого Угринова, был отцом этого отпетого террориста. В такую «фирму» надо послать кого-либо побойчее и посмекалистее из приближенных ему священников. Взгляд «князя церкви» падает на молодого доктора богословия, референта консистории и заместителя профессора духовной академии Ивана Гриньоха.

Воистину работа Галана над памфлетами напоминала работу судебного следователя. Ему нужно было выявить все связи, все

нити, все причины и следствия сложнейшей закулисной борьбы ОУН и святоюрских отцов.

Небезопасной была борьба Галана. Гремели по ночам выстрелы. Оуновцы не сложили оружия.

Галан во львовской областной газете «Вильна Украина» 1 марта 1940 года печатает памфлет «Рыцари насилия и измены». В этом памфлете Галан срывает маски со «своих» и «чужих» националистов, рьяно сотрудничавших с полуфашистским правительством Пилсудского и обманывавших народ с трибуны Польского сейма.

Выводя перед читателем целую серию украинских буржуазных националистов, Галан не только поставил им социальный диагноз, но еще в 1940 году предугадал дальнейший путь их предательства, авантюр и торговли интересами украинского народа. Поименованные в памфлете Галана Василь Мудрый, Дмитро Левицкий, Степан Баран, Остап Луцкий, Степан Скрипник, таскавшие некогда на плечах с криками «многая лета» самодура-палача Славу-Складковского — премьер-министра панской Польши, накануне гитлеровского вторжения активно сотрудничали с абвером и охотно подписались под «воззванием объединения», составленным вожаком националистических бандитов Степаном Бандерой. Очень скоро жизнь показала, как отчетливо видел Галан противника: ворвавшись в годы оккупации на украинскую землю, они были верными прислужниками оккупантов и не гнушались выполнять их самые кровавые поручения.

«Люди без родины» — так назвал всех этих предателей Галан в памфлете, написанном под одноименным названием уже несколько позже, в декабре 1942 года, в Москве.

Годы скитаний и тюрьмы давали себя знать. Здоровье Галана ухудшалось, и по настоянию друзей он в 1941 году уезжает в Крым и отдыхает в Коктебеле.

Долго сидел он в домике Максимилиана Волошина, слушая рассказ о талантливом русском поэте. Там он узнал и его стихи. Особенно часто вспоминал он, глядя, как в голубой дымке вечера гаснет вершина Карадага, эти строки Волошина:

Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, —
Так вся душа моя в твоих заливах,

О Киммерии дивная страна,
Заключена и преображена…
Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива:
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в строфах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

Обрывающийся к морю хребет действительно был похож на профиль Волошина.

В то время в Коктебеле находился и писатель Степан Злобин. В своих неопубликованных и переданных авторам этой книги записках он рассказывает: «С Ярославом Галаном лично мне довелось встретиться и познакомиться летом 1941 года в Крыму, в Коктебеле, куда он приехал в числе четырех западноукраинских писателей.

Два важничавших надутых старика писателя в смешных, допотопных шляпах, угрюмые и неразговорчивые люди, удивили меня тем, что, даже и не пытаясь овладеть близким украинскому русским языком, они предпочитали общаться с нами при помощи чужого — французского. Галан объяснил мне, что это националисты, которым все русское и советское ненавистно.

Шовинизм и национализм, где бы и как бы он ни проявлялся, всегда возбуждал во мне омерзение. Общность взглядов именно в этом вопросе и сблизила меня с Я. Галаном, который в течение полутора месяцев нашего знакомства немало рассказывал мне о своей работе и жизни. Этот коренастый, широкоплечий, с честным взглядом печальных глаз, вдумчивый, очень прямой человек вызывал во мне горячую симпатию».

Да, и здесь, казалось бы в далеком Коктебеле, тот второй, подпольный, националистический Львов напоминал о себе.

Литератор Евгения Хин тоже была тогда в Коктебеле. Они встретились с Галаном в ясные дни начала июня 1941 года, полные солнца и тишины. Галан рассказывал Хин о своих путешествиях, о предместьях Вены, о том, как скрывался от польской дефензивы высоко в горах, о городах Италии, которую исходил вдоль и поперек с рюкзаком за плечами.

И так случилось, что именно Евгения Хин оказалась свидетельницей тех трагических минут, когда Галан узнал о начале войны.

«…Запомнилось мне лицо Ярослава в момент чтения первых

телеграмм о войне. Сразу исчезла мягкость, огрубели, обронзовели черты, рот сложился во властную горькую складку, глаза, запавшие, глядящие вдаль, уже не видят стоящих рядом, уже устремлены в будущее. Весь он собран как в комок, все тело его напружинилось. И он уже там, у границы. Вперед, сейчас же на фронт!..

Лихорадочно сбрасываются вещи в небольшой чемоданчик, на столе забыты рукописи, в шкафу — белье.

Мы бежим по дороге в деревню. Ярослав протягивает руки ко всем проходящим машинам.

— Ярослав Александрович, подождите, нас завтра всех эвакуируют. Мы уедем вместе все. В Москву…

— Завтра уже поздно… Я должен уехать сегодня, сейчас. Я должен быть во Львове. Я должен быть в армии сегодня…

Пылит машина, притормаживает. Чемоданчик летит в кузов. Ярослав уже вскарабкивается наверх. Удача смягчает его лицо. Он поднимает руку прощаясь. И, как в наплывающем кадре, я вижу его неподвижный взгляд, как будто уже в шлеме лицо, плечи в военной гимнастерке, штык за плечами…»

«Цель — фашизм»

Быть, а не казаться, — девиз, который должен носить в своем сердце каждый гражданин, любящий свою родину.

Н. Пирогов

Фронт в эфире

В первое утро нападения гитлеровской армии на СССР, 22 июня 1941 года, из облаков, нависших над Львовской цитаделью, вынырнули немецкие бомбардировщики. Наполняя воздух ревом моторов, они шли так низко, что ясно можно было разглядеть черные кресты на крыльях…

Увидел эти приметы фашистских самолетов и вышедший вместе с друзьями из столовой Степан Тудор.

Сверкнуло пламя взрыва. Под оглушительный грохот стена многоэтажного дома накрыла пробитые осколками окровавленные тела литераторов-революционеров — Степана Тудора, Александра Гаврилюка и их друзей — польских писателей Софью Харшевскую и Францишека Парецкого.

Так Галан потерял первых боевых друзей…

Ранним утром 30 июня 1941 года ударные части немецкого вермахта врываются на окраины Львова. Загудели, встречая их, колокола многих униатских церквей. Никто уже не спит и в митрополичьем капитуле: все черноризники готовятся встречать желанных гостей с «христианского Запада», которые идут на Восток очищать новые территории для себя и для религиозной экспансии униатской церкви.

Со стороны Яновской Рогатки во Львов врывается батальон Степана Бандеры, прозванный гитлеровцами очень сентиментально «Нахтигаль» («Соловей»).

«Соловьев» ведут по улицам Львова представитель немецкой военной разведки, отвечающий за их политическое воспитание, доктор Теодор Оберлендер, старший лейтенант Альфред Херцнер, отпетый террорист-националист Роман Щухевич и — кто бы мог подумать?! — доктор богословия Иван Гриньох.

Переодетый в мундир немецкого вермахта, капеллан Иван Гриньох бойко печатал шаг рядом с фашистами по мостовым Львова. На его плече желто-голубая ленточка, на кокарде герб националистов — трезуб, на петлицах — крестик, а у пояса, на пряжке которого выбиты слова: «Готт мит унс!» («С нами бог!»), висит в кобуре черный «вальтер», стреляющий теми же самыми патронами, что и немецкие автоматы.

Одна сотня «Нахтигаля» бросается на Замарстиновскую улицу и к Газовому заводу, но основные силы «соловьев», ведомые командирами и капелланом Гриньохом, проходят под аркой стиля барокко прямо к собору святого Юра.

Под той же аркой в начале века проезжал дорогой гость митрополита — австрийский генерал Фидлер, назвавший

Шептицкого «генералом армии Христовой», и спустя сорок лет в повторении его маршрута «Нахтигалем» есть своя традиционная преемственность и своеобразная символика.

Площадь перед капитулом, у собора святого Юра, уже заполнена монахами, монахинями-василианками, богомольцами. Они уступают место легионерам «Нахтигаля», и те выстраиваются, устремив свои взгляды на палату митрополита, куда ушли их командиры и прибывший во Львов главный представитель абвера — доктор теологии, профессор Кенигсбергского университета и капитан разведки Ганс Кох.

Шептицкий принимает всех вожаков «Нахтигаля», по-отечески целует своего любимого воспитанника Ивана Гриньоха; и его эксцеленции никак не мешает при этом болтающийся на поясе богослова тяжелый немецкий «вальтер».

После того как все уже обговорено конфиденциально и решено, что Ганс Кох для лучшей координации действий армии и церкви остается жить в палатах митрополита, гости и хозяин поднимают еще по одной рюмке зеленого шартреза, и привратник Арсений выкатывает тяжелое кресло, в котором восседает «князь церкви», на балкон капитула.

С этого невысокого балкона под выкрики «соловьев»: «Хай живе владыка!», «Хай живе украинский Моисей!» — митрополит Шептицкий благословляет легионеров и собравшихся, приветствуя в древнем граде Льва «доблестную гитлеровскую армию».

Гудит древний колокол «Дмитро»; падают ниц монахи; усердно крестятся завтрашние убийцы львовской профессуры — «соловьи»; их духовный наставник Иван Гриньох; и даже бывалый шпион Теодор Оберлендер осеняет свой мундир крестным знамением: один ведь «святой отец» у них, тот самый Пий XII, что молится на Латеранском холме за дарование победы гитлеровскому оружию.

Правда, торжественная церемония благословения «Нахтигаля» Шептицким несколько омрачается тем, что ровно в семь утра над соседней Свято-Юрской площадью появляются в небе два советских краснозвездных штурмовика и дают пулеметные очереди по расположившимся на площади гитлеровцам. С воплями и криками прячутся монахи и монахини в подземельях собора, прижимаются к стенам капитула легионеры из «Нахтигаля» и сам Теодор Оберлендер. Дюжий келейник укатывает в митрополичьи палаты кресло Шептицкого. Но никому из них еще не приходит в голову оценить появление советских самолетов как вестников неизбежного возмездия.

Возмездие придет позднее. А сейчас…

Националистические банды вышли из подполья.

Когда, выражаясь словами отцов-василиан, «дня 30-го июня 1941 года немецкая армия вошла в княжий город Львов», помогать ей с места в карьер стала организованная еще в подполье украинская полиция. На счету у националистических бандитов, навербованных в состав этой полиции из ОУН и прихожан греко-католических церквей, — многие тысячи истребленных и выданных немцам мирных жителей Львова. Один из первых патрулей полицейских по заданию своего командования получил наряд разыскать и арестовать писателя Степана Тудора (гитлеровцы еще не знали о его гибели). Полицаи, ворвавшиеся в квартиру писателя с «черным списком» в руках, были разочарованы: Тудора не было…

Галан представлял, что такое фашизм, и мог предположить издалека, что творилось в его родном городе. Но действительность оказалась страшнее самых мрачных предположений.

С болью слышит он по радио названия городов, в которых прошло его детство, где ему знаком каждый камень, каждый дом. Сейчас они корчатся в огне. Падают грудами битого кирпича костелы, дворцы и башни. Пламя лижет мертвые остовы, под которыми погребены сотни и сотни людей…

Вначале несколько успокаивающими были сводки из-под Перемышля. Еще утром 25 июня из радиорупоров, висевших на улицах и площадях, страна услышала голос Москвы о первой победе на Сане: «Стремительным контрударом наши войска вновь овладели Перемышлем».

Однако эта радостная весть омрачилась другими сообщениями: о попытках противника прорваться на Бродовском и Львовском направлениях.

Вечером 27 июня в очередной сводке Советского Информбюро защитники Перемышля снова услышали высокую оценку своей боевой работы: «На всем участке фронта от Перемышля и до Черного моря наши войска прочно удерживают госграницу…»

Но в том же сообщении Галан слышал вести, которые заставляли в мучительном беспокойстве сжиматься сердце: «На Луцком и Львовском направлениях день 27 июня прошел в упорных и напряженных боях. Противник на этих направлениях ввел в бой крупные танковые соединения в стремлении прорваться через наше расположение, но действиями наших войск все попытки противника прорваться были пресечены с большими для него потерями».

А для него, Галана, каждое название — как страничка

собственной жизни!..

На следующий день в боях под Луцком завязалось одно из крупнейших танковых сражений, в котором с обеих сторон приняло участие до двух тысяч танков…

Радость оказалась слишком короткой. Теперь каждая сводка Совинформбюро была для Галана как удар в самое сердце: «…На Белостокском и Брестском направлениях после ожесточенных боев противнику удалось потеснить наши части прикрытия и занять Ковно, Ломжу и Брест».

Если бы мог Галан увидеть тогда, как дралась застава Лопатина, как держался Брест, — может быть, легче стало бы на душе.

Окровавленная, горящая Львовщина!

Родная земля Галана взывала о мести, а он как проклятый сидит в Уфе, куда эвакуировали тогда важнейшие украинские издательства. Изо дня в день Галан ходит на почту и бомбардирует ЦК, Союз писателей самыми категорическими телеграммами: «Прошу немедленно отменить ваше решение и послать меня на фронт».

Москва молчит. Наверное, ей сейчас не до него. И он уже решается на самовольный побег из Уфы, когда 15 сентября на почте ему вручают телеграмму за подписью Александра Фадеева:

«Прибыть в Москву для работы в польском журнале „Новые горизонты“».

«Опять не то! Опять не фронт! Но это все же лучше, чем Уфа…»

«Наверное, именно в таких обстоятельствах становятся пессимистами», — грустно заметит он через три недели, когда, не дав толком освоиться в «Новых горизонтах», его пошлют в командировку в Казань.

«Сегодня минуло 4 месяца войны, 4 месяца минуло с моего последнего счастливого дня… — записывает он 22 октября 1941 года в записной книжке. — Передо мной далекий, неизвестный путь, но я твердо верю в день нашей победы».

Вскоре в той же записной книжке появляется другая запись:

«*29 октября 1941 года. Казань*. Я подал заявление в армию. Правда, здоровья я уже такого не имею, нога болит гораздо сильнее, но что за жизнь будет у меня после победы, если я буду пользоваться плодами крови и мук других. Если же приведется погибнуть, не исчезнет память обо мне, и в шуме Стрыйского парка будут шуметь и мои недопетые песни».

В приемной Союза писателей его встречают уже подозрительно:

— Опять принес заявление?.. Опять просишься на фронт?.. Не

мешай работать… Для тебя готовят другое…

— Что? — Галан сжался, как пружина. — Скажите только главное — с фронтом это связано?

— Связано, связано, — отшутился секретарь.

Но работа оказалась несколько иным фронтом, чем предполагал Галан: в 1942 году его посылают радиокомментатором на радиостанцию имени Тараса Шевченко.

— Скажите хоть, где сие почтенное учреждение находится? — уныло спросил Ярослав Галан.

— В Саратове. И быть вам на месте нужно не позднее чем через два дня… Так что собирайтесь.

Саратов находился далеко от фронта. Но он был, по существу, фронтовым городом. И ночью и днем работали заводы. Работали на фронт, и, как писала саратовская газета «Коммунист», «продукция многих наших заводов и фабрик непосредственно из цехов направляется на поля сражений».

«Саратовская область, — рапортовали коммунисты города, — стала одной из основных баз материально-технического снабжения и важнейшим пунктом формирования боевых подразделений для Сталинградского фронта».

Адрес радиостанции, которой тщетно интересовалась гитлеровская разведка, был — Провиантская улица, дом 21.

Радио требовало быстрого, оперативного отклика на каждое выступление радиолжецов Геббельса. Галан нередко выступал с ответными передачами через час, через два после гитлеровских.

Саратовский журналист И. Москвичев разыскал в городе людей, которые знали и помнят Галана. Первая встреча была с З.П. Юрченко.

«Я и члены моей семьи, — говорит Юрченко, — жили несколько месяцев под одной крышей с Галаном в домике № 3 по улице Чапаева. Он был занят день и ночь на радио, и потому мы очень редко могли находиться вместе. Но если у Галана оказывалась минута свободной, он становился прекрасным собеседником. От кажущейся его замкнутости не оставалось и следа».

Хорошо знали Ярослава работавшая в те дни в радиокомитете Галина Углецкая и Валентина Цеделер-Ашукина. Очень привязан был Галан к детям Валентины Эмильевны — Игорю и Эмилю. И уже покинув Саратов, он в письмах справлялся о здоровье ребят. Прислав им в подарок сборник статей «Комсомол в боях за Родину», Галан сопроводил его такой припиской: «Сборник не совсем подходит к возрасту мальчиков, но пусть они будут похожи на тех комсомольцев, о которых написана книга».

Как складывался день Галана? Как он работал?

Свои комментарии он читал сам — обычно это делали артисты и дикторы. Выходил в эфир Ярослав Александрович между восемнадцатью и двадцатью часами. Но это был уже конечный результат дневного труда, когда радиокомментаторы слушали в своем закрытом кабинете гитлеровцев и другие зарубежные станции. Галан работал на тематике международных отношений.

Особенностью радиопублицистики Галана была ее документальность. Писатель использовал самый разнообразный фактический материал: приказы немецкого командования, протоколы допросов, выступления берлинского радио, письма и дневники пленных немцев. Разносторонняя эрудиция писателя, упорство, с которым он работал над передачами, горячая вера в победу даже в самые тяжелые для нашей Родины дни делали его передачи необычайно яркими, доходчивыми, убедительными. Поединок в эфире всегда кончался его победой.

Выступления Галана по радио имели громадный успех не только у жителей оккупированных областей, но и у воинов Советской Армии. Одним из свидетелей этого напряженного поединка в эфире оказался писатель Макс Поляновский. Он вспоминает:

«Наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда, северо-восточнее Туапсе и в районе Нальчика» — так начинались в те дни малоутешительные сообщения о положении на фронтах.

Однажды днем радист газеты включил для проверки приемник, и оттуда вырвался четкий, немного насмешливый голос. То, о чем он говорил, сразу привлекло внимание всех. Наборщики застыли со своими верстатками в руках, печатник прервал резку бумаги, сел на рулон и слушал. Литсотрудник, секретарь, корректор последовали его примеру.

А слова незнакомца были так убедительны, так остроумны и гневны, настолько необычен и легок был переход от пафоса к уничтожающей иронии, что слушатели, казалось, застывшие как персонажи из «Сказки о мертвой царевне», то и дело отпускали реплики.

— Ну и режет! Язык что бритва хорошая…

— Не язык, а жало для фашистов…

Внезапно выхваченная из эфира радиопередача развеяла у многих осадок, вызванный недавно прослушанной сводкой Совинформбюро о положении на фронтах. Галан закончил «свое выступление удивительно меткой и остроумной фразой, вызвавшей общий смех и одобрение. Потом в динамике раздался короткий шорох, и другой голос произнес:

— На этом радиостанция имени Тараса Шевченко свою

работу на сегодня заканчивает. У микрофона выступал наш радиокомментатор писатель Ярослав Галан».

Так знакомились с ним бойцы переднего края накануне решающих боев за Сталинград.

«После этого мы на протяжении двух или трех недель, проведенных и Ртищеве, не пропустили ни одного радиовыступления Ярослава Галана, — рассказывает Поляновский. — Его слушали не только работники фронтовой газеты. Все, кто находился к этому времени в казармах, стекались в комнату редакции. Опоздавшие стоя ли у растворенных настежь дверей. И хотя мы невероятно экономили батареи, питавшие редакционный радио приемник, тем не менее для всех выступлений Галана была открыта зеленая улица».

Тысячами взрывов, трассирующими пулями, всплесками ракет расцвечено небо над городом. Необъятная, воистину русская даль открывается с Мамаева кургана. Некогда тихая, задумчивая по утрам, тронутая дымкой заводов. Сейчас огненный шар солнца тускло катится по горизонту, едва просвечивая через дым. Вздыбленная, Я распятая войной земля. Всполохи пожарищ бросают на нее кровавые отблески; а когда вступит в свои права ночь, повиснут над поднятыми в зенит раскаленными остовами зданий осветительные ракеты и десятками огоньков означатся могилы горящих станков.

А утром снова проглянут дали, и стиснувшая зубы страна недосчитается еще нескольких своих бойцов. И десятки незваных пришельцев уже не увидят рассвета. И снова заревут моторы танков, вздыбится разрывами земля, прорежут небо горящие самолеты, тысячи солдат фюрера начнут свой бесплодный штурм.

А потом придет победа. Она рождалась здесь, на командном пункте генерала В. Чуйкова, в ставшем легендою Доме Павлова, в окопах Мамаева кургана, и гитлеровский рейх будет справлять невиданный в истории позорный траур.

Он ждал этого часа, потому такой взволнованной и ликующей получилась одна из лучших его статей — «Сталинград». Она была написана Галаном сразу после победы советских войск под Сталинградом.

Обращаясь к своим землякам, трудящимся оккупированной, но не сдавшейся Украины, Галан как бы размышлял вместе с ними о судьбе Родины и путях к победе: «Мы знаем, с каким волнением, с какой сердечной тревогой смотрели на Сталинград наш народ и народы закабаленной Европы… Слово „Сталинград“ с одинаковой любовью произносили в Белграде, Париже и Монтевидео. Сегодня это гордое слово стало синонимом победы над варварами XX столетия.

Бойцы, которые отстаивали и отстояли Сталинград, не почивают на лаврах. Вчера они заставили немецкого фельдмаршала покорно поднять руки, сегодня они идут боевыми дорогами на запад, неся волю Украине. В морозные дни и ночи, в метель, среди заснеженных степей они штурмуют одну вражескую позицию за второй, они взламывают одну линию гитлеровских укреплений за другой. Перед ними украинская земля, истоптанная, изувеченная врагом… земля, сыновья которой в самые черные для нашей Отчизны дни показали себя достойными наследниками великих предков…»

1943 год застает Галана в Москве.

Слишком много было позади потерь и могил, и душа ожесточилась страшными видениями грозной и бесконечной войны. И неистребимая боль — как гарь на выжженном поле. Он думал, что уже все выгорело в его сердце, не способном, казалось, ни к радости, ни к любви, ни к обыкновенной человеческой потребности отчуждения от неимоверного напряжения, которое, собственно, без перерывов и «окон» составило всю его, Галана, судьбу.

Но так устроен человек, что почти инстинктивно, часто не сознавая этого сам, он стремится вырваться из кажущегося неразрывным круга одиночества и ненависти, сжигающей его душу. И хотя Галан знал, что такое нравственное состояние сейчас, в исковерканные и опаленные войной годы, пожалуй, у всех, он все же шел к друзьям — в Центральный Дом литераторов на улице Воровского.

Привыкший всегда быть среди людей, он терялся, не находил себе места в одиночестве, а здесь можно было и отвести душу, и узнать последние новости, да в конце концов и выпить с чудом вернувшимися с фронта ребятами положенные сто фронтовых граммов.

В тот день он зашел в ЦДЛ почти перед его закрытием, выпил стакан чаю в буфете и решил уже было отправиться к себе в гостиницу, когда увидел в гардеробной одевавшуюся молодую женщину с мягкими чертами лица, усталыми и, как показалось ему, бесконечно добрыми глазами.

— Кто она? — спросил он у приятеля-литератора.

— Кроткова Мария Александровна. Молодой художник. Сейчас работает у нас. Разве вы не знакомы? — удивился приятель. — У нас ее здесь все знают. Прекрасной души человек… Хочешь, познакомлю?

— Нет, нет! — Галан испугался. — Что ты? И с чего вдруг так запросто?.. Она может бог знает что обо мне подумать…

— Ну, как знаешь. — Приятель пожал плечами и отошел к

игравшим за маленьким столиком в шахматы.

Галан все же решился, подошел к Марии Александровне.

Сама она в письме к А. Елкину рассказывала об этой встрече так:

«На вид это был молчаливый и, казалось, даже суровый человек в военной форме. Впрочем, при первом же разговоре с ним эта суровость как-то рассеивалась и уступала место впечатлению, что это человек не только большой воли и ума, но и большого сердца.

Провожая меня домой из клуба писателей, Ярослав Александрович с неподдельной искренностью и теплотой рассказывал мне о Львове, о своих товарищах…»

О том, какой это волшебный город — Львов, о Степане Тудоре и Гаврилюке, которых уже нет, о «Викнах» и «Бригидках», о подполье и друзьях, о которых он сейчас ничего не знает… И вдруг, словно опасаясь, что она может подумать о нем что-нибудь плохое, добавил:

— Если бы я был волен распоряжаться собой, немедленно поехал бы на фронт. Но вот… не пускают…

— Я не знала многого, о чем вы рассказали, — задумчиво произнесла Кроткова. — Подполье, расстрелы, тюрьмы… Для нас это — как учебник истории. Как бесконечно далекое прошлое. А для вас такое, оказывается, было самой реальной жизнью. И не когда-нибудь — еще совсем недавно… А насчет фронта — это вы зря. Раз вас не отпускают — значит вы нужны здесь.

Потом они встретились и второй раз. И третий. И четвертый…

Как-то Галан достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо пожелтевший уже листок.

— Прочитайте.

— Что это?

— Прочтите… Мне хочется, чтобы вы прочли.

Мария Александровна подошла к синему фонарю, там было светлее, и, приблизив листок к глазам, стала разбирать строки.

Ее новый знакомый разоблачал гитлеровскую «свободную земельную реформу», после которой у украинских крестьян была отобрана земля и передана помещикам, немецким магнатам и колонистам.

На обороте листка развивался другой сюжет: гитлеровское радио бахвалилось тем, что в оккупированном Львове немецкие власти открыли для населения ремесленную школу. Галан с иронией замечал, что фашисты не забыли упомянуть и о «другом новом достижении» западноевропейской культуры: «Во Львове был открыт кафешантан. Он явился достойным олицетворением

фашистской культуры». «В советском Львове, — подчеркивал писатель, — было свыше ста школ».

— Это ваших рук дело? — улыбнулась Мария Александровна, возвращая Галану листок.

— Моих.

— А куда это идет?

— В виде листовок, на самолетах — за линию фронта. А кроме того — в эфир.

— Вот видите — значит, и вы сражаетесь!

— Что могу, делаю. Но все же я предпочел бы быть на фронте…

Судьба словно испытывала их счастье, встречи были недолгими и короткими, и только после Победы он смог назвать ее своей женой.

— В загсе, — пошутил он, — кажется, полагается для «испытания чувств» два месяца. Мы явно затянули этот срок…

В этот тихий московский вечер не предполагала Мария Александровна, что эта встреча — начало пути, на котором будут и счастье, и разлуки, и бессонные ночи, и те страшные минуты, когда она узнает о предательском ударе, поставившем кровавую точку в конце этой дороги…

Хотя, собственно, концом такое не назовешь; придет вторая жизнь Галана — бессмертие. И в этой жизни на трудную долю ее останутся не только светлые и горькие воспоминания. Останется огромная работа по завершению всего, что он не успел собрать, издать, докончить, Довести до типографского станка.

Улицы Москвы почти каждый день сотрясались ревом сирен. «Воздушная тревога!.. Воздушная тревога!..» — металлическим голосом вещали мощные динамики.

Галан по тревоге не шел в убежище. Он не был фаталистом — у него просто не хватало времени.

Жил он в гостинице «Якорь». Маленький номер едва вмещал кровать и крохотный столик, за которым он писал по утрам. Днем Галана обычно видели в залах Ленинской библиотеки. Да и где еще можно иметь под рукой столько изумительных и разных источников! К тому же многие из советских книг он читает здесь впервые. Как ни говори, а в панский Львов ох как многое не попадало! Теперь приходилось наверстывать упущенное.

Многие радиокомментарии Галана не дошли до нас: в 1944 году во время налета фашистской авиации на Дарницу сгорел вагон, в котором вместе с другими архивами радиостанции имени Т. Шевченко были и копии выступлений Галана. Но многое все же сохранилось.

К. М. Млинченко в Центральном историческом архиве

Украины обнаружил еще около двадцати радиовыступлений писателя. Поиск этот ведут сейчас многие исследователи.

26 октября 1943 года в типографии издательства «Московский большевик» начала печататься книга Галана «Фронт в эфире». Она вышла в том же 1943 году тиражом в пятнадцать тысяч экземпляров. В нее вошли пятнадцать радиопамфлетов, написанных с марта по декабрь 1942 года, и статья «Сталинград», переданная по радио в феврале 1943 года.

Выступая перед микрофоном, Галан вел борьбу с лжецами гитлеровской радиостанции «Радио Вейксель». Сборищем разношерстных лжецов из «зверинца Геббельса», «пиратами эфира» называл их писатель. «Радио Вейксель» обращалось с передачами к населению оккупированных советских районов, сеяло неверие в победу Советской Армии. С сарказмом говорил Галан, что гитлеровское радио, передавая информации с фронта, «„убивает“ на среднем секторе Восточного фронта в немецкой передаче пятьсот красноармейцев, в русской — тысячу, а в позднейшей, украинской, — более тысячи пятисот».

Выступления Галана наносили удар гитлеровской радиопропаганде.

Гневные слова писателя летели на захваченную, но не покоренную врагом землю, поднимая на борьбу новые отряды народных мстителей. У тайных радиоприемников их слушали члены львовской Народной гвардии имени Ивана Франко; перепечатанные в партизанских типографиях, они доходили в котомке гуцульского крестьянина до верховьев Карпат.

«Товарищ, не промахнись!» — призывал писатель. И когда московское радио передавало, что, скошенный партизанской пулей, падает гестаповец на центральной улице Львова, летят под откос немецкие поезда под Ровно, по всей Украине бушует пламя великого народного гнева, Галан знал, что в этом пламени есть искры и его «горячего, беспокойного сердца».

«Сказывают, на вас частенько фашисты сбрасывают бомбочки. Я продолжительное время испытывал нечто подобное в Купянске… Но есть все основания полагать, что этого уже ненадолго у них хватит», — писал Галан одному из своих друзей.

Но как он оказался в Купянске?

Мария Александровна узнала об его отъезде в этот город одной из первых.

— Можешь меня поздравить! — сказал Галан.

— С чем?

— Во-первых, награжден медалью «Партизану Отечественной войны»…

— А во-вторых?

— Во-вторых, я еду к фронту.

Сердце Марии екнуло.

— Куда?

— На прифронтовую радиостанцию «Днепр», в Купянск. Наконец-то добился. Ты рада за меня?

— Рада… Только ведь там…

— Не стреляют… Изредка швыряют бомбочки. Но я, ты знаешь, заколдованный.

— Писать будешь часто?

— Каждый день.

— Врешь, конечно?

— Ей-богу! Клянусь!..

Писать «каждый день» ему, конечно же, не пришлось.

Работать в Купянске приходилось под постоянными бомбежками и обстрелом с воздуха. «Гитлеровцы создают нам музыкальный фон», — шутили на радиостанции.

В сентябре 1943-го едет в Харьков. На этот раз от радиостанции «Днепр».

«Работа моя славная, хорошая, — пишет он будущей жене из Купянска 15 сентября 1943 года, — и я делаю ее как могу лучше, со всем пылом моего неспокойного сердца… Я очень горд, и я люблю эту бурю не ради самой бури, а за то, что она дала мне возможность поверить в себя, за то, что она преисполнила меня той страстью, которая позволит мне… творить дела, которые, быть может, не сойдут со мной в могилу…»

Это не так уж часто встречается, чтобы и в личных письмах, и в книгах человек был совершенно одинаков.

27 июля 1944 года высыпавшие на улицы жители Львова встречали первые советские танки. Отдельные разведчики-танкисты прорывались в город и раньше, начиная с 23-го, но гул танковых армад жители города услышали в тот день, когда Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами в честь взятия Львова.

Когда увешанные гирляндами и засыпанные цветами танки-тридцатьчетверки, гулко грохоча, проносились по Академической к плацу Болеслава Пруса и дальше, к Стрыйскому шоссе, устремляясь к Карпатам, в комнату Галана ворвались друзья:

— Львов взят! Ура!..

А он стоял побледневший, и было заметно, что в глазах у него слезы…

А во Львове гусеницы танков похрустывали на битом оконном стекле, засыпавшем улицы, задевали пересеченные осколками трамвайные провода. Машины шли мимо полуобгорелой виллы «Францувка», где некогда орудовал под

«крышей» советника по делам переселения опытный немецкий разведчик полковник Альфред Бизанц, мимо ратуши, мимо праха и страха отошедшего дня.

Танки рвались на запад…

День поминовения мертвых — «задушки» — во Львове в послевоенную осень 1944 года был особым. Колеблемые ветром огоньки свечей и свечек можно было видеть вечером не только на кладбищах, но и по всему городу в тех местах, где гитлеровцы пролили человеческую кровь.

Они были приклеены к брандмауэру высокого серого дома на Краковской площади. Под этой высокой и глухой стеной гитлеровцы расстреливали обреченных патриотов. В ту осень еще ясно различались в штукатурке следы немецких пуль и бурые пятна крови.

Свечи горели на заборе Армянской улицы, изрешеченной немецкими пулями: у этого забора гитлеровцы совсем недавно убили среди бела дня двадцать восемь захваченных ими во время облавы молодых ребят. Пылающие свечи были воткнуты в холодную, сырую землю под тремя каштанами у пожарного депо на Стрелецкой площади. Это место было избрано гитлеровцами для публичных массовых экзекуций.

В глубоких песчаных оврагах за Лычаковом, в сырой и все еще пропитанной кровью Долине смерти за Яновским лагерем, на опушке пригородного Белогорского леса — повсюду в этот холодный осенний вечер пылали воткнутые в землю свечечки…

Их желтоватые огоньки заставляли сердце сжиматься от боли и гнева. Огни свечей как бы обозначали географию преступлений гитлеровцев на украинской земле, ярким пунктиром отмечая гибель, гибель, гибель…

«Глаза смятенной Европы»

Шенбрунн… Тот самый Шенбрунн, который видели мы в «Большом вальсе» Жана Дювивье. Австрийский император выводит за руку престарелого Иоганна Штрауса на балкон своей летней резиденции. Ликующая и поющая внизу толпа легкомысленных венцев приветствует любимого композитора…

Как далек этот идиллический «хэппи-энд» популярнейшей американской ленты от того, что видел сейчас Галан в грустной послевоенной Вене!..

На дороге, ведущей в Шенбрунн, против технического музея стоят, раскорячившись на широко раздвинутых лафетах, две немецкие зенитные пушки. Они пятнистые, желто-зеленые от грязного камуфляжа, как и все немецкое. Их стволы задраны под прямым углом в жаркое и колеблемое от зноя июльское небо. Два малыша карабкаются наверх по станине пушки, силясь перелезть с нее на растущий рядом каштан. Отличный сюжет для художника, который вздумал бы запечатлеть на своем холсте штрихи жизни послевоенной австрийской столицы. Но мрачные, черные кольца на одном из пушечных стволов отрывают Галана от идиллических мыслей.

Их восемь — по числу сбитых батареей самолетов. Эта разбитая пушка, отдыхающая сейчас на улице, идущей к Шенбрунну, сбивала английские «либерейторы» и американские «летающие крепости» во время их налетов на Вену.

Левая сторона фасада летней императорской резиденции в Шенбрунне повреждена бомбой. Взрывом вырван кусок верхнего этажа; желтый дворец стоит как бы ослепший: многие его окна забиты фанерой. В дворцовом парке удивительно ровно подстрижены деревья. Зелень обрамляет аллеи стеной. Холеные фрау возят в белых колясочках малышей. Другие австриячки вяжут, сидя на тех самых скамейках, на которых, быть может, сидели еще их бабушки и дедушки в эпоху рождения вальсов Штрауса. Однако серость на лицах мужчин и женщин и какая-то удивительная усталость в их глазах неотвязно напоминают Галану о времени, которое они пережили при немцах.

Скамеечка у ворот зоологического сада. Галан поджидает отставших летчиков, с которыми вместе приехал сегодня в Шенбрунн. К нему подсела опрятно одетая женщина лет пятидесяти. Говорит по-чешски. Сообщает, что на днях собирается на родину — в Прагу. В руках у нее появляется изящная серебряная пудреница. Не пожелали бы господа русские офицеры купить на память о Вене? Ведь, наверное, у каждого есть любимая

девушка или жена в России? Сколько стоит? Женщина мнется. Хотела бы получить банку мясных консервов и буханку хлеба… Галан чувствует себя неловко. Как изменился один нз городов его молодости! Кто же едет осматривать Шенбрунн, запасаясь мясными консервами и караваями хлеба? Он предлагает шиллинги. «Нет, шиллинги мне не нужны. За них ведь почти ничего не купишь», — извиняется женщина.

У Галана оказываются бутерброды, взятые в столовой. Женщина благодарит и, не успевает Галан отойти, поспешно начинает жевать их. Она не нищенка. Нет, таких, к сожалению, в Вене много. То и дело к ним подходят почтенные австрийцы в старомодных сюртуках, снимают канотье, котелки, просят папиросу. Другие собирают на глазах у всех окурки. А ведь, говорят, Вена до Гитлера была одним из самых дешевых городов Европы!

Кто-то из летчиков, все еще находившихся под впечатлением «Большого вальса», пробует разговориться с жителями Вены об этой картине. Мигом собирается толпа. Старики, юноши, девушки пытаются узнать, о чем идет речь. Все старания не приводят ни к чему. Луиза Рейнер, Жан Дювивье, Милица Корьюс — все это пустые звуки для венцев. Неожиданно в общий разговор врывается понятная для многих здесь польская речь. Говорит по-польски скромно одетая, среднего роста, загорелая девушка с высокой прической. Она становится переводчиком. И тут Галан узнает, что «Большого вальса» Вена, которой, собственно, в значительной степени посвящена эта кинолента, еще не видела.

Сохранилось командировочное удостоверение.

«Коммунистическая партия большевиков Украины.

Львовский областной комитет № 1305/010 26/V 1945 г.

Генерал-полковнику тов. Москаленко К. С.

Танки Вашего Уральского корпуса не только первыми ворвались во Львов в июле прошлого года, но и сохранили тем самым, благодаря отваге Ваших войск, для всей страны наш прекрасный старинный город Львов.

Мы помним об этом и будем помнить всегда, но хотим знать подробности боев за Львов более детально и такими сохранить их для будущих поколений.

Вот почему в преддверии торжественного празднования освобождения Львова и области от немецко-фашистских захватчиков к Вам направляется по согласованию с ЦК КП(б)У группа литераторов и

журналистов в составе тт. Галана, Беляева, Мажуло и Конвиссара.

Им поручено собрать, записать и литературно, художественно оформить для опубликования в книгах и периодической печати рассказы о славных героях-танкистах Уральского корпуса, которые освобождали Львов.

Прошу дать возможность указанным товарищам выполнить эту работу и оказать им содействие Вашим личным участием в этом деле.

Секретарь Львовского обкома КП(б)У И. С. Грушевский».

Это удостоверение было выдано вскоре после прекрасного майского дня, когда по Львову разнеслась весть о полной капитуляции гитлеровской Германии и такой желанной Победе.

…Радостные, сияющие лица повсюду: и на взгорьях Высокого замка, и в уличной толчее на Академической аллее с ее несравненными тополями. Люди обнимаются, поздравляют друг друга, целуются, все — военные и штатские. Но кое-где встречается хмурое, настороженное лицо, и глаза такого типа увиливают от прямого взгляда. Можно заранее сказать — это сообщник или единомышленник тех бандитов, что, зарывшись в лесах в бункерах, отрытых для них немцами, некогда сотрудничали с ними, потом надеялись, что все переменится, что во Львов вернутся немцы и они, «рыцари Степана Бандеры», выйдя из лесов, из своих бандитских логовищ, займут теплые местечки в протекторате, заменившем их хваленую «самостийну Украину».

Вечерний салют в честь Победы обрывает, начисто зачеркивает и эти надежды вражеских пособников. Теперь дело только во времени, чтобы фашистская «пятая колонна» с ее подпольем была окончательно стерта с лица украинской земли. Зарницы этого самого желанного из всех салютов Великой Отечественной войны то вспыхивают над древним городом и над его седыми холмами, то гаснут на секунду, чтобы снова загрохотали орудия и подожгли весеннее, такое радостное небо над Львовом. Во время этого победного салюта стреляют не только орудия, расположенные вокруг Высокого замка, там, где некогда было княжье городище основателя Львова, сына Данилы Галицкого князя Льва. Стреляют все люди, у кого есть оружие.

Озорство охватывает в этот вечер всех. Писатели сидят за праздничным столом у прокурора Львовской области, старого коммуниста, генерала юстиции Ивана Павловича Корнетова

вместе с комендантом города подполковником Милевским — стройным, подтянутым офицером. Заслышав первый залп салюта, все выбегают на балкон и, охваченные общим волнением, сознанием величия совершившегося, тоже начинают палить из пистолетов и автоматов в то розовеющее, то багровое небо: областной прокурор, комендант города, и военный корреспондент Всесоюзного радио, и другие гости.

Никогда не забыть Галану ту шальную ночь, когда неудержимое веселье выплеснуло всех на улицы города и они до утра шумели, смеялись — отмечали величайшее событие в истории человечества, ради которого стоило перенести все: муки, кровь, холод, пот, грязь страшной войны…

Вечером 29 мая писатели уже стояли у пограничной заставы в Мостиске. Здесь находился экипаж двух грузовиков, едущих в Бреслау за получением трамвайного провода и другого оборудования, полагающегося по репарациям для восстановления львовского трамвая. Большинство из отправляющихся туда — рабочие Львовского трамвайного треста, но в списки их экспедиции по указанию Львовского областного комитета партии и его секретаря — генерал-майора И. Грушецкого — было включено и несколько представителей пишущей братии. В том числе и Галан.

Сержант-пограничник делает беглую перекличку, прячет копию списка в карман и кивает, давая понять, что граница открыта. Урчат грузовики, и через каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут уже проносятся мимо улицы Перемышля, его оборонные форты еще австрийских времен.

Ярослав Галан — коренастый, приземистый — в не очень аккуратно заправленной новой, топорщащейся гимнастерке (за такую заправку строгий старшина сразу дает наряд!). Ветер развевает его светлые волосы; он пристально разглядывает каждый дом, каждую улочку. Все видят — он очень волнуется. Еще бы!.. Ведь именно на улицах Перемышля начиналась его молодость, и надо было свершиться великой Победе советского народа, чтобы он смог снова вернуться сюда, но уже не как преследуемый полицией враг буржуазного общества, а как полноправный гражданин страны, сломившей хребет Гитлеру.

Заночевали они в Ярославе, беседовали в маленьком кафе с польскими партизанами из Армии Людовой, которые сражались вместе с советскими партизанами, нашли участника боев в республиканской Испании из батальона Домбровского; а на следующий день обе машины задерживаются в Кракове, у Сукениц, возле памятника Адаму Мицкевичу. Писатели идут разыскивать доброго знакомого — польского писателя Ежи

Путрамента. Ежи Путрамент тогда редактировал газету «Курьер Польски».

Он радушно встречает гостей в своем редакторском кабинете, обнимает их. Путрамент в форме майора польской армии, рука у него на черной перевязи. «Что такое?» — «А, пустяк, прострелил в кафе пьяный хулиган! Это чепуха, мелочи. Самое главное — мы уже в своей стране».

Дыхание Победы чувствует Галан и на улицах Златой Праги, которая хранит еще следы баррикад и недавних боев с гитлеровцами. Повсюду писателей останавливают сияющие чехи, девушки в национальных костюмах, которые не разрешалось им носить в дни оккупации, юноши, одетые в тропические костюмы, заготовленные здесь для армии Роммеля. Они пожимают Галану руку, говорят «спасибо», зовут к себе в гости, хотя город живет еще бедно — все выдается по «указкам», некоему подобию наших продовольственных карточек, даже знаменитые чешские шпикачки, что жарятся на раскаленных жаровнях на перекрестках улиц.

Галан хорошо знал Прагу. Не случайно сюда бежал от преследований польской полиции один из соратников Галана по журналу «Викна», поэт и композитор, автор поэмы «Пролом» Степан Масляк. Он провел в Праге лучшие годы своей жизни и, вернувшись во Львов в 1945 году, отблагодарил братскую славянскую страну тем, что перевел на украинский язык либретто «Проданной невесты», дал отличный перевод «Далибора» и других либретто чешских опер, которые и поныне идут на украинской сцене, а потом сделал перевод на украинский язык гениального творения чешской прозы — «Похождения бравого солдата Швейка».

Здесь жил и сражался Юлиус Фучик — соратник викновцев.

Галан поднимается на Градчаны, к собору святого Витта, и, осмотрев этот величественный, грандиозный храм, никак не уступающий собору Парижской богоматери в Париже, спускается в знаменитую уличку Алхимиков.

Беседу с писателями в предместье Кладно командование поручило провести Василию Андрееву — заместителю командира 6-го механизированного корпуса танковой армии генерала Ледюшевко.

Засиделись далеко за полночь.

С веранды второго этажа дома хорошо был виден город, его огни, шахты. Выпит чай, а беседам нет конца… Галана интересует все: как действовали в боях те части, которые освобождали украинскую землю, где они сейчас, чей танк первым ворвался в Прагу 9 мая 1945 года, каково здоровье генерала Дмитрия

Лелюшенко и удастся ли увидеть его, не встречались ли наши части с украинскими, русскими, чехословацкими партизанами, каково отношение служителей церкви к нашим бойцам.

Рассвет, а спать он так и не ложился. Принял душ. Вместе с Андреевым пошли осматривать город.

Кладно — город шахтеров, здесь самый революционный чешский пролетариат. Здесь вырос в стойкого революционера будущий президент Чехословацкой Республики Антонин Запотоцкий. Тихо и чисто было здесь в это июньское утро. Висели плакаты: «Ать жие Руда Армада», «Ать жие Советски Сваз!»

Андреев советует в полдень побывать в Праге.

У Андреева в Праге образовался круг знакомых, преимущественно из трудовой интеллигенции; с ними он и хотел познакомить своих новых друзей.

Но прежде всего он повез их в западную часть столицы, чтобы показать последнее гнездо власовцев. Здесь в ночь с 8 на 9 мая советские вооруженные части дали последний бой им, большинство их уничтожили, а те, что остались в живых, подняли руки вверх. Власов несколькими днями ранее был взят в плен. На калитке одного из домов сохранилась еще надпись мелом: «Штаб первой роты. Командир роты — штабс-капитан Митин».

Галан завязывает оживленную беседу с подошедшими чешскими товарищами. Он куда-то исчезает, заходит в дома, возвращается обратно и все время делает пометки в блокноте.

Из ворот одного дома вдруг выходит человек с бегающими, хитрыми глазами и идет в сторону советских товарищей, неся в руках сверток. Первым протягивает руку подошедшему Галан. Он берет сверток, разворачивает, и… с грязной газетной бумаги на него смотрит Степан Бандера! Галан комкает лист, бросает под колесо машины и в ярости кричит:

— Дави!

Человек куда-то исчезает.

— Сволочь! — произносит Галан в сторону и садится на заднее сиденье. Глаза его злы, кулаки сжаты. — С ними еще придется драться. И сюда залезли…

Чехословацкие товарищи: инженеры, врачи, журналисты, бывшие воины армии Людвига Свободы встретили Галана с распростертыми объятиями. Настроение его резко изменилось. Гнетущее состояние от встречи с недобитым бандеровцем исчезло. Завязалась беседа. Появилась бутылочка коньяка и традиционные чешские рюмки-наперстки. И пошли поздравления:

— Наз-дар!

— Наз-дар бра-а-а-ти-ку-у!..

В последующие шесть дней Галан и его спутник днем, как

правило, работали над изучением боевых исторических документов, предоставленных Андреевым в их распоряжение, а вечером уезжали из Кладно в Прагу к своим новым друзьям, расспрашивали о боевых действиях русских, украинских, чешских партизан, о злодеяниях украинских националистов и власовцев.

Галан очень интересовался действиями служителей церкви в годы оккупации Чехословакии. Галан радовался, когда ему удавалось установить какой-нибудь неизвестный ранее факт или адрес какого-нибудь матерого гитлеровского преступника.

— Пригодится, — бормотал Галан. — Им еще нужно за все, что они натворили, ответить…

Подошло воскресенье. Накануне генерал Свобода прислал полковнику Андрееву приглашение принять участие в траурном митинге в честь погибших в селе Лидице. Галан, Андреев и их спутники выехали туда рано.

Начиналось прекрасное утро. До основной магистрали ехали медленно. Галан все время смотрел по сторонам, был весел, разговорчив. Он говорил, что сейчас как-то не верится, что все это вокруг еще недавно топталось кованым немецким сапогом…

Вскоре подъезжали к ровному полю с небольшой возвышенностью справа и кустарником.

На поле — множество людей. Был выстроен почетный караул из воинов Советской Армии. Из первой машины вышел тогдашний президент Чехословакии Эдуард Бенеш и медленно прошествовал навстречу начальнику почетного караула. Выслушав рапорт офицера, президент, держа шляпу в руке, вышел на середину строя и поздоровался на ломаном русском языке:

— Здравствуйте, товарищи красноармейцы! Как залп, воздух рванул ответ:

— Здравия желаем, господин президент!

— Да, «господин»!..

Как непривычно Галану было теперь это слово! Забылось, стерлось оно.

Пока шла церемония, к Андрееву подошел генерал Людвиг Свобода. Осведомившись, как идут дела с погрузкой и отправкой танков и грузов и не нужна ли помощь, он просил передать привет генералу Лелюшенко и пожелать ему здоровья. Пользуясь случаем, Андреев представил генералу своих гостей. В том числе и Галана.

С разрешения генерала чехословацкий офицер проводил советских товарищей на трибуну, усадил на отведенные им почетные места.

Трибуна — деревянное строение, закрытое по бокам досками и сверху легкой кровлей. Все было обито черным крепом. Впереди

перед трибуной на скамейках сидели двадцать два человека, все в черном. Те, кто остался в живых из всего расстрелянного гитлеровцами населения большого и красивого села Лидице.

В момент уничтожения Лидице этих людей по счастливой случайности там не было. Потому они избежали участи своих родных и близких. Головы их опущены, платки прижаты к губам, плечи вздрагивали.

Всем раздают фотоснимки села Лидице — каким оно было до уничтожения. Белые домики, сады, виноградники, асфальтированная дорога. Сейчас на этом месте груды битого кирпича, сожженные деревья, кустарник. «Вот он, фашизм в действии!» — думает Галан.

От трибуны к возвышенности — центру бывшего села, проложена ковровая дорожка протяженностью около ста метров. В конце ее — бак с горючей жидкостью и высокий металлический крест. В баке — огонь, языки пламени лижут крест. Ярослав Галан что-то пишет в блокноте, его взгляд устремлен вдаль, на дым и крест, все это напоминает ему растерзанный Львов.

Огонь, дым, крест!..

Начался митинг.

Вокруг трибуны — море народа. Кругом мертвая тишина, и речь оратора тиха, только слышен треск огня.

Но вот речь оратора окончена. Правительство и приглашенные в скорбном молчании медленно идут по ковровой дорожке к кресту. Звучит траурная мелодия. Раздается команда: «Слу-у-у-шай, на-кра-ул!» И опять все тихо. Низко опущены головы, слышны рыдания…

Галан глухо говорит:

— Сколько же надо нам провести таких траурных митингов, чтобы почтить память всех погибших людей и разрушенных городов и деревень?

И сам себе отвечает:

— Много, ох как много…

Погас огонь в баке. Уже не лижут языки пламени железный крест, все медленно расходятся. Идет к машине и Галан. Грустен и мрачен Ярослав Александрович, мысли его далеко — на родной Украине…

Писатели пробыли в гостях у Василия Андреева еще два дня. Работали с материалами, дважды наведывались в Прагу. Генерал Свобода сдержал слово. Он принял их у себя в министерстве и два часа отвечал на вопросы.

Но вот командировка окончилась, наступил день расставания.

Мотор машины уже работает. Галан благодарит Андреева,

обнимает его, берет с него обещание, что при первой же возможности он приедет во Львов.

Зарубежная поездка продолжалась с 9 июня по 5 июля 1945 года. Галан побывал в Перемышле, Кракове, Дойчлисе, Горнау, Радебойле, Дрездене, в Вене и в Венгрии, в районе озера Балатон.

По материалам поездки им были написаны статьи «В Вене» и большой очерк «Они сражались за Львов», где рассказывалось о бойцах и командирах Советской Армии, освободивших столицу Западной Украины. Галан, по его словам, «заглянул в глаза смятенной Европы».

Но главная встреча с ней, встреча, которая эмоционально подвела для него итог войны, — эта встреча была еще впереди.

«Слишком многое накипело на сердце…»

В памфлете «Аванс», написанном в июне 1942 года по поводу смерти Гейдриха, Галан писал: «Народы Европы поднялись. Три пули в хребте гада Гейдриха — это только аванс. Приближается час окончательной расплаты. Это будет суд, которого не знала история».

И через три года в качестве корреспондента газеты «Радянська Украина» писатель едет на Нюрнбергский процесс.

«Все дело в том, как понимать смысл своей профессии. И еще многое зависит просто от характера. Можно спокойно сидеть в пресс-центре, как, скажем, это делает Гарри Филби, американский корреспондент, тянуть виски, а потом, оторвавшись на полчаса от этого приятного занятия, бегло просмотреть информационные бюллетени и стенограммы и послать — при самой небольшой доле фантазии — весьма приличную, а при материале процесса и сенсационную, корреспонденцию в свой номер…» — Галан вспомнил эту тираду знакомого по процессу английского репортера и улыбнулся. Нет, такое не для него! Он все должен увидеть своими глазами.

…Так размышлял он, стоя в Мюнхене у серого закопченного дома, помеченного во всех официальных справочниках как Юнровский университет.

На набережной, недалеко от входа в здание, его дважды останавливали:

— Есть сигареты.

— Интересуетесь швейцарскими часиками?

— Может быть, господину нужны бритвы?..

Явно галицийский акцент этих уличных торговцев, предлагавших из-под полы ходовые на «черном рынке» товары, не удивил Галана. Он даже с иронией спросил одного толстомордого парня:

— Вы оттуда? — и кивнул в сторону «университета».

— Да, студент, — нахально улыбнулся тот. — А в чем, собственно, дело?

— Мне к пану ректору…

Приняв Галана за «своего», парень стал разговорчивее:

— Второй этаж, направо, — и спросил: — Новенький?

— Хочу попытаться.

— Из лагерей?

— Вначале запросят характеристику. Так — и не думай! В этих лагерях красных до черта!.. А в общем — валяй попробуй!..

Парень отошел. Задний карман у него оттопыривал

пистолет…

«Занятная публика, — подумал Галан. — А, собственно, чего я ждал? Мне же говорили — это такой же университет, как Бандера — великий демократ. Собрали всех подонков, шпионов, диверсантов… Переучивают…» Что ж! Он собрал волю в кулак. «Раз пришел — входи», — приказал он себе.

В подъезде дорогу ему преградил сторож с выправкой бывалого боевика.

— Куда?

— К начальству.

— Кто такой?

Галан протянул пропуск, выпрошенный на денек у знакомого американского корреспондента. Втайне он сомневался, что слово «пресса» ему поможет, но магический титр «Соединенные Штаты Америки» возымел немедленное действие.

— С этого бы и начинал. Входи!..

В вестибюле он увидел ту же картину, что и на набережной: он снова попал на «черный рынок»: «студенты» беззастенчиво «делали бизнес».

На втором этаже, у дверей с табличкой «Ректор» было тише. Галан увидел на стене огромный разграфленный лист бумаги. «Расписание», — решил он.

Писатель не ошибся. Против каждого предмета стояли фамилии преподавателей. И здесь Галан охнул: вот они, старые знакомые! Список украшали имена многих негодяев, или знакомых по Львову, или известных как близкие люди Бандеры, Мельника и Коновальца.

Оглянувшись и увидев, что за ним никто не наблюдает, Галан переписал список в блокнот.

На лестнице он столкнулся с худощавым субъектом в поношенном немецком офицерском мундире.

— Где мне найти господина К.? — Галан назвал одну из фамилий списка, известного по батальону «Нахтигаль» националиста.

— Кто вы такой и зачем он вам нужен?

— Я из газеты. — Галану снова пришлось показать удостоверение. Втайне он подумал: «Не такая уж это и большая ложь… Я же не говорю, из какой я газеты…» — Хочу взять интервью.

Худощавый вызвался проводить неожиданного посетителя.

Господин К., узнав, чего от него хотят, немедленно стал похож на премьера.

— Мы не скрываем от мирового общественного мнения наших целей и наших задач, — торжественно заявил он. — Цель

эта — борьба с коммунизмом. И я посвятил ей всю свою жизнь… Теперь у нас новый могущественный союзник — ваша страна…

— Читателям интересно будет узнать вашу биографию, — подлил масла в огонь Галан.

— Это биография солдата. — К. даже привстал и одернул пиджак. — Еще в двадцатых годах… — Он начал перечислять города, погромы, убийства… Он полагал, что перед ним единомышленник, не скрывал ничего. Его, что называется, «понесло», и Галан понял, что остановить лавину этого красноречия будет довольно трудно.

— А что вы знаете об убийстве польских ученых во Львове? — осторожно осведомился Галан.

И тогда в бурном словоизвержении собеседника почувствовался спад. В глазах К. мелькнуло подозрение.

— ОУН никогда не занималась просто убийствами. ОУН — политическая организация и убирала политических противников. И о чем вы говорите, я понятия не имею… — К. демонстративно взглянул на часы. — Мне пора… У меня лекция… Надеюсь, вы нашу беседу преподнесете читателям в соответствующем духе?

— Безусловно, — кивнул головой Галан.

И в этот раз он ничуть не соврал. Он действительно расскажет обо всем, что увидел и услышал здесь, «в соответствующем духе».

Взяв еще два интервью, Галан решил, что дальше искушать судьбу небезопасно, и, еще раз предъявив американский пропуск, вышел из «университета».

Рисковал ли он жизнью? Наверняка.

«Но игра стоит свеч», — сказал Галан себе в утешение, предпринимая новую «акцию» аналогичного порядка.

Писатель Виссарион Саянов, бывший в Нюрнберге вместе с Галаном, рассказывает:

«В дни процесса Галан был особенно задумчив.

Почему? Ведь ему пришлось повидать на веку такое, что хватило бы на сотню иных жизней. И зверства гитлеровцев он знал не понаслышке. Одна трагедия его родного Львова чего стоила!

Но, наверное, здесь, в Нюрнберге, впервые увиделась им, да и не только им, картина случившегося в целом. Тогда многое из тайного стало явным, и разрозненные штрихи и сведения слились в целостную картину.

Тогда у нас произошел разговор:

— Многое я представлял, — сказал Галан, — но сейчас с особой остротой почувствовал, что ожидало бы человечество, если бы победил фашизм… Здесь же — на скамье подсудимых —

не люди. Люди не могли выдумать ни Майданека, ни Бабьего Яра. Это звери, выродки.

Позор для тех, кто вскормил этих убийц, дал им в руки оружие и пустил на дорогу разбоя.

Хотелось бы мне некоторых краснобаев из Нью-Йорка, болтающих о „демократии“ и знающих о войне только понаслышке, взять за шиворот и поставить перед крематорием Освенцима! Интересно, о какой „демократии“ они тогда бы заговорили. И у этих господ еще повертывается язык оскорблять Советскую Армию! Армию, которая спасла человечество от кошмара, по сравнению с которым даже Варфоломеевская ночь кажется детским спектаклем…

Ни до той минуты, ни после я не слышал, чтобы Галана так „прорвало“. Обычно он был скуп на слова. Тогда, видимо, он не мог сдержаться: слишком многое увиделось в Нюрнберге, слишком многое накипело на сердце…»

В корреспонденциях с процесса, составивших впоследствии книгу «Перед лицом фактов», писатель разоблачает не только сидящих на скамье подсудимых заправил «третьего рейха», но и те реакционные круги Америки и Европы, которые дали возможность Гитлеру развязать агрессию.

«Когда я выезжал на Нюрнбергский процесс, — пишет Галан, — я не рассчитывал на неожиданности. Лицо фашизма уже было мне знакомо до мельчайших деталей. Факты показали, что я ошибся. Я знал, что увижу преступников, каких не знала история, но в то же время я полагал, что перед лицом неминуемой виселицы они сохранят элементарные правила приличия, принятые в мире даже самых закоренелых грабителей и душегубов. У нюрнбергских подсудимых не было даже этой морали. Эти проводники и исполнители волчьих законов теперь сами напоминали стаю голодных волков».

Галан создает серию сатирических портретов заправил Третьей империи. Творческий метод писателя, его взгляды на работу публициста в значительной мере раскрываются самим Галаном в его заметках «Моя работа в Нюрнберге», написанных но просьбе редакции газеты «Радянська Украина» в новогодний номер «Журналиста» (орган партбюро и месткома редакции «Радянської Украины»).

«Надо дать читателю, — пишет Галан, — новый, интересный и поучительный материал. Надо во что бы то ни стало избегать штампа, шаблона, повторения одних и тех же мыслей, фраз, эпитетов, особенно эпитетов, учитывая, что без них тяжело обойтись, когда речь идет, скажем, о Геринге.

Не менее важным вопросом была форма подачи материала. Я

думал: надо писать правду, и только правду, в большом и малом. Минимум собственных рассуждений, которые могут либо интересовать читателя, либо нет, минимум, необходимый для того, чтобы заставить читателя рассуждать самого. Максимум спокойного тона, без ругани, чтобы читатель не подумал: „Юпитер сердится, потому что не прав“. Как можно меньше стилистических цветочков, взращенных на обильной ниве энциклопедий (глядите, мол, как много я знаю), чтобы среди них не растерять правду, и необходимость сократить до минимума пафос, ибо женщина и читатель лишь тогда верят слову „люблю“, когда оно сказано тихо и просто…»

Галан призывает бороться с «кокетливой претенциозностью». «Нужно работать, и работать каждый раз по-новому. Нужно в каждой статье искать новых мыслей, ибо они — соль и литературы и публицистики». И памфлеты и фельетоны Галана с Нюрнбергского процесса отличаются простотой и ясностью формы, отточенным языком, большой фактической аргументацией.

В Институте литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР в отделе рукописей сохранилась телеграмма Галану из редакции «Радянськой Украины». Мы приводим ее на русском языке впервые: «Корреспонденция „В Нюрнберге падает дождь“ встречена в коллективе с большой похвалой. Настоящий творческий успех…»

Там же хранится письмо Петра Козланюка другу, где, между прочим, говорится: «Корреспонденции твои оригинальны и важны, люди читают их с интересом. Когда закончишь, соберешь их, упорядочишь, напишешь предисловие и выпустишь книжкой».

Собственно, такая мысль была и у самого Галана. Он собрал все корреспонденции в сборник «Их лица».

Используя в зависимости от идейного задания тонкую иронию и сарказм, Галан разоблачает жалкие попытки гитлеровских убийц оправдать себя в глазах народов и спастись тем самым от заслуженной кары. Умело вскрывая смысл речей подсудимых, писатель показывает тактические уловки, к которым они прибегают. Так, Риббентроп, рассказывает Галан, дал фюреру клятву «верности». «Эта клятва легла на добродетельного Риббентропа слишком тяжелым бременем, и он несколько раз просил Гитлера освободить его от должности министра. Тщетно! Когда однажды Гитлер от огорчения едва не расплакался, Риббентроп был вынужден дать ему слово чести, что он и впредь будет нести на себе крест нацистского министра… Бедняга Риббентроп не знал, оказывается, даже того, о чем знал в Германии и вне Германии каждый ребенок, — о существовании

гитлеровских концентрационных лагерей. Он мог узнать о них лишь в том случае, если бы слушал заграничные радиопередачи. Однако хитрый Гитлер разрешил слушать радиовещание из-за границы только Герингу и Геббельсу. А если бы Риббентроп осмелился когда-нибудь это сделать, то Гитлер немедленно выслал бы его в концлагерь.

Таким образом… Риббентроп не знал о существовании гитлеровских лагерей смерти, потому что не слушал заграницы, а не слушал заграницы потому, что боялся попасть в лагерь смерти, о существовании которого он не знал».

Приведенный отрывок чрезвычайно показателен для писательской манеры Галана. Перед читателем встает фигура нацистского дипломата, прикинувшегося перед трибуналом недалеким школьником. Писатель передает речь фашиста в нарочито сочувственном тоне, делает вид, что доверяет ему. Но в этом «доверии» заключена беспощадная издевка над гитлеровцем, прибегающим ко лжи, не отвечающей требованиям самой элементарной логики. И именно это обстоятельство позволило Галану так «рекомендовать» героя читателю, что авторский комментарий к его словам не нужен. В самом противоречии между словами и делами нацистского министра заключен источник подлинного сарказма.

Так и Ганс Франк выдавал себя за ценителя музыки и «верного слугу искусства». Франк умел даже музицировать, чем немало гордились его родные и приближенные. И Галан показывает, во что в действительности выливается «любовь» к искусству «великого музыканта третьего рейха»: «Пальцы Франка мягко ложатся на клавиши… Из-под них взлетает грациозно, а потом печально и лирически… „Баллада“ Шопена, того самого Фредерика Шопена, памятник которому в Варшаве был вдребезги разбит по распоряжению того же Франка». Идейный замысел писателя получает в этом отрывке яркое и вместе с тем необыкновенно глубокое выражение. Смысловая контрастность понятий, заключенных в словах «мягко» и «вдребезги», «взлетает» и «разбит», дополняет в контексте рисунок образа нацистского варвара. Его «культура» сразу осмысляется лишь как внешняя маска образованного убийцы и палача, врага всякой культуры. Галан проводит в этом отрывке важную мысль: подлинная культура связана с созиданием, с жизнью.

В «сверхчеловеках», сидящих на скамье подсудимых, подчеркивает Галан, нет ничего исключительного. Жадность, трусость, продажность и стяжательство фанатиков гитлеровского рейха порождены режимом, той социально-политической средой, в которой к руководству государством смогли прийти люди,

лишенные совести и чести, люди с моралью животных и «повадками мелких уголовных воришек и ярмарочных шутов».

Всех этих рыцарей «длинного ножа» объединяет одно — ненасытная жажда обогащения. Страсть к наживе соединила в одной шайке бесноватого фюрера и «скромного мюнхенского адвоката» Риббентропа, «фанатика национал-социализма» Ганса Франка и «далекого от высоких материй» коменданта Освенцима.

«Задача человечества — сделать выводы. И эти выводы будут уничтожающими для строя, который породил такую гниль, — писал Галан. — А это самое главное, и именно в этом состоит историческое значение Нюрнбергского процесса».

Писатель подчеркивает, что на скамью подсудимых, кроме фашистских заправил, должны быть посажены люди, благодаря которым фашизм стал реальностью, люди, чьим детищем была нацистская партия. Раскрывая смысл показаний богатого кельнского банкира Шредера, Галан указывает на связь немецких миллионеров с реакционными кругами Запада. «Сквозь туман его слов, — пишет Галан, — мы хорошо видим, как над колыбелью нацистской Германии чутко склонились акулы не только немецкого капитала… Не случайно в последнюю минуту представитель английского обвинения решил не зачитывать показания Шредера…» Советского писателя интересует уже не судьба подсудимых — она ясна, — его глубоко тревожит тот факт, что некоторые агрессивно настроенные круги Америки и Европы вопреки воле своих народов занялись «регенерацией фашизма во всех его видах, со всеми его „атрибутами“».

В перерывах между судебными заседаниями Ярослав Галан с опасностью для жизни совершает поездки в осиные гнезда националистов, бывших власовцев. Он собирает там материал для новых памфлетов, рискуя каждую минуту получить вражескую пулю в спину.

Используя впечатления, полученные во время поездок в западные зоны оккупации Германии, Галан пишет рассказ «Миссис Маккарди теряет веру» — о тех, кто, прикрываясь маской благотворительности, оказывает прямую поддержку недобитым гитлеровским убийцам. Миссис Маккарди говорит о предателях: «Для меня… они прежде всего люди, люди, которые страдают. А притом не забудьте… что война уже кончилась». Ее «логика, — замечает Галан, — достойна ее этических принципов».

Через десять дней после напечатания очерка «Акушеры Третьей империи» Галан публикует статью «Гнездо разбойников», в которой разоблачает махинации марионеточного польского правительства, помогающего некоторым милитаристским организациям создавать резервную армию фашизма. «Нельзя

равнодушно наблюдать положение…, — пишет Галан, — когда под вуалью лицемерной декларации о демократии согреваются и размножаются недобитые гитлеровские остатки…»

Галан опирается на огромный фактический материал, приводя цифры, свидетельства, рассказывая о собственных впечатлениях. Фактическая аргументация всегда предшествует выводам писателя. Характерна в этом отношении и корреспонденция «Сломать шлагбаумы». В Баден-Бадене, знаменитом европейском курорте, нашли себе прибежище представители самой черной французской реакции — лакеи Петеиа, сподвижники Лаваля, агенты гестапо, убийцы из эсэсовских отрядов. Администрация Баден-Бадена насчитывает «всего» тысячу триста офицеров, в том числе «только» восемьсот человек в чине полковника. Эти «гитлеровцы во французских мундирах сегодня открыто носят свои ордена, и ни одна рука в оккупационной зоне не поднимется, чтобы дать им крепкую пощечину». «Почему это происходит? — спрашивает писатель. — Может быть, легкомыслие? Может быть, это следствие недоразумения? Нет, только последовательность, последовательность заправил международной реакции». Народы требовали мира. Но, кроме разумных людей, предпочитающих переговоры «холодной войне», были и такие политики, которые, бряцая оружием, мечтали о создании новой армии для агрессии против лагеря мира и демократии…

Фашизм разбит, подчеркивает Галан, но он получил «возможность регенерации».

«А эту возможность он будет иметь до тех пор, пока… в Мюнхене и Гамбурге убийцы из банд Гиммлера будут жить на правах почетных воспитанников, а на улицах Баден-Бадена будут спесиво ходить типы с петеновскими орденами предательства.

Это предательство — непрерывное, вездесущее — сегодня загородилось от гнева многострадальных народов тысячами разноцветных шлагбаумов». «Сломать шлагбаумы!» — призывает писатель, привлечь к суду народов гитлеровских убийц и их покровителей.

Борис Полевой в своих дневниках о Нюрнбергском процессе рассказывает о примечательной и важной беседе с Галаном:

«Мы часто бродим с ним… по парку Фабера, обсуждая виденное, слышанное, и я всегда поражаюсь его дальновидности. Признаюсь, сначала фултоновское выступление Черчилля я воспринял как досадное, но не слишком важное событие: просто старый честолюбец, оказавшийся вне премьерского кресла, соскучившись по газетной шумихе, всегда бурлившей вокруг него, и решив напомнить о себе, выступил с речью, обильно

сдобренной антисоветчиной.

— Вы ошибаетесь, — возразил Галан, когда я поделился с ним своими мыслями, — Черчилль отнюдь не экстравагантный старик, падкий на рекламу. После смерти Рузвельта — это виднейший лидер западного мира. Он все точно и заранее рассчитал — и университетскую трибуну в Америке, и время, когда напуганный своими неудачами в Восточной Европе Запад ищет себе лидера и сигналов к действию. Это выступление получило широкий резонанс. Протрубила труба магистра ордена империалистических крестоносцев. И все отряды черных рыцарей, явные и тайные, пришли в движение.

И он оказался прав, Ярослав Галан. Это мы увидели уже в Трибунале по поведению подсудимых. Познакомившись благодаря своим адвокатам с речью сэра Уинстона, они сразу воспрянули духом. То, на что надеялся в последние дни войны, сидя в своем бункере, Гитлер, то, о чем он мечтал перед тем, как пустить себе пулю в лоб, кажется теперь свершившимся: Черчилль скликает силы для похода на Советы, недавние союзники готовы передраться между собой. А когда собаки грызутся, кошка может спокойно влезть на забор и занять там безопасную позицию.

— Ну, а на процессе это не может отразиться? Как вы полагаете, будет он доведен до конца?

— Как вам сказать, — задумчиво ответил Галан, склонив большую лобастую голову. — Пока, как видите, еще не отразилось, а в дальнейшем… Кто знает? Вы заметили, как переменила тактику защита? Раньше она старалась скомпрометировать свидетелей обвинения, как это было с Паулюсом, опровергнуть показания, документы, а теперь старается тянуть, только тянуть, любыми средствами тянуть возможно дольше. Вот Штаммер, например, одолел суд просьбами продлить каникулы до трех недель. А этот вызов десятков свидетелей, живущих в разных странах, на котором настаивает адвокат Риббентропа!»

Уловки адвокатов не спасли подсудимых от заслуженного возмездия, но Галан остро почувствовал начало того, что вскоре все человечество назовет «холодной войной».

В 1946–1947 годах писатель работает над пьесой «Под золотым орлом». В одном из его писем говорится: «В 1946 году я решил вернуться к самому любимому мной роду творчества — к драматургии. Основанием для моей пьесы послужили материалы, собранные мной во время моего пребывания в Нюрнберге». Тема пьесы — судьба наших «перемещенцев» в западных зонах оккупации Германии. В дневниковой записи от 10 января 1948 года есть следующие слова о драме «Под золотым орлом»: «Это

мой родной ребенок, часть моего „я“».

В драме «Под золотым орлом» скрещиваются две фабульные линии: борьба советских людей за возвращение на Родину протекает параллельно с борьбой, которую ведет честная американская журналистка Норма против реакционной военщины и милитаристски настроенных кругов США. Двуплановость сюжетно-композиционного построения пьесы обусловлена природой конфликтов, лежащих в ее основе. Наряду с главным, определяющим движение пьесы конфликтом между советскими гражданами и националистами и фашистами в драме существует конфликт, в основе которого лежат противоречия между представителями капиталистического лагеря.

Характерный вообще для Галана-драматурга динамически развивающийся сюжет составляют в пьесе «Под золотым орлом» события, происходящие в одном из лагерей «перемещенных лиц» в Западной Германии. Среди узников развертывается движение за возвращение на Родину, которое возглавляет бывший советский моряк Андрей Макаров. Ему стараются помешать всеми силами. Согласно провокационному плану «перемещенные лица» должны в будущем составить резервную армию агрессора. Один из героев пьесы — комендант города майор Петерсон — говорит: «Мы заинтересованы в том, чтобы перемещенные остались в наших руках. Каждый лишний день их пребывания под нашими крышами — это новый козырь в наших руках. А потом придет день, когда все они осознают, что им уже нет возврата. Тогда эта многотысячная армия людей, людей без рода, без племени, будет делать то, что мы им прикажем… И если провидение ниспошлет нам новую войну, мы бросим эту армию против врага… Это будет атомная бомба номер два!..»

Вначале Петерсон и его подручные через своих наймитов — националистов Белина и Цуповича пытаются запугать Макарова, угрожая ему, если он не откажется от своего плана, жестокой расправой. Воспитанные на звериных законах Петерсон и его приспешники не могут поверить в существование людей, живущих по другим законам. «…Долголетняя полицейская практика научила меня, — говорит Петерсон, — что единственный закон, которому без протеста подчиняются все люди без исключения, — это биологический закон. Во имя спасения собственной жизни человек способен на все. Только надо, чтобы он каждым своим нервом почувствовал леденящее дыхание смерти. Вот тогда он откажется от любых принципов, дайте ему только возможность и время найти принципы, которые оправдали бы его капитуляцию». Петерсону и в голову не приходит простая мысль о том, что, кроме морали торгашей и

ренегатов, существует еще на свете мораль честных людей.

«Биологический закон» петерсонов терпит крах в применении к первому же советскому человеку. Подвергаясь травле, испытывая постоянную тревогу за судьбу любимой Девушки, Анны Робчук, которую преследует Белин, в обстановке террора и провокаций Макаров продолжает бороться: он сплачивает вокруг себя верных друзей — Дуду, Мальцева и других, составляет список желающих вернуться на Родину и, рискуя жизнью, решает лично доставить его в советскую миссию. Верною дочерью своего народа показывает себя и Анна. Узнав, что в лагере идут обыски, она до отъезда Андрея берется сохранить список. Высокое самосознание долга перед Родиной ведет советских людей в жизни, руководит их поступками в самые тяжелые дни испытаний.

На фронте Андрей Макаров чувствовал рядом локоть товарища; поднимаясь в атаку, он знал, что за его спиной могучий советский тыл. И вот теперь, вдали от Родины, небольшая горстка советских людей объявила войну могущественной полицейской машине Петерсона. Трудна борьба — борьба в чужой стране, борьба в одиночку, борьба, где только чистая человеческая совесть приказывает людям «стоять насмерть». «От Белина и Петерсона мы, может, и удрали бы, но вряд ли нам удастся убежать от собственной совести… Войны уже нет… — говорит Макаров, — а я и сегодня считаю себя краснофлотцем и без приказа знаю, что тут именно надо стоять насмерть».

Чем же в то время, когда Макаров и его друзья боролись за возвращение на Родину, занимались люди без чести и совести, громко именовавшие себя «общественными деятелями» и «спасителями Украины»? Белин спекулирует. Цупович продает угнанных в рабство советских граждан плантаторам Бразилии.

Образ Цуповича является как бы логическим завершением пути Помикевича из комедии «99 %». Цупович — это тот же Помикевич, но уже в пятидесятых годах двадцатого столетия.

Когда-то Цупович учился в университете, и это наложило известный отпечаток на его речь. При случае он цитирует Шекспира и Шиллера, умеет к месту вставить изречение Цезаря или Катулла, любит пофилософствовать о «психологии толпы» и «неумолимых законах победившей демократии Запада». Линия Цуповича служит в пьесе — воплощению одной из основных идей всего творчества Галана — подлинная культура связана с созиданием, с жизнью. Культура не набор высокопарных фраз и цитат, которыми прикрывают внутреннее ничтожество, «культура» Цуповича — это «культура» образованных убийц,

возводивших такие «памятники цивилизации», как Майданек и Освенцим. Цупович более опасен, чем опустившиеся на «дно» люди типа Белина, ибо они выступают под маской, ибо свои грязные дела они прикрывают демагогической болтовней о «долге перед родиной». В лице Цуповича Галан высмеивает идеологов украинского национализма, изображающих из себя политических деятелей и представляющих в действительности заурядных платных агентов иностранной охранки. Галан показывает стяжателя и разоблачает «философа», срывает маску с «политика». Цупович предлагает Петерсону украденные жемчуга.

«Петерсон. Две тысячи франков, больше не дам.

Цупович. О сэр, вы жестоки! Три тысячи франков — последняя цена…

Петерсон. Две тысячи двести… и пятьдесят…

Цупович. Вы преувеличиваете, сэр! Не забудьте, что я оставил дома жену и двух малюток; кроме того, у меня есть также долг перед родиной. Должен же я заработать сто франков.

Петерсон. Что? У вас тоже есть родина? Странно… Ну, две тысячи четыреста…

Цупович. Благо республики — высший закон. Для Украины я на все готов!»

Отвратительное лицо националистов до конца обнажается в тот момент, когда петерсоны, отчаявшись запугать Макарова, решают оклеветать его и лишить тем самым влияния на товарищей. Здесь действие пьесы достигает наибольшего напряжения. Выполняя волю хозяев, Белин убивает Анну, крадет ее вещи. Часть из них подбрасывают Макарову, которого обвиняют в убийстве. Макарову грозит смерть и, по словам Петерсона, бесчестье. Только ценой предательства может он спасти свою жизнь.

Пламенный советский патриотизм противостоит в пьесе духовной нищете и маразму. «Биолога» Петерсона ставят в тупик гневные слова русского моряка Макарова: «Мне легче будет умереть, чем с позором жить!» Петерсон растерян. Живем только раз, поэтому ради сохранения жизни можно пойти на любую подлость — вот его мораль. Макаров предпочитает смерть предательству: «Именно потому, что у нас только одна-единственная жизнь, ее надо прожить по-человечески».

Мы уже говорили о двуплановости сюжетно-композиционной структуры драмы. Но эта двуплановость не разрушает единства, целостности произведения, потому что оно объединено единым идейно-тематическим центром — образом Макарова. Его сюжетная линия является стержневой в пьесе, его борьба — основа конфликта, движущего сюжет. Политические позиции

персонажей проясняются в драме прежде всего по их отношению к Макарову.

В его образе Галан отобразил то главное, что составляет характер советского человека: патриотизм, стойкость, мужество. Индивидуальное в Макарове только сильнее подчеркивает типичность образа советского человека. Галан показывает, что истоки героизма Макарова не только в его личных особенностях, но и в тех общих законах советской жизни, которые формируют характер советского человека. Макаровым руководит чувство любви и преданности своему народу, чувство ответственности перед Родиной. «Вы думаете, я иду на смерть, как на свадьбу?.. — говорит он американской журналистке Норме. — Поймите! Я ненавижу смерть, но я еще больше ненавижу жизнь, какой они хотят меня осчастливить. Если бы я испугался их… они бы не сказали: „Макаров — изменник“; они бы сказали: „Советский моряк Макаров — изменник“. А мне никто не давал права покрывать позором мой народ».

Смерть Макарова не остановила его друзей. Они доводят до конца начатое им дело. В свете этого становится понятным первоначальное название драмы — «Недопетая песня», а также и та роль, которую играют в сюжетно-композиционной структуре пьесы музыкальное сопровождение и непосредственно связанные с ним разговоры и реплики персонажей. Через всю драму лейтмотивом проходит песня Шуберта, исполняемая музыкальным ящиком в трактире фрау Мильх. С песней связан эпизод, имеющий очень важное значение в драме. Испорченный музыкальный ящик всегда обрывает песню на полуслове и, по словам хозяйки, «только изредка дотягивает… до конца».

«Андрей. А жаль! Хорошая песня. Мне еще ни разу не удалось дослушать ее до конца.

Белин. И вряд ли удастся…

Андрей. Как это понимать?

Цупович. Не дву-смыс-ленно, насколько я знаю своего друга.

Пауза. Андрей медленно достает из кармана куртки… кинжал.

Андрей *(показывая кинжал Велину).* Неплохая сталь…

Фрау Мильх *(со страхом).* Господин! Перестаньте размахивать ножом в моем заведении. Я и без того боюсь?..

Цупович. Ха-ха!.. *(Андрею. — В.В., А.Е.)* А вы? Не боитесь?

Андрей. Мы — нет!..»

Второй смысловой подтекст этого разговора очевиден. Собеседники прекрасно понимают, что речь идет не о песне, а о деле Андрея. Реплика Цуповича: «Не боитесь?» — воспринимается в контексте как прямая угроза расправиться с Макаровым. Большой общественный смысл приобретает здесь и ответ моряка.

«Мы — нет!..» «Неплохая сталь», — говорит Андрей. И зритель чувствует, что речь здесь идет о мужестве советских людей, об их преданности Родине. «Мы» — это советские люди, сплоченные братской солидарностью. «Если я не допою песни, ее допоют другие» — таково значение слов Макарова. Эта важная идея реализуется не только самим развитием действия, но и музыкальным оформлением его. Именно оно вносит тот последний аккорд, который придает страстно-оптимистическое звучание финалу драмы:

«Дуда опускает монету в музыкальный ящик.

Зазвучала знакомая нам песня…

„Жил советский моряк, один из многих, и его гордое сердце даже в неволе тянулось к песням, в которых много любви и веры в то, что правда и тут, в царстве петерсонов, должна победить! И она победит, Андрей Макаров!“

Свет постепенно гаснет. Песня, поддерживаемая аккордами органа, звучит все громче и шире и, как бы подтверждая слова Дуды, заполняет собой все».

О том, насколько характерно и правдиво все изображенное Галаном, говорит то обстоятельство, что многое из материала, составившего сюжет драмы, взято писателем из самой жизни.

«Ну, мальчики, кого вы за последние сутки облапошили?.. Обокрали?.. Пристукнули?.. Ваше счастье, что осенью вагон шоколада был разворован не в моем районе», — говорит Боб Лобер Белину и Цуповичу. Приведенный здесь факт действительно имел место в жизни. В корреспонденции «Остров чудес» Галан писал о «подвигах» националистов, окопавшихся в Мюнхене:

«Президент полиции тоже не хочет разговаривать на эту тему.

Третьего дня в Пасинге, под Мюнхеном, „ди-пи“ („перемещенные лица“. — В.Б., А.Е.) в одну ночь растащили целый вагон (десять тонн!) юнровского шоколада. Обыск не дал никаких результатов».

Галан рассказывал, как свидетельствует М. А. Кроткова-Галан в своих воспоминаниях, что «аналогичные данные писатель получил от редактора местной газеты»: националисты «в течение одной ночи умудрились разворовать целый вагон американского шоколада, да еще по пути устроить несколько грабежей».

По дороге в Нюрнберг Ярослав Александрович, не подозревая того, что проезжает недалеко от лагеря «перемещенцев», остановился, так как в этот момент что-то случилось с машиной. Пока шофер возился около машины, к нему подошел невысокий худой человек. Он поспешно начал объяснять, что ему необходимо узнать адрес советской миссии, чтобы добиться

отправки его и товарищей на Родину, чему всячески препятствуют оккупационные власти.

Финал приведенной здесь истории раскрывается Галаном в корреспонденции «Протекторы измены».

Юноша Василий Б. из Куликова Львовской области «попросил разрешения оставить у меня велосипед, — пишет Галан, — потому что „они догадаются, куда я езжу, и сломают мне машину“. Он ушел. Напрасно я прождал его все следующее утро, напрасно ждал неделю, вторую, четвертую… Велосипед несчастного Василия из Куликова пришлось сдать… как имущество человека, пропавшего без вести…» Несомненно, что эти наблюдения положены в основу рассказа Цуповича в пьесе: «Один из них отважился даже составить список желающих вернуться домой. Как-то утречком он выехал на велосипеде в Мюнхен, чтобы передать список большевистской репатриационной комиссии. Через два часа на автостраде были найдены бренные останки неосторожного велосипедиста и раздавленный колесами неизвестного „студебеккера“ велосипед…»

Подобные примеры использования в драме «Под золотым орлом» конкретных жизненных наблюдений можно умножить.

Тема стремления к большому человеческому счастью и гордой человеческой любви проходит через всю пьесу. Она тесно переплетается с идейно-политической проблематикой драмы, входит в нее, дополняет ее и в еще более ярком свете позволяет передать конфликты произведения. «Любовь, мой милый, никогда не заменит мировоззрения», — бросает лейтенанту Бентли майор Петерсон. Эта фраза дает ключ к раскрытию философской проблематики пьесы, к раскрытию в ней темы любви и счастья.

«Любовь никогда не заменит мировоззрения». Бентли кажется, что его «чистая» любовь к Норме — это последняя надежда, без которой он «потерял бы остатки веры и себя». Но, как и все высокие слова Бентли, его фразы о любви — ложь, необходимая ему для поддержания веры в свою порядочность. Как только Бентли приходится выбирать менаду продвижением по служебной лестнице, то есть между счастьем в его понимании, подленьким счастьем карьериста и мещанина, и между чистой любовью Нормы, первое побеждает второе. Бентли не способен на большую любовь, ибо в его моральных кодексах все измеряется чековой книжкой — счастье, любовь, честь.

Предатель Белин также говорит о своей «высокой любви» к Анне Робчук. Но его чувство — это чувство труса, эгоиста, стяжателя. «Любовь к тебе научила меня по-настоящему любить деньги», — говорит Белин Анне. Слово «деньги», поставленное

рядом со светлым и большим словом «любовь», точно квалифицирует характер чувств Белина. В понимании Белина одно невозможно без другого, как немыслимо и счастье без денег. Счастье белиных — это домик, «немного золота и брильянтов», запачканных человеческой кровью.

На фоне этих подлых, грязных мыслишек, представляющих собой карикатуру на подлинно человеческие представления о счастье, ярко сверкает светлая мечта о счастье Андрея Макарова и его друзей, мечта, за которую они готовы идти в бой и умирать, мечта настоящего человека.

Андрей Макаров может быть счастлив только в общей борьбе со своим народом. Судьба Родины неотделима от его личной судьбы. «…Из нашего счастья здесь ничего не выйдет, — говорит Андрей Анне. — Для него необходимы воздух наших лесов и полей, песни наших людей, иначе это счастье так и завянет, не успев расцвести. Там мы оставили нашу молодость и только там найдем ее снова, только там, где Москва, где, на что ни взглянешь, все твое…»

Андрей Макаров не представляет личного счастья вне счастья своего народа. Он рискует жизнью не только для того, чтобы освободить любимую девушку из рук новоявленных гестаповцев, но прежде всего во имя счастья пятисот узников лагеря, счастье и мечты которых — счастье и мечты Макарова.

В драме «Под золотым орлом» Галан создал замечательные образы советских людей, полные духовной красоты и высокого благородства. «Хоть я и тяжко болен… — говорит в пьесе Дуда, — но душа моя здорова, как никогда раньше, хотя она и видела бездну подлости, но видела и вершины благородства, имя которому — советский человек».

Моральная красота советских людей противопоставлена в пьесе духовному убожеству петерсонов и бентли.

Образ у Галана всегда отличается психологической конкретностью рисунка, всегда общее выражается в индивидуальном, свойственном характеру только данного героя. Петерсон и Бентли — носители одной идеологии. Но мировоззрение каждого из них проявляется в совершенно различных формах. Внешне — это две резко отличающиеся друг от друга натуры. Внутренне опустошенный, движимый в жизни мечтой о служебной карьере Бентли рядится в тогу «романтика». Бентли уверяет окружающих, а иногда и себя, что он «ненавидит пакости», что он, лейтенант Бентли, — «Гамлет», «романтик», «человек цивилизации». Бентли, делая подлости, не хочет сам себе сознаться в этом.

Сущность «гамлетизма» Бентли раскрывает его собственные

слова: «Я не хочу быть свидетелем еще одного преступления, тем более что у меня нет никакой возможности предупредить его». Подобный «гамлетизм» — это «та красивенькая беседка эстетики» (Горький), в которой скрывается буржуазный индивидуалист, оправдывающий себя в своих глазах за соучастие в том, что с точки зрения общечеловеческой морали «некрасиво». «Нежной, романтичной душе» Бентли нужны оправдания. И вот вытаскивается очередная маска — «гамлетизм». Он не имеет ничего общего с трагедией юноши из известной трагедии Шекспира. Это не муки большой человеческой души, страдания чистого и честного человека, который видит подлости жизни и не находит способов борьбы с ними. «Гамлетизм» Бентли — маска мещанина, оправдывающего свою капитулянтскую политику перед злом жизни, это принцип «свободной» (то есть буржуазной) морали. «Границы между добром и злом нет. Все зависит от того, как на это смотрит свободная личность. Всегда найдется принцип, чтобы оправдать свое поведение». Бентли говорит: «Граница между добром и злом давно уже исчезла в природе, если вообще она когда-нибудь существовала». — «Неужели ты, в лучшем случае, только Гамлет?» — спрашивает его Норма. «Сегодня это единственная роль, — отвечает Бентли, — которая дает человеку возможность стать свидетелем не только начала конца, но, пожалуй, и самого конца!» «Быть свидетелем» — это значит, разумеется, быть участником битвы и попутно наживаться на ней. К этому сводится болтовня Бентли о «высокой натуре» и «светлой» душе человека.

Галан заставляет героев «высказывать» свои взгляды и сразу же ставит их перед необходимостью действия. «Я не мастер мокрой погоды», — заявляет Петерсону Бентли. Развитие образа Бентли непосредственно связывается Галаном со стержневой линией пьесы — линией Макарова. Это закономерно. Арест Макарова явился тем переломным этапом в пьесе, тем пробным камнем, на котором должно было в действии проявиться мировоззрение героев. «Честь и честность» Бентли не выдерживают ни одного испытания жизнью. Процесс Макарова определил место Бентли в борьбе за мир и заставил его сбросить маску. «Граница между добром и злом»… «Видишь ли, Эдвин, для тебя эта граница никогда не существовала… Чтоб сохранить остатки своего достоинства, ты… изобрел принцип для оправдания своей капитуляции перед злом… Единственная перемена, происшедшая с тобой за эти несколько лет, была та, что у хищника выросли когти!» — говорит ему Норма. Уже во втором действии драмы есть эпизод, вполне раскрывающий идеологию лейтенанта. Петерсон говорит ему о Норме: «Если

такая надышится красными доктринами, то начнет карьеру с того, что свяжется с первым попавшимся… негром и…»

«Бентли *(вскочив с кровати)*. Моя Норма — и негр? Вы с ума сошли, майор, или *(схватив Петерсона за грудь)*… забыли, что за такое оскорбление иногда расплачиваются кровью».

В этом эпизоде — весь Бентли, стопроцентный расист.

Если бы Бентли действительно был Гамлетом, он никогда бы не мог рассчитывать на сочувствие Петерсона. Между тем их взаимоотношения, в сущности, базируются на отличном понимании друг друга. Петерсон хорошо понимает характер своего подчиненного. «Не смотрите на нее (Европу. — В.Б., А.Е.) сквозь очки лейтенанта Бентли, мисс, — говорит он Норме. — У вас будет двоиться в глазах». В этих словах майора очень глубоко охарактеризована натура «романтика». Иронический смысл фразы Петерсона очевиден: Бентли — человек с двойной душой, двойной бухгалтерией, не нужно доверять его словам. Эта мысль ощутима в реплике Петерсона. «Вы… не мешаете мне, — констатирует он поведение Бентли. — Дальше слов вы не идете!»

Отношение Петерсона к Бентли лучше всяких слов говорит о мировоззрении последнего: он союзник майора, а не враг его.

Ломка сложившегося годами мировоззрения — трудный и длительный процесс.

«Дома нам говорили совсем другое», — вспоминает журналистка Норма, приехав в Европу. Норма могла бы пойти по пути продажных журналистов, где ее ждали блестящая карьера и богатство. Но она выбрала другую дорогу, и не только потому, что знает, «где начинается компетенция всякого порядочного человека», — она понимает, что петерсоны и бентли — враги не только России, но и американского народа.

Галан всегда выступал противником сглаживания и затушевывания социальных конфликтов. Он ненавидел надуманные, далекие от реальной жизни произведения с так называемыми «счастливыми» концовками, бутафорскими героями и стремлениями. О таких «пьесах» он писал в «Дневнике», что «это не только паршивая конфетка, но и отравленная, потому что вызывает у зрителя глубокое отвращение к идее, которой она должна была служить». В представлении Галана идейность неразрывно связана с правдивостью, с реализмом в отображении явлений действительности. С сарказмом говорил он там же о ремесленнической стряпне и скоростных кинофальшивках, о «святой посредственности», которая «не имеет права на сценическую жизнь». Она «наподобие безвредной американской жевательной резинки… подслащенной сахарином».

Галан протестовал против тех критиков его пьесы «Под

золотым орлом», которые предлагали сделать в драме «хэппи-энд», «счастливый конец» и предлагали «воскресить» Андрея Макарова.

«Что значит: воскресни Макаров, — писал Галан переводчику пьесы в 1948 году. — Это значит, во-первых, легкомысленно снизить большую, важную тему и свести ее к мелодраме со счастливым концом». Галан не согласился на подобную переделку пьесы. Он выше всего ставил правду жизни, без которой не может быть настоящего искусства.

Пьеса «Под золотым орлом» по праву прочно вошла в репертуар отечественных и зарубежных театров.

Тревога Галана стала тревогой миллионов.

Полевому запомнился в Нюрнберге и такой разговор: «Когда мы расходились по своим комнатам, я все-таки еще раз сказал:

— Будьте осторожны, Ярослав. Берегите себя.

— Я коммунист, — ответил Галан. И добавил: — Время для благодушия еще не наступило».

«Легче было бы в рукопашной!..»

Против апостолов предательства

Земля, похожая на комья красноватой глины. На тропинках, грязных досках, у кольев с колючей проволокой — серебристые хлопья. Словно серый снег с этого тусклого, плачущего неба посыпал чахлую траву.

Человеческий пепел! Серебристые от человеческого пепла тропинки! Порыжевшая от человеческой крови земля! Двести тысяч женщин, стариков, детей в волчьих ямах. Долина смерти…

— Ярослав, смотри, твой крестник, — спутник Галана поднимает с земли грязный газетный листок. На нем слова: «объединение», «великий гуманизм», «во имя Иисуса».

Шептицкий! Галан отбрасывает газету на землю, припорошенную человеческим пеплом.

Еще в тридцатые годы в журнале «Викна» Галан назвал львовского митрополита Шептицкого, одного из вдохновителей националистических банд, «мутителем святой водички». С тех пор ничего не изменилось. «Святой отец» продолжал благословлять гестаповских выкормышей. Кровавый след бандеровских шаек тянулся к его резиденции — собору святого Юра. Андрей Шептицкий выступил одним из инициаторов создания из кулацкого отребья дивизии «СС-Галиция», бесславно разгромленной у Брод.

Советская Армия, перемалывая гитлеровские дивизии, шла на запад, и то, что открывалось покрасневшим от бессонницы солдатским глазам, переворачивало человеческую душу. Страшным кошмаром преследовали тогда Галана картины Яновского концентрационного лагеря.

Через несколько дней он рассказал об этой «Долине смерти» и о зверствах фашистов людям, переполнившим зрительный зал Львовского театра оперы и балета. Это был вечер в память жертв Львовского гетто.

Когда к преемнику Шептицкого — ныне кардиналу — Иосифу Слипому пришли члены Государственной комиссии по расследованию фашистских зверств с предложением подписать протокол, митрополит категорически отказался, ссылаясь на свою неосведомленность в этих делах и… «на отсутствие достоверных сведений».

— Об этом нельзя не писать, — говорил тогда Галан. — Преступно не говорить! Взять бы за шиворот и притащить туда, к тем рвам, некоторых «демократов», пишущих сейчас о милосердии к эсэсовцам!

Напряженным, побледневшим, сосредоточенным вернулся он

во Львов. Не затихал приглушенный стук машинки в его кабинете, заваленном документами, выписками, книгами. На его столе — «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера. Галан ясно видел, как под дождем по тревожным дорогам Фландрии идет человек, поднимая на бой гордый, свободный народ. «Пепел Клааса стучит в мое сердце», — говорит Тиль. Пепел яновских могил стоял перед глазами Галана осенью 1944 года, яростно стучал в его сердце. Слова, гневные и жгучие, насмерть разящие националистическое отребье, ложились на бумагу.

Когда в августе 1944 года Советская Армия, победоносно завершив бои за Львов, прогнала гитлеровцев прочь с последних клочков украинской земли над Западным Бугом и в Прикарпатье, крестьянство западных областей Украины, преодолевая жестокое сопротивление кулачества, клерикалов, националистов, постепенно становилось на путь сплошной коллективизации. Ярослав Галан считал своим долгом в те дни показать освобожденным землякам, кто являлся врагом коллективизации. Прежде всего это «галицийский кулак, на протяжении 150 лет дрессированный немецкими офицерами в австрийской казарме, ограниченный и тупой, коварный и лицемерный, трусливый и в то же самое время бесцеремонный, жадный и ненасытный, как, в частности, все стяжатели всего мира» (памфлет «Мамелюки»).

Сразу же после освобождения Львова войсками Советской Армии в августе 1944 года в городе стало работать восстановленное отделение Союза советских писателей Украины.

Августовским днем 1944 года группа советских литераторов, прибывших во Львов после освобождения города войсками Советской Армии, обходила пустующие этажи бывшего графского особняка на улице Коперника, отданного под клуб львовских писателей. Работу во Львове, по существу, приходилось начинать сызнова. Необходимо было поскорее активизировать кадры старых, опытных литераторов, растить литературную молодежь.

В эти августовские дни 1944 года писатель Ярослав Галан читал свой доклад о польско-советских отношениях. Он выступает с речью на областном совещании интеллигенции Львовской области, которая затем была опубликована в виде очерка под названием «Право на гордость» на страницах областной газеты.

«Нам нельзя ни на минуту забывать, — говорил Галан, — что национальная вражда — это оружие, которым особенно охотно пользуется враг. Бороться с нею — это значит спасать сердца и умы нашей молодежи, это значит направлять наши западноукраинские земли на путь прогресса, на путь великого человеческого счастья, за которое боролись и умирали герои Севастополя, Сталинграда и… Праги.

Пусть же каждый наш ребенок уже в самом начале его сознательного существования узнает священную правду о том, что во львовских скверах в солдатских могилах наших освободителей спят рядом друг с другом сыновья Днепра и Волги, сыновья великих братских народов, плечом к плечу прошедшие трудный и славный путь от Сталинграда до Будапешта, к чьим победоносным шагам с радостным трепетом сердца прислушивалось все, что есть в мире чистого, честного и благородного. Пусть запомнят они на всю жизнь, что в великой семье… были герои, которые не только сумели отстоять свою свободу, но и вынести ее знамя за Вислу, за Дунай, к Адриатическому морю, туда, где еще недавно гитлеровский варвар считал себя полновластным триумфатором».

Это страстное выступление, как и многие другие публичные выступления Галана, явилось прямым следствием того, что увидал и услышал писатель по возвращении на Родину.

Голос писателя-борца слышен не только у него на Родине, но и далеко за океанами. Работающий и поныне в Канаде прогрессивный журналист и общественный деятель Петро Кравчук рассказывает, что многие статьи Ярослава Галана Славянский комитет в СССР пересылал для украинской прогрессивной прессы за океан. Только в одной газете «Украинське життя» в 1943–1946 годах было напечатано десять статей Галана. Среди них «Земля в огне», «Иуды и провокаторы», «В черной яме предательства и преступлений», «За свободную и воссоединенную Украину».

«Не будет преувеличением, — пишет П. Кравчук, — если скажу, что статьи Ярослава Галана, которые перепечатывались в „Украинськом житти“ и „Украинськом слове“, открыли глаза многим украинцам в Канаде и помогли им увидеть в подлинном свете всех тех националистических бродяг, которые, воспользовавшись конъюнктурой „холодной войны“, пробрались из Мюнхена, Аусбурга и Миттенвальда в Канаду и Соединенные Штаты Америки.

Печатая статьи и памфлеты Ярослава Галана, украинская прогрессивная пресса за океаном включила его в состав своих внештатных сотрудников».

Галан не ждал, пока собранные им впечатления отложатся. Он вторгался в жизнь сразу и, когда не было времени писать, выступал с трибуны. Видя значительно дальше тех своих земляков, которые были еще одурманены вражеской пропагандой, певец воссоединения Западной Украины с Советским Союзом Галан смело, бесстрашно рубил когти вражеской агентуры. Разноликие враги украинского народа боялись его разоблачений.

Однажды поздней декабрьской ночью 1947 года в номере гостиницы «Москва» Ярослав Галан много и горячо говорил о прозорливости Ильича, который сумел еще в первые годы нынешнего века заметить и разоблачить в числе прочих врагов трудящихся и Донцова — будущего духовного отца украинского фашизма.

— Как жаль, — хмуро сказал тогда Галан, — что есть у нас на Украине отдельные литераторы, которые забывают мудрый наказ Ильича о борьбе с национализмом и «своим» и «чужим» и, по существу, самоустраняются от идейной борьбы с остатками националистической идеологии! А ведь пока существует капитализм, он будет пытаться разъединять трудящихся с помощью националистической заразы.

Борьба, которую вел Галан, была схваткой врукопашную почти в буквальном смысле этого слова.

В своей речи на областном совещании интеллигенции Львовской области Галан напомнил землякам о предателях, которые еще остались на освобожденной земле Западной Украины.

«Не забывайте, что гитлеровцы подготовили себе здесь людей, которых трудно не назвать предателями, — ведь они на несчастьях и крови своих сограждан строили собственное, личное благополучие. Это те, кто помогал фашистам срывать со своих братьев одежду, чтобы потом вынести ее на базар.

Это те, что, избавившись от последних остатков человеческой и национальной чести, снюхались с гитлеровскими оккупантами и на совместной с ними спекуляции награбленным народным и частным имуществом сколотили немалые капиталы.

Судьба отечества, украинского народа была им безразлична, их душу не тревожили ни видения Майданека, ни живьем сожженные дети Полтавщины. На горе и крови народа выросла целая общественная прослойка, — говорил писатель, — я бы сказал, прослойка, лишенная каких бы то ни было норм, ненасытное сборище бесцеремонных торгашей, готовых продать родную мать, если только кто-либо хорошо за это заплатит…

Их мало, но вполне достаточно, чтобы отравлять нам воздух. Это они сегодня являются основной базой для польских и украинских националистических банд. Это из их среды исходят антисоветские провокации. Эти выкормыши гестапо и побратимы немецких мародеров никак не хотят заняться честным трудом. Одни из них голосуют ночью на стенах за „польский“ Львов, другие тайком поддерживают гестаповских агентов из бандеровских шаек. Но что бы ни говорили эти продавцы душ, как бы ни распинались в декламациях, мы видим, хорошо видим на

их руках когти фашистских предателей. Отрубить эти когти — долг каждого из нас! Интеллигенция Львовщины должна напрячь свои силы, чтобы разрушить работу этой вражеской агентуры».

И это не было во Львове той поры сгущением красок.

8 февраля 1945 года один из молодчиков, посланный руководителями шайки польских националистов, проникает обманным путем в квартиру польского друга Ярослава Галана — подлинного интернационалиста, доктора медицинских наук, участника первого мирового конгресса физиологов в Ленинграде Здислава Белинского.

Здислав Белинский был человек отзывчивый, смелый, отважный боец. В разгар самого страшного фашистского террора он не побоялся заехать на открытой пролетке в кварталы львовского гетто и вывезти оттуда своего учителя — профессора физиологии Адама Бека.

Под видом медикаментов, присланных доктору Белинскому от его «коллеги из Люблина» (а Белинский ждал этих медикаментов!), молодчик из националистической террористической организации вручил жене Белинского «сюрпризную коробку», наполненную взрывчаткой, и, поцеловав элегантно «пани докторовой» руку, исчез. Доктор Белинский выходит в халате из ванны, развязывает ленточку, перевязывающую коробку, не подозревая того, что освобождает тем самым ударный механизм взрывателя, и в момент страшного грохота падает, окровавленный, на пол.

А спустя некоторое время на землю Лычаковского кладбища падает сраженный пулей террориста доцент Львовского политехнического института Донат Ленгауэр. Он пришел на могилу отравленного польскими шовинистами сына, но националисты не простили ученому ни его участия в Союзе польских патриотов, ни сбора средств на самолет «Львовский политехник» и пулей в затылок оборвали его жизнь.

Ярослав Галан уже тогда понимал, что он тоже находится под прицелом наемных убийц из лагеря Бандеры и НСЗ, но сознание опасности не помешало ему написать один из самых острых своих памфлетов — «Заклейменные», в котором, между прочим, говорилось: «Особенно одиозной личностью для гестаповской агентуры становится партизанский врач, доцент Львовского медицинского института Белинский. Почему? Потому что этот молодой талантливый ученый считал своим долгом выступить перед польской общественностью со словами великой правды об общности интересов славянских пародов, о том, что без советско-польской дружбы нет и не может быть свободной, независимой, демократической Польши».

Когда Галан писал эти строки, он знал, что «рыцари» из шаек вожака НСЗ Богуна уничтожают на территории Келецкого воеводства партизан из Армии Людовой и всех тех честных поляков, кто помогал мстителям из отрядов Мечислава Мочара, «Бжозы» — Борецкого, Гжегожа Корчинского и других отважных сыновей польского народа, которые, подобно доктору Здиславу Белинскому во Львове, не боялись ни анонимных писем, ни других вражеских угроз, ни пуль из-за угла.

Теперь уже хорошо известно, что еще задолго до того, как был убит бандеровцами из сотни «Хрина» легендарный полководец и один из главных организаторов вооруженной борьбы польского народа против гитлеровских захватчиков, герой Испании генерал армии Кароль Сверчевский-Вальтер, осенью 1945 года, встретясь на одной из очередных явок под Великими Мостами с окружным руководителем подполья ОУН «Демьяном», другой бандитский вожак — «Вороной» — давал своему подчиненному директиву убить Галана: «Ибо он нам мешает своими статьями».

А Галан продолжал писать эти гневные, разоблачительные статьи, выступать с докладами, лекциями. Его статья «В общей борьбе», вначале названная «Слово к братьям полякам», — программный документ, определяющий подлинно пролетарский интернационализм писателя.

Галан напоминает врагам польско-советской дружбы, что еще на львовских баррикадах 1936 года было доказано «братство крови и братство общей борьбы» славянских народов. Советский боец и польский солдат проливали кровь в годы Отечественной войны за общее дело, «имя которому по-польски — „Вольна Польска“, а по-украински — „Вильна Украина“».

Галан, понимая, как важно это единение польского и советского народов, отдал немало сил укреплению этих связей. Он постоянно сотрудничает во львовской газете «Червоный штандар», предназначенной для поляков, живущих в городе, поддерживает большую дружбу с коллективом польского театра, работавшего тогда во Львове. Для этого театра Галан перевел пьесу А. Корнейчука «Миссия мистера Иеркинса в страну большевиков». Заслуженный деятель искусств УССР, известный польский актер и режиссер Бронислав Домбровский и тонкий комедийный актер Тадеуш Сурова были его личными друзьями. Писатель часто посещал репетиции театра, много сделал для улучшения его репертуара.

В очерке «В общей борьбе» Галан писал:

«…Польскому народу есть чем гордиться. История его борьбы за свободу и независимость — это не только история его

страданий, но и его славы. Поэтому мы склоняем головы перед тенью Костюшко, поэтому мы снимаем шапки перед знаменами солдат его дивизий.

Если сегодня, в дни, которые будут решать, возможно, судьбу столетий, вместе с нами идут и поляки, идут за правду, то это добрый знак, что будущее — хорошее и гордое, будет на самом деле нашим и их будущим, как наша свобода становится их свободой; таким образом, доля их последующих поколений не будет долей их отцов, долею, говоря словами польского поэта, „знамен, взорванных бурей“, а будет тем, что мы называем простым и великим человеческим счастьем».

Такие строки мог написать только подлинный пролетарский интернационалист.

У националистов-«упырей», как их назвал Галан в одноименной статье, написанной в 1946 году, «есть своя история. Пока бандеровский цыпленок вылупливался из яйца, это яйцо долгое время грелось в инкубаторе Грушевского и Ефремова, в инкубаторе человеконенавистничества и бандитизма. Нужно понять, что нельзя целиком и полностью искоренить бандеровщину, не искоренив целиком и до конца влияние идей Грушевского и его вдохновителей».

Сколько великих событий пережила Украина от тех лет, когда звучал голос Франко, до сороковых годов XX века, но природа национализма не изменилась. Националисты меняли хозяев, но, как писал Галан, отцом их предательства всегда был страх, а матерью — ненависть. Объятые ненавистью к стране социализма и страхом перед своим народом, они все свои надежды возлагали на международную реакцию. Их мнимая борьба за «вильну Украину» в действительности была злобной грызней из-за добычи; эта грызня стоила жизни не одному бандиту-оуновцу. Первым погиб сам Петлюра, глава «Националистической директории». В 1926 году его пристрелили среди бела дня прямо на улице. Занявший его место Евген Коновалец погиб от взрыва «адской машины», врученной ему в «ценной посылке». Ничего не подозревавший Коновалец, полагая, что перед ним давно ожидаемая посылка с ценностями, вскрыл ее и был разорван на куски. «Наследие» Петлюры и Коновальца принял Степан Бандера. «Оно состояло, — как писал Курт Рюкман в книге „Сенсация: убийство!“, — прежде всего в обязанности работать на немцев — точнее, на немецкую разведку».

В неопубликованной рецензии на книгу О. Мстиславца (псевдоним В. Беляева) Галан пишет, что нельзя критиковать украинский буржуазный национализм вне связи с той «социально-экономической почвой», на которой он вырос, что история ОУН

начинается еще задолго до формального объединения националистов в современные партии и группировки.

Галан дает последовательную критику национализма, обращая внимание на вопрос о классовом содержании лозунга «Борьба за самостийну Украину». Этот лозунг неизменно выражал стремление украинской буржуазии освободиться от более сильных конкурентов — капиталистов России, Австрии, Германии, Польши — и добиться большей политической и экономической самостоятельности в деле эксплуатации трудящихся своей страны. И именно поэтому борьба за «самостийну Украину» всегда на деле означала борьбу за укрепление господства буржуазии, борьбу с революционным движением.

Для Галана простые люди и Востока и Запада были одинаково дороги. И ему ненавистна была всякая реакция, независимо от ее национальной принадлежности. «Мы знаем, — писал Галан, — что есть две Америки, что есть две Европы. Мы на стороне Европы Джордано Бруно, Галилея, Мюнцера, Ньютона, Марата, Гарибальди, Гюго, Пастера, Роллана, Маркса, Энгельса, Либкнехта, но мы непримиримые враги Европы инквизиции Карла и Борджиа, Екатерины Медичи, Наполеона III, генерала Галифе, Бисмарка, Вильгельма II, Муссолини, Гитлера… Мы знаем, почему те, кто сегодня преклоняется перед Западом, преклоняются именно перед этой второй Европой…»

Задача Галана по разоблачению бандеровщины была не из легких. Дело в том, что в истории этой бандитской организации одна специально сфабрикованная ложь громоздилась на другую, и всему этому был придан, как писал Галан, «заманчивый привкус правды».

Бандера, мечтавший сделаться диктатором Украины, действительно вел хитрую игру.

Как взаимосвязаны, размышлял Галан, казалось бы, такие внешне взаимоисключающие друг друга события: октябрь 1933 года — убийство бандеровцами во Львове секретаря советского посольства Майлова; июнь 1934 года — убийство Бронислава Перацкого — польского министра внутренних дел, в том же месяце — убийство Ивана Бабия, руководителя организации «Католическое действие»…

Это было неслыханно даже в условиях реакционного режима Пилсудского. Бандеру и нескольких его подручных судили и отправили в тюрьму для каторжников, где они просидели до 1 сентября 1939 года — дня нападение фашистов на Польшу. Бандера, показывает Галан, зарабатывал «моральный капитал». И перед своими фашистскими хозяевами — убийство Майлова, — и

перед галицийским мужиком — убийство Перацкого.

Готовился спектакль «производства» Бандеры в «народные вожди» и «защитники интересов галицийского хлебороба».

Спектакль, говорит Галан, обернулся фарсом и подлостью. В годы Великой Отечественной войны Бандера показал, какой он «народный вождь».

О том, какую долю украинскому народу готовили фашисты и их прислужники — украинские буржуазные националисты, говорят официальные гитлеровские документы. Сошлемся на некоторые документы, к которым обращался Галан и на которых он строил свои выводы. Палач украинского народа гаулейтер Эрих Кох на совещании в Ровно (26–28 августа 1942 года) заявил: «Нет никакой свободной Украины. Цель нашей работы должна заключаться в том, что украинцы должны работать на Германию, а не в том, чтобы мы делали этот народ счастливым. Украина должна дать то, чего не хватает Германии. Эта задача должна быть выполнена, несмотря на потери…» Бывший генерал-губернатор Польши Ганс Франк 12 января 1944 года записал в своем дневнике: «Если бы мы выиграли войну, тогда, по-моему, поляков, и украинцев, и все то, что шляется вокруг, можно превратить в рубленую котлетку. Пусть будет что будет».

Галан показывает, что после разгрома гитлеровской Германии вожаки бандеровских шаек укрылись в западных зонах оккупации Германии. Связь бандеровцев с реакционными военными кругами Америки и Англии прочно сложилась еще в дни войны.

В 1945 году Степан Бандера, спасаясь от Советской Армии, бежал в американскую зону оккупации Германии. Здесь его зарегистрировали как «перемещенное лицо». В лагерях для «перемещенных лиц» этот «изгнанник» и принялся восстанавливать ОУН. Он окружил себя группой вооруженных до зубов старых оуновцев, которые при благожелательной поддержке американцев хозяйничали в лагерях «перемещенных лиц» как только хотели.

С распростертыми объятиями принимал Бандера бывших «соловьев» и всех, кто так или иначе сотрудничал с немцами или когда-либо боролся против Советского Союза.

Самых надежных он передавал американской и английской разведкам. В специальных школах их обучали — да и сейчас обучают — методам восстановления разбитой в пух и в прах старой бандеровской организации, инструктировали, как шпионить и вредить. Это убедительно доказано в книге французского журналиста А. Герэна «Серый Генерал».

В статье «Из ямы» Галан рассказал о кровавых преступлениях

Ф. Коваля — одного из вожаков бандеровских шаек. Ф. Коваль поджигал по ночам хаты колхозников, убивал мирных людей. «Последними вурдалаками» называет писатель грязное униатское и бандеровское охвостье, ведущее самыми бесчестными методами борьбу против собственного народа.

Один из самых яростных памфлетов Ярослава Галана — «Чему нет названия» — начинается с такой сцены:

«Четырнадцатилетняя девочка не может спокойно смотреть на мясо. Когда в ее присутствии собираются жарить котлеты, она бледнеет и дрожит, как осиновый лист. Несколько месяцев назад в воробьиную ночь к крестьянской хате недалеко от города Сарны пришли вооруженные люди и закололи ножами хозяев. Девочка расширенными от ужаса глазами смотрела на агонию своих родителей.

Один из бандитов приложил острие ножа к горлу ребенка, но в последнюю минуту в его мозгу родилась новая идея.

„Живи во славу Степана Бандеры! А чтобы, чего доброго, не умерла с голоду, мы оставим тебе продукты. А ну, хлопцы, нарубите ей свинины!“

„Хлопцам“ это предложение понравилось. Они постаскивали с полок тарелки и миски, и через несколько минут перед оцепеневшей от отчаяния девочкой выросла гора мяса из истекающих кровью тел ее отца и матери!..»

После зверств гитлеровцев во время войны люди уже перестали чему-либо удивляться.

— Неужели могло быть такое, Ярослав Александрович? Вы, наверное, немного сгустили краски? Кто мог воспитать подобных чудовищ? — спросили читатели Галана.

Всегда добрые, светлые, доверчивые глаза Галана стали грустными. Он сказал глухо:

— Это было! Мне рассказал эту историю в Киеве полковник Макс — один из партизанских вожаков на Волыни. Он сам разговаривал с девочкой и видел изуродованные трупы ее родителей. Кто воспитал, вы спрашиваете? Прежде всего организация украинских националистов и протежирующая им униатская церковь. Правда, церковники действовали хитрее. Не всегда они говорили прямо: «Иди и убивай!» Они натравливали исподтишка и, самое главное, все время попустительствовали кровавому разгулу фашизма. Чего там греха таить, долгие годы митрополит Шептицкий пользовался большим авторитетом среди верующих. Его называли «украинским Моисеем», прислушивались к каждому его слову. Так вот, стоило бы Шептицкому выступить с амвона против таких чудовищных зверств, стоило ему осудить их, поверьте, эти слова припугнули бы «резунов». Но он не сделал

этого. Целые села сгорали на Волыни, подожженные бандеровцами; убивали женщин и детей, сажали их на колы, а Шептицкий в это время принимал у себя здесь, в палатах, сановных гостей из гитлеровского рейха…

С крестом или ножом!

В первые послевоенные годы выходят памфлеты Галана «Довольно!», «С крестом или ножом?», «Что такое уния» (памфлет «Довольно!» первоначально напечатан под псевдонимом Игорь Семенюк, «С крестом или ножом?» и «Что такое уния» под псевдонимом Володимир Росович), «Сумерки чужих богов» и другие.

Галан хотел бы писать о другом — о мирной, созидательной жизни людей, о творчестве, об искусстве. Но он не мог молчать, когда последыши фашизма поднимали головы, когда святоюрский энклав снова начинал благословлять бандеровское подполье на убийство из-за угла. «Галан говорил, — рассказывает М. А. Кроткова-Галан, — что писать статьи, памфлеты, разоблачающие реакционные круги католической церкви, униатских „адептов Гитлера“, он считал своим долгом, делом совести писателя». Изданные многочисленными тиражами, эти памфлеты появились как нельзя более своевременно.

Митрополит Андрей Шептицкий умер 1 ноября 1944 года, а уже весной 1946 года греко-католическая церковь разорвала религиозную унию с папским Римом.

Притаившиеся враги — клерикалы и кулачество — объединились в борьбе с новой жизнью. Они использовали в этой борьбе все — от мифов о покойном митрополите до оружия. Миллионам верующих нужно было показать подлинное лицо Шептицкого, раскрыть весь тот вред, который принесла народу религиозная уния с Ватиканом, и тем самым лишить бандитское подполье возможности спекулировать на религиозных чувствах людей; нужно было окончательно подорвать престиж униатской церкви на Западной Украине, разоблачить ее преступное лицо. Необходимо было рассказать трудящимся Закарпатья о том, сколько крови и страданий принесло реакционное церковничество на берега Тисы и Латорицы. В памфлетах писатель раскрывает историю униатской церкви на всем протяжении ее существования, начиная с Брестской унии 1596 года.

Галан поднимает историю, которую отцы-иезуиты всеми силами старались похоронить или сфальсифицировать: народ не желал мириться с обнаглевшими поработителями и поднялся на борьбу. Она вылилась в единственно возможную в то время в закарпатских условиях форму — массовое возвращение в лоно православной церкви. Галан приводит факты из архивных документов. Инициаторами движения выступили крестьяне села

Иза. Девяносто процентов жителей этого села порвало с католичеством. Вскоре движение охватило всю территорию Закарпатской Украины. Над унией нависла смертельная опасность. Иезуиты начинают действовать. С помощью провокатора — униатского попа Андрея Аради — мадьярская жандармерия производит массовые аресты среди крестьян. Вскоре состоялся I Мармарошский судебный процесс. Крестьяне Изы получают по году и более тюрьмы.

Но остановить движение уже было невозможно. Спустя два года состоялся новый судебный процесс (II Мармарошский). Подсудимых обвинили в государственной измене, подвергли избиению. Некоторые из крестьян сошли от пыток с ума. Тридцать два человека были снова приговорены к тюремному заключению. Приводя все эти факты, Галан разоблачает клерикальных и националистических писак, утверждавших, что «уния несла свет западной цивилизации», — нет! — «цивилизацию» виселиц, «свет» пожаров, камеры пыток несли униаты украинскому народу.

Захватническим планам врагов народа не суждено было осуществиться. Пятидесятилетие установления унии народ встретил освободительной войной под предводительством Богдана Хмельницкого. Вместе с польской шляхтой были изгнаны и ненавистные народу униаты. 8 января 1654 года историческая Переяславская рада, выражая волю всего украинского народа, объявила о воссоединении Украины с Россией. «Из замысловатых планов врагов Руси почти ничего не вышло, — пишет Галан в памфлете „Довольно!“. — …Гора родила мышь. Униатская церковь, церковь измены и продажничества, под охраной полицейского оружия, нашла пристанище лишь на землях Галиции, в Холмщине и частично в Белоруссии».

Памфлет «Что такое уния» является серьезным научным исследованием. Анализ источников, которые изучал Галан, свидетельствует о необыкновенно большой и кропотливой работе, проведенной писателем. Документы, использованные им в главах «Первые предатели», «Голос православных», «Брест», «Террор», «Униатский святой», «Путь мученичества народа», говорят о глубинном знакомстве Ярослава Александровича с исторической литературой. Здесь использовано сочинение М. Кояловича 1850 года «Литовская церковная уния» и изданные в 1889 году «Записки о Московской войне» Гейденштейна, где Галан почерпнул ряд сведений о князе Острожском, протестовавшем против заключения унии, и «Акты, относящиеся к истории Западной России», напечатанные в середине прошлого века. На документах последнего источника в значительной степени

построена глава «Брест». Из IV тома «Актов» взято, в частности, воззвание православного духовенства, присутствовавшего в Бресте и призвавшего мирян не подчиняться епископам-униатам. В главах «Террор» и «Униатский святой» использованы, как правило, книги середины и конца прошлого века — работа А. Демьяновича «Иезуиты в Западной России», «Витебская старина» А. Сапунова, «Иосафат Кунцевич — полоцкий униатский архиепископ», «Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов» и другие. Мы не говорим уже о материалах архивов.

Современному, особенно молодому, читателю может показаться странным, как это у Галана — воинствующего атеиста, в памфлете «Довольно!» и «Что такое уния» критикуемой греко-католической, униатской церкви как бы противопоставляется церковь православная и особо подчеркиваются заслуги борцов с униатством «за веру прадедов — православие». Все это было связано у Галана с задачей развенчать господствующую униатскую религию и поддержать движение миллионов верующих Западной Украины за разрыв унии с Ватиканом и возвращение в лоно православной церкви, которая благодаря исторически сложившимся обстоятельствам трехвековой политической борьбы в Галиции носила прогрессивный характер в том смысле, что православие означало единение с русским народом, а униатство — разрыв с ним.

Униатская церковь сделала все, чтобы крестом и ножом расчистить путь к власти лютым врагам украинского народа — буржуазным националистам, чтобы оуновские бандиты получили возможность осуществить свои кровавые планы. Во всех преступлениях желтоблакитной своры прямое участие принимало униатское духовенство.

И тех и других породило и поддержало тупое, «воспитанное на немецких подачках» (Галан) западноукраинское кулачество. Писатель вел терпеливую разъяснительную работу с верующими трудящимися. Там, где реакция, враги народа использовали религию для антинародной, преступной деятельности, он, как и все коммунисты, решительно выступал против такой религии.

Многое, о чем писал Галан, предстало в еще более мрачном свете после его смерти, когда мы увидели развитие событий и глубже уяснили природу их. После смерти митрополита Шептицкого папский Рим поставил вопрос о причислении покойного к лику святых. Один из биографов и воспитанников Шептицкого, некий священник М. Гринчишин, немедленно выпустил на итальянском языке жизнеописание нового кандидата в святые. Другие деятели греко-католической церкви в Европе и

за океаном, особенно в Канаде и Соединенных Штатах Америки, начали усиленную, так сказать, «предвыборную кампанию за будущего униатского святого». В различных клерикальных изданиях стали появляться огромные статьи о Шептицком, прославляющие «заслуги» этого «украинского Моисея»: огромными тиражами выпускались и раздавались верующим во время богослужений изображения митрополита с текстом молитв, посвященных ему. С этих маленьких, размером в визитную карточку, кусочков картона глядел седовласый большеголовый старец с глубоко запавшими глазами. А уже совсем недавно, в феврале 1964 года, многие клерикальные газеты за рубежом опубликовали интервью с Иосифом Слипым, в котором новый «архиепископус майор», а затем и кардинал сообщил, что он сделает все возможное для ускорения причисления Андрея Шептицкого к лику святых.

В процесс беатификации — подготовки к причислению кандидата к лику святых — митрополита Шептицкого несколько лет назад подключился реакционнейший из журналов польской эмиграции — ежемесячник «Культура», издаваемый в Париже. В этом журнале была опубликована статья «Актуальность Шептицкого», автор которой с видимым удовольствием сообщал, как преобразился дряхлый старец, как только осенью 1939 года советские войска вышли на улицы Львова. Давняя ненависть к коммунизму придала силы «великой белой голове». По словам «Культуры», это событие «застает Шептицкого на семьдесят четвертом году жизни, почти целиком парализованным. Вместо депрессии он проявляет невиданную энергию: организует заново всю религиозную жизнь Галиции, запрещает священникам покидать свои парафин, подготовляет верующих… собирает под носом НКВД диецизиальный (епархиальный. — В.Б., А.Е.) синод…».

Парижская «Культура» не сообщает главного, о чем мы уже рассказывали на страницах этой книги: повышенная активность Шептицкого в те годы полностью совпадала с усилившейся деятельностью немецкой военной разведки.

Вот почему Галан предает гласности документы, которые теперь, после победы над фашизмом, отцы-иезуиты предпочитали не вспоминать.

Шептицкий — «патриот Украины»? Ирония — Галан видит это — зародится в душе самого «твердокаменного» верующего, когда он ознакомится с таким, скажем, «патриотическим словом» митрополита, с каким он 5 июля 1941 года обратился к духовенству и верующим архиепархии: «Каждый душепастырь обязан в ближайшее воскресенье после получения этого призыва

отправить благодарственное богослужение и после песнопения „Тебя, боже, хвалим…“ провозгласить многолетие победоносной немецкой армии…» Все это апологеты митрополита, говорит Галан, пытаются теперь затушевать, распространяя утверждения, что «митрополит бесстрашно выступал против карательной политики нацистов и был очень невыгоден для них».

Или другое послание «патриота» к духовенству от 10 июля 1941 года, которое было опубликовано не только в «Архиепархиальных ведомостях», но и на страницах так называемой «светской» фашистской прессы. Генерал во Христе писал: «Надо также обратить внимание на людей, которые искренне служили большевикам… опасаться их, не допускать ни к какой общественной работе… Душепастырь обязан иметь наготове флаг немецкой армии… на нем на белом фоне должна быть вышита свастика».

Таким образом, иронизирует Галан, уже из текста этой инструкции становится ясно, что та самая греко-католическая церковь, которая, если верить клерикалам, «не вмешивалась в политику», с первых дней немецкой оккупации не только приветствовала оккупантов, но и принимала прямое участие в создании органов гитлеровской администрации, призванных помогать гитлеровцам грабить Украину.

Имя Шептицкого пытаются сделать знаменем в борьбе против коммунизма. Именно поэтому, считал Галан, народы должны знать всю правду о мертвом графе и его агентуре.

Объединившись с униатами, недобитые кулаки и националисты и после окончания войны всеми силами старались мешать народу строить счастливую жизнь. Они вредили в молодых колхозах, стремились сорвать посевные, убивали из-за угла. Кровавым следом тянулись из лесов пути бандеровских убийц к Святоюрской горе, которая становится, как писал Галан, «снова местом паломничества энтузиастов Бандеры и Мельника, а митрополичья курия — их единственным легальным центром». Преисполненные гнева четыре с лишним миллиона верующих Западной Украины требуют разрыва с вдохновителями митрополита.

Собор греко-католической церкви Западной Украины единогласно поддержал предложение протопресвитера Костельника о разрыве с Ватиканом. Постановлением греко-католической церкви во Львове, в кафедральном храме святого Юра, 8–10 марта 1946 года была ликвидирована позорная трехсотлетняя Брестская уния, причинявшая столько горя и страданий украинскому народу.

Галан необычайно точно определил значение этого события в

глазах тех влиятельных кругов высшей католической иерархии, которые никак не могли отказаться от навязчивой идеи организации «крестового похода» против коммунизма: «…Был бесповоротно потерян чудесный плацдарм для прыжка на славянский Восток; кроме того, был нанесен жесточайший удар авторитету святого престола. Это прецедент, не имеющий себе равных в истории католицизма, прецедент, несущий в себе угрозу дальнейших „отступииичеств“, еще более массовых, еще более катастрофических…»

Иезуиты не могли примириться с этим событием. Они прибегают снова к испытанному методу — убийству из-за угла. Вскоре Гавриил Костельник был наповал убит возле самой церкви разрывными пулями, выпущенными рукой наемника. Но уничтожением отдельных лиц уже нельзя было исправить непоправимое: навсегда бесславно погибла рожденная предательством униатская церковь. Убийство Г. Костелышка показало, что реакционные униаты не сложили оружия, что они и в дальнейшем намерены всеми способами вредить украинскому народу, что они никогда не примирятся с потерянным.

И Галан предупреждает людей об опасности, призывает их к бдительности, к беспощадной борьбе с последышами униатских банд. Особенно теперь, в годы великих перемен, в годы похода человечества на завоевание достойных его вершин. Клика людей, которая не хочет смириться с ростом силы и могущества лагеря демократии и социализма, «мечется, перепуганная и ошалелая… плюется, кусает, сеет смерть и трупным смрадом отравляет воздух наших дней». Эта клика не сдает своих позиций без боя, говорит Галан.

«С давних исторических времен католицизм был всегда заядлым врагом славянства, и кто знает, не принес ли ему больше вреда, чем все кровавые войны с мадьярами, немцами и татарами». Это строки из статьи замечательного украинского писателя-революционера Ивана Франко «Католический панславизм», написанной еще в конце XIX века.

Ярослав Галан и его соратники с самого начала своей деятельности разоблачали происки католической церкви. Но тогда, в тридцатые годы, наблюдения Галана ограничивались пределами Галиции. Жизнь на советской земле, пребывание в Нюрнберге и других городах Западной Германии, поездки по странам народной демократии обогатили жизненный опыт писателя. Теперь он уже ясно видит место католической реакции в борьбе всех черных сил планеты с народами.

Как Вергилий показывает Данте огненные круги ада, так и Галан ведет читателя по старой и новой истории католицизма,

заставляя современников раскрывать души, древние камни — рассказывать о пережитом, сравнивать и сопоставлять в поисках единственно правильной, обжигающей сердце правды.

П. Павленко, посетив Рим, с иронией заметил: «Если бы богомольцев, доверчиво прибывающих в Рим со всех концов земного шара, водили не только по церквам, где хранятся пеленки Иисуса или тридцать сребреников Иуды, а показали бы им сребреники пап, — религиозное путешествие носило бы, безусловно, более увлекательный характер».

Это не случайное замечание. Папская держава «божьих наместников», показывал в своих памфлетах Галан, давно превратилась в одно из крупнейших капиталистических предприятий, прибыли от которого и составляют основные интересы папской курии. Прямо скажем, не блещет святостью лицо «наместников божьих».

«У Пия XII 260 предшественников, — писал Галан, — история их жизни и деятельности — это история крови и позора. Даже в тумане раннего средневековья мы не обнаружили такого государства, такой власти, которая бы настолько прославилась двоедушием, лицемерием, алчностью, продажностью, тайными и явными убийствами, грабежами и темными махинациями, как папская держава „божьих наместников“.

Сейчас политика Ватикана во многом изменилась: папа не может не учитывать волю народов к миру. Но нельзя забывать историю!..»

Галан создает памфлеты, показывающие гнусную роль профашистски настроенных сил католической церкви в борьбе со свободными народами: «Отец тьмы и присные», «Апостол предательства», «Исшедшие из мрака», «Сумерки чужих богов» и другие. Вызывая неистовую злобу мракобесов в черных сутанах, повторными изданиями выходят памфлеты «С крестом или ножом?», «Что такое уния», «Довольно!».

Следует заметить, что Галан никогда не отождествлял верующих католиков и священников, стремящихся честно служить своему народу и выступающих за мир, с откровенно реакционными деятелями католицизма или с верхушкой контрреволюционной прогитлеровской клики митрополита Шептицкого.

Но среди реакционных кругов католической церкви было немало таких людей, которых Галан справедливо относил к «церковному фашизму». В годы Великой Отечественной войны они крестом и ножом верно служили гитлеровцам, а в послевоенный период встали на путь открытой борьбы с лагерем мира и демократии. К ним принадлежал небезызвестный

кардинал Миндсенти, зло высмеянный писателем в памфлете «Отец тьмы и присные».

Кардинал Миндсенти, глава католического духовенства Венгрии, объявил войну республике. «Замок этого феодала в митре превратился в последний бастион венгерской Вандеи». Не случайно в памфлете появляется характеристика знаменитого французского департамента, ставшего символом контрреволюции. Но эта «Вандея» середины XX века качественно изменилась: не имея ни силы, ни возможностей вести открытую вооруженную борьбу с народом, шпионы в рясах нашли другие методы. Кардинал Миндсенти, сотрудничая с агентами иностранной разведки, требует «крестового похода» против народной Венгрии, подготавливает монархический переворот, спекулирует иностранной валютой, вооружает банды убийц.

Польские кардиналы Хленд и Сапега превратили монастырские кельи в логова убийц, мишенью которых была вся молодая Польша.

Так же действовали профашистские и националистически настроенные церковники в Словакии, пока народ не вознес главаря контрреволюционных банд монсиньора Тисо на виселицу.

Разоблачая фашиствующих иезуитов, Галан обращается к образам комедии Шекспира «Виндзорские кумушки». Писатель с сарказмом замечает, что иезуиты, видимо, хорошо помнили афоризм из «Виндзорских кумушек» Шекспира: «Где деньги идут впереди, все дороги открыты там настежь».

В памфлете существует подтекст, основанный на ассоциациях с похождениями Фальстафа. Было бы неправильно думать, что Галан отождествляет идеологию реакционных католиков, иезуитов с идейным содержанием этого образа. В памфлете «На службе у сатаны» существует другая, своеобразная подтекстовая параллель. Как известно, похождения рыцаря Фальстафа, считавшего, что «деньги… всюду дорогу пробьют», кончаются тем, что его выносят в корзине с грязным бельем и вываливают в реку. Используя этот афоризм, Галан не только вызывает у читателя в памяти все эти события, но и связывает, ассоциирует путь реакционных католиков, возлагающих все надежды на доллар, с путем шекспировского героя, конец которого так символичен для людей, уверовавших только в силу «желтого дьявола».

Галан пишет, что принципы политики реакционных церковников раз и навсегда определил Игнаций Лойола, основатель и первый генерал ордена иезуитов.

Цель оправдывает средства, поучал Лойола иезуитов. «Если церковь утверждает, что то, что нам кажется белым, есть черное, — мы должны немедленно признать это!.. Не следует

сразу заговаривать о вещах духовных с теми людьми, которые поглощены материальными заботами: это значило бы закидывать удочку без приманки… Входите в мир кроткими овцами, действуйте так, как свирепые волки, и, когда вас будут гнать, как собак, умейте подкрадываться, как змеи». Подобные инструкции, говорит писатель, с успехом служили своеобразным учебным пособием в школах и иезуитских пансионах, находившихся под опекой ярого контрреволюционера митрополита Шептицкого.

Мышление Галана-писателя всегда исторично. Использование исторического материала он подчиняет основной задаче: осветить с его помощью проблемы сегодняшнего дня, еще глубже вскрыть закономерности современной классовой борьбы, чтобы, говоря словами Ю. Фучика, люди «извлекали уроки из этого исторического опыта, для того чтобы каждый своевременно понял настоящую правду, правду нынешнего дня, чтобы каждому своевременно стало ясно, что нужно сделать сейчас, каковы задачи каждого».

Покойный критик Анатолий Тарасенков размышлял когда-то над памфлетами Галана. При чтении их «вспоминаются памфлеты Эразма Роттердамского и Джонатана Свифта, направленные против реакции и тьмы средневековья. Но с еще большей силой в памяти оживают наши русские образцы памфлета — замечательная книга Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву“, письмо Белинского к Гоголю, гневные страницы антиправительственных сочинений Герцена, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, памфлеты Горького, направленные против носителей буржуазной культуры, разящие страницы прозы и поэзии Маяковского, в которых он заклеймил империалистическую Америку и ее властелина — „капитал — его препохабие“. В борьбе с реакционными кругами католической церкви, униатством и национализмом Галан продолжил лучшие традиции мировой литературы». Как-то Галан сказал:

— Одна «Легенда об Уленшпигеле» Костера стоит тысяч томов!

Зверства бандеровских и униатских банд не раз заставляли его вспомнить строки бессмертной книги: «Кровь и слезы. Смерть повсюду — на кострах, на деревьях, ставших виселицами… на грудах горящих дров, где на медленном огне тлеют жертвы, в пылающих соломенных хижинах, в дыму и пламени которых гибнут несчастные…»

В очерке «Школа» Галан рассказал о страстном книголюбе — мальчике Грицько. Однажды бандеровские убийцы подожгли школу, где он учился, а учителя повесили на балконе. Пепел «стучал в сердце» паренька, когда Грицько шел с односельчанами

в атаку на бандеровскую банду, и ветер глушил «его радостный клич, что был кличем бессмертного Клаасова сына:

— Ура! Победа за гезами!..»

Нет, ничего не выйдет у последышей Шептицкого! Как не вышло и у тех, кто когда-то травил «бессмертного Клаасова сына». «Гез Уленшпигель умер, — говорит в „Легенде“ патер, задыхаясь от радости, — слава богу». Но великий гез не мог умереть, ибо «разве можно… похоронить Уленшпигеля — дух, а Неле — сердце нашей матери Фландрии? И она может уснуть, но умереть — никогда».

Для писателей, работавших тогда в Москве, Ленинграде, Киеве, почти по всей нашей великой стране, война уже закончилась.

Для Галана она продолжалась! И совсем не в символическом смысле.

Не раз и не два получал он по почте гнусные листки с бандеровскими и униатскими «предупреждениями» и «приговорами». И Галан отлично знал, что ждет тех, до кого дотягиваются грязные руки оуновских убийц…

Борису Полевому запомнился случай, когда Галан рассказал, как вскоре после войны погиб закарпатский епископ Феофан, с которым Полевой познакомился еще во время войны в старинном Мукачевском монастыре. «Тогда, — пишет Полевой, — он только что вернулся из поездки по Советскому Союзу, по нашим республикам и крупным городам и начал печатать в закарпатских газетах серию очерков „Путешествие в страну чудес“. Это был широко мыслящий человек, доказывавший, что коммунизм развивает в современном общество идеи раннего, или, иначе, чистого, христианства. В своих очерках Феофан рассказывал о тружениках, живущих без эксплуатации и эксплуататоров, утверждая, что Иисус Христос, с гневом изгнавший когда-то торгующих из храма своего и возгласивший, что легче верблюду проникнуть сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в царствие небесное, сейчас, в середине XX века, аплодировал бы русским большевикам.

Теперь Галан рассказал мне о конце этого человека. О страшном конце… Однажды среди своей корреспонденции епископ нашел лист бумаги с изображением трезубца. Он знал, разумеется, что это предупреждение боевой организации бандеровцев. Но не обратил на него внимания или неосмотрительно положился на волю божью. А через несколько дней Феофана нашли в келье мертвым. Его умертвили зверским способом, какой украинские националисты нередко применяли к своим врагам. Бандиты незаметно проникли в монастырь,

пробрались в келью епископа, заткнули ему рот кляпом и, наложив Феофану на голову обруч из провода с заткнутой под провод палкой, начали эту палку вращать. Вращали медленно, садистски наблюдая муки жертвы до того момента, пока не треснул череп.

— А теперь этих палачей подкармливают, снабжают деньгами и вооружают американцы, — сказал Галан. — Я думаю написать об этом.

— И не боитесь с ними общаться? Судьба Феофана не напугала вас?

— Я считаю своим долгом сорвать все романтические одежды с этого отребья, переметнувшегося сейчас из-под крыла Гитлера под крылышко Трумэна».

Используя религиозную веротерпимость Советской власти, мракобесы в сутанах греко-католических священников, формально принявшие православие, пытались любыми способами препятствовать делу коллективизации в западных областях Украины. Они использовали для этого жалкие остатки кулачества и украинских националистов — лютых врагов украинского народа. Ярослав Галан, опытный, испытанный борец с католической реакцией, был страшен для всей этой черноризной нечисти.

«Легче было бы в рукопашной! — размышляет Галан об этих годах и своей борьбе в письме московскому другу. — В рукопашной, по крайней мере, ясно виден враг. Здесь враг маскируется и стремится ужалить из-за угла».

Тучи над городом

Над городом поплыл гудок. Ему ответил второй, третий… Они висели над площадями, парками, над древними шпилями костелов.

Галан, как старых знакомых, узнавал гудки. Этот Львовсельмаша — там галичанин Мирослав Грабовский работает в счет 1954 года. А вот голос завода автопогрузочных машин. Когда-то Галан писал об его открытии, а теперь уже по всей стране известны машины львовского производства.

Он любил свей город. Город каменных львов. Помнил все его легенды. Особенно волновала его одна:

«Жил когда-то в городе Львове человек, который решил удивить весь мир и прославить имя свое в веках.

Почти никому не известный бедный украинский мещанин четыреста лет тому назад взялся собственными руками построить башню, самую красивую и самую высокую башню Львова. Над ним издевались, бурсаки швыряли в него камнями, но неутомимый строитель все переносил. Он собирал отовсюду кирпичи, работал в поте лица от восхода до заката солнца: и с каждым днем башня росла все выше и выше, пока однажды утром не нашли мертвое тело вдохновенного мечтателя на стене постройки. Он зажал в одной руке кирпич, а в другой кельму и лежал, как немой укор всем, кто не хотел понять стремления к величию его простой человеческой души.

Несчастного мученика похоронили на одном из бесчисленных в те времена кладбищ, а начатую башню разобрали так, что и следа после нее не осталось.

Но тоска, бессмертная тоска творчества оставалась живой, она в продолжение веков билась в груди людей украинской Флоренции».

Сегодня ночи его «Флоренции» — те же фронтовые ночи, с выстрелами из-за угла. С провокациями. И с напряженным героическим трудом, несмотря ни на что.

Бессмертная тоска творчества не умерла в груди твоего народа, Львов! Не убили, не растоптали его гитлеровцы.

Впереди трудный, напряженный день, Галан — депутат городского Совета.

Раздается звонок. Появляется почтальон, просит помочь ей поместить мать в лучшую больницу города. Галан звонит в горком партии…

Приходят молодые писатели, рабочие, студенты, домохозяйки. С самыми разнообразными просьбами.

«Галан всегда внимательно выслушивал человека, — вспоминает М. А. Кроткова-Галан, — всеми силами старался ему помочь. Если он знал, что правда на стороне просящего, он делал все для него и не успокаивался до тех пор, пока не добивался благоприятных результатов».

Он по-настоящему умел и любил жить. Его все волновало, все касалось.

Увидев строительство нового дома, радовался.

Во время прогулки он замечает, что кто-то портит кору на деревьях в парке. Вернувшись домой, Галан немедленно звонит заведующему трестом зеленых насаждений:

— Товарищ Ярославцев! Необходимо срочно найти виновных!

Днем — поездка в Куликов. Там организуются колхозы. Писатель выступает.

— Мы строим с вами новую, чудесную жизнь. Там, за океаном, сегодня растут посевы смерти, мы вырастим нивы мира… Будем же достойны великой чести идти этим путем.

Вечером перед поездкой в университет, где он должен выступать на митинге, Галан записывает в дневнике: «Был в Куликове. Какие замечательные люди живут в нашей стране — умные, смелые, горячие! С ними все возможно, все достижимо».

Многие старые друзья рассеялись по земле. Нужно установить с ними связь.

«В январе 1944 года, — рассказывает Богдан Дудыкевич, — когда я работал учителем в Луганской области, мне стало известно, что Галан — корреспондент газеты „Радянська Украина“. Я написал ему письмо и где-то в начале февраля получил от него открытку, датированную 25 января 1944 года.

„Здравствуй, друже! — писал Ярослав. — Спасибо за письмо. Я приехал на несколько дней в Москву и в свободную от беготни минуту пишу тебе ответ. Петро (Козланюк. — В.Б., А.Е.) уже в Киеве, и я также собираюсь туда на днях. Интересного у меня ничего нет, кроме работы (газетной, как ты знаешь). Хотел бы написать тебе про других знакомых товарищей, но их нет. Тудор и Гаврилюк погибли… Встречаюсь иногда со львовским депутатом Садовым. Попробуй написать для нашей газеты о борьбе народа Галиции с польским гнетом и националистами, учитывая всякий раз актуальное политическое положение (это я в связи с формой). Напиши про себя в ЦК КП(б)У, тов. Мощенко, отдел кадров. Привет семье. Ярослав“».

Вскоре Дудыкевич возвращается в родной Львов.

Трудно, тяжело налаживалась жизнь.

«Когда первый красноармеец появился на Стрыйской улице, — писал Галан в очерке „Золотая арка“, — город,

пропитанный трупным запахом, казалось, умирал. На опустевших бульварах с вытоптанными клумбами и поломанными решетками выли голодные собаки, в цехах и так уже малочисленных заводов свили себе гнезда совы и аисты. Аудитории университета напоминали заброшенные конюшни, в коридорах Политехнического института шныряли крысы, обнюхивали кучи окровавленной марли.

И думалось тогда: сколько трудов, сколько времени понадобится на то, чтобы Львов стал снова таким, каким был три-четыре года назад!»

Прошло всего три-четыре месяца. Правда, за УТО время не произошло никаких чудес. Трамвай все еще не ходит, водой можно пользоваться только семь-восемь часов в сутки, оперный театр все еще не работает, а если и начнет работать, то спектакли пойдут, наверно, без арфы, так как последняя арфистка Львова уже третий год лежит в порыжевшей от человеческой крови земле яновских могил.

«А все-таки сделано много, очень много! В квартирах львовян уже давно горит газ, в артериях города с каждым днем все более сильным потоком кружит электроэнергия, исчезают очереди перед хлебными магазинами, на недавно еще пустых улицах людно и шумно… Университет стал снова университетом, институты — институтами, школы — школами…» На сцене украинского театра ставился «Олекса Дундич». В зале Филармонии выступал один из лучших хоров СССР — капелла «Трембита». И главное — один за другим вступали в строй заводы.

Налаживалась понемногу и жизнь львовской писательской организации. Она много сделала для того, чтобы подготовить к изданию произведения погибших на боевом посту писателей — борцов с фашизмом.

Галана избирают членом правления Союза писателей Украины. Выходят из печати его сборник «Перед лицом фактов» и пьеса «Под золотым орлом».

О напряженной, воистину самосжигающей работе Галана рассказывают его дневники и хроника тех лет.

28 января 1947 года он выступает на совещании интеллигенции Львова по вопросам идеологической работы. Текст речи не сохранился. Из краткого отчета в «Правде Украины» от 29 января 1947 года узнаем:

«Здесь (во Львове. — В.Б., А.Е.) долгое время подвизался главарь буржуазно-националистической, псевдонаучной „школы“ М. Грушевский, отравлявший значительное время сознание масс своей националистической концепцией в области истории

Украины.

Писатель тов. Галан говорил о борьбе со „школой“ Грушевского. Он указал, что в преподавании истории Украины, и в особенности Галиции, отдельные львовские историки допускают ошибочные утверждения…»

Разрозненные записи в дневниках Галана. Здесь они приводятся впервые:

«*10 июня 1948 года.* Это мой родной ребенок, это часть моего „я“ (о своей пьесе. — В.Б., А.Е.).

30. IX.1948 года. Дней 10 тому назад меня вызвали в ЦК… Позавчера предложили мне в обкоме должность зав. обл. отд. искусства.

8. X.48 г. (По поводу одной пьесы.) Это не только паршивая конфетка, но и отравленная, потому что она вызывает у зрителя глубокое отвращение к идее, которой сама должна была бы служить.

5. VI.1949 г. „Я груб…“ (Байрон, „Дон-Жуан“).

24 мая. Окончил пьесу…

5 июня. Позавчера ездил с Петром (Козланюком. — В.Б., А.Е.) и Стефаником в Ново-Ярычевский район… Побывали в новом колхозе. Боятся сеять, говорят: „Они придут и убьют“».

Однажды, к полуночи, когда он был в гостях и уже собирался уходить домой, Галан неожиданно сказал одному из нас: «Не смогли бы вы проводить меня, Владимир Павлович? Мне кажется, что какие-то подозрительные типы следили за мной».

«Скажу совершенно честно (это запись тех лет. — В.Б., А.Е.): очень и очень не хотелось мне выходить на улицу. На темных улочках Львова можно было встретить кого угодно: и националиста-бандеровца, и польского террориста из „народных сил збройных“, такой же фашистской организации, как и ОУН, и обычного мародера, вышедшего ночной норой на „охоту“ за часами. На фронте был передний край и враг за ним. Здесь же на вас могли напасть с любой стороны, а кто — неизвестно. Вот почему я предложил: „Оставайтесь ночевать у меня, Ярослав Александрович!“ — „Ну, если вы боитесь, то я пойду один“, — сказал Галан и шагнул к двери.

Слово „боитесь“ задело меня. Как-никак в кармане у меня лежал офицерский военный билет…

„Нет, почему? Пойдем вместе“, — сказал я и, отлучившись в кухню, зарядил там трофейный „вальтер“ так, чтобы Галан не видел этого и не заподозрил меня в трусости. Когда мы вышли из ворот, я сразу шагнул на улицу, туда, где поблескивали в темноте сбрызнутые недавним дождем трамвайные рельсы. „Куда вы? — удивился Галан. — Пойдем лучше по тротуару“. — „Так надо!“ —

сказал я, ничего не объясняя. Дело в том, что мои старые и бывалые друзья — пограничники советовали мне ни в коем случае не ходить в ночное время по тротуарам.

Галан пожал плечами и зашагал рядом со мной посредине трамвайных путей. Шли молча, только изредка обмениваясь скупыми фразами. У виллы „Мария“ улица Набеляка круто заворачивала вправо, на улицу Ленартовича. Трамваи обычно в этом месте сильно скрежетали. Стоило нам повернуть, как мы увидели за углом дома на улице Ленартовича две прижавшиеся к стене фигуры. Если бы мы шли по тротуару, мы бы обязательно натолкнулись на них. Сейчас же от них нас отделяло несколько спасительных метров.

Один из стоящих за углом сразу же быстро подошел к нам и отрывисто спросил: „Это вы стреляли?“ Я не успел разглядеть лицо собеседника, не сразу дошел до меня коварный смысл его вопроса (никаких выстрелов мы не слышали), но, чтобы отвести от нас подозрение в стрельбе, зная, что после выстрела ствол оружия пахнет нагаром, я выбросил из-за спины правую руку и, поднеся ствол „вальтера“ к носу незнакомца, сказал: „Понюхай!“

Незнакомец, видимо, не ожидал такого оборота дела. Если бы он попробовал выбить у меня из рук оружие, все равно пуля поразила бы его. И он отпрянул… Мы разошлись.

Только когда мы прошли каких-нибудь десять шагов по направлению к трамвайному парку, до меня дошел коварный, проверочный смысл вопроса незнакомца: любой безоружный человек ответил бы ему: „Кто стрелял? Да ведь у меня не из чего стрелять…“»

Только много лет спустя, уже после убийства Галана, стало ясно, что эта ночная встреча — одна из первых бандитских засад на его пути… А свой пистолет Галан обычно оставлял дома, да и пользоваться им он не умел.

Таким был Галан. Добрый, доверчивый к людям хорошим, ненавидящий врагов, пренебрегающий личной безопасностью, честный и иногда по-детски наивный. Этими свойствами его характера и воспользовались впоследствии его убийцы.

Галан в ту весну, лето и осень 1949 года успевал воистину объять необъятное.

Его часто видят на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах, в университете. По поручению Львовского областного лекционного бюро Галан читает лекции на общественно-политические темы, а по поручению Львовского обкома КП(б)У организует и проводит творческую встречу с трудящимися Городокского района, посвященную десятилетию воссоединения украинского народа в едином Украинском советском государстве.

Большим успехом пользовались выступления Галана на львовских предприятиях.

Весна 1949 года на Западной Украине окрыляла его душу. В прикарпатских селах и деревнях Галиции полным ходом шла коллективизация. Западноукраинское крестьянство вступало в колхозы. Новая, счастливая жизнь, за которую столетиями боролся народ Галиции, стала явью. В эту весну Галана редко можно было застать дома. На попутных машинах, на подводах, пешком он перебирался от села к селу, от одного поселка к другому, выступал, агитировал, рассказывал крестьянам о том, что им даст колхоз.

В этих поездках, в кипучей, напряженной борьбе с притаившимися врагами возникла у Галана мысль о создании пьесы, посвященной новым людям Советской Галиции. Писатель хочет воспеть величие свободного человека — человека, у которого «тоска, бессмертная тоска творчества» нашла выход.

Энергия Галана поражает его друзей и знакомых.

«Как-то в октябре 1949 года, — рассказывала А. Кривицкая, — Ярослав Александрович позвонил мне и попросил, чтобы я подготовила художественное чтение на один торжественный вечер. Я была больна и сказала, что не могу, к сожалению, исполнить его просьбу.

— Что с вами? — сочувственно спросил Ярослав Александрович.

— Да, наверное, старость уже приходит, — ответила я.

— Нет, нет, нельзя нам теперь ни стареть, ни болеть. Мы не можем себе разрешить этого, потому что у нас полным-полно работы…

В эту минуту мне припомнились слова, которые Ярослав Галан вложил в уста революционера Оскара — героя пьесы „Груз“: „Какое счастье, девушка, бороться за грядущий день и даже погибнуть за него…“»

Так проходили его дни…

12 часов ночи. Галан разбирает почту. Писем много. Галан — член правления Союза советских писателей Украины, член президиума Львовского отделения ССП, он входит в состав редколлегии журналов «Перец» и «Радянський Львив», корреспондент газеты «Радянська Украина» по Львовской области. Много самых разнообразных вопросов нужно решать быстро и оперативно.

Ответив на все письма, Галан садится за машинку. Друзья из газеты «Вильна Украина» просили сделать статью. Работы много, но Галан не отказывается. Ведь с этой газетой связаны самые лучшие дни его жизни — дни, когда исторической осенью 1939

года во Львов вошли части Советской Армии, пришла «вторая молодость». Тогда он вместе с советскими писателями составлял первый номер свободной газеты на родном языке — «Вильна Украина».

Сами собой рождаются уверенные, взволнованные слова: «За эти тридцать лет мы, воспитанные партией Ленина, выросли как народ, выросли как государство. Тень трагического прошлого не ложится больше на наши души. Солнце социализма согревает нам сердца. Народ-труженик золотом хлебов Украины, миллионами тонн угля и стали мостит путь к коммунизму. Зловещему мраку, что окутывает капиталистический мир, мы противопоставляем свет наших дней, свет, который уже тридцать лет неугасимым огнем горит над Советским Отечеством, в этом величие и красота наших будней».

«И снова поднимаясь в атаку…»

Осенью 1948 года вместе с Ярославом Галаном львовские писатели были на приеме у секретаря обкома партии И. С. Грушецкого. Говорили о работе издательства, о писательских нуждах, о творческих командировках, а потом, в конце беседы, И. С. Грушецкий пожурил их за то, что они слабо осваивают темы современности: «Жизнь дает множество острейших сюжетов, а некоторые львовские литераторы проходят мимо них равнодушно и сочиняют баллады на спокойном, отлежавшемся материале». И, как бы подтверждая свою мысль о многообразии острейших сюжетов, которыми снабжает литератора жизнь, Грушецкий рассказал одну историю.

За день до встречи он выезжал проводить собрание в одно из глубинных сел области. Было известно, что село это хорошо выполняет все поставки и вообще является передовым в районе. Во многом оно было обязано этим председателю своего Совета, инициативному человеку, хорошо знающему местные условия, в прошлом участнику движения за воссоединение, коммунисту. За революционную деятельность он был арестован оккупантами в 1941 году, сидел в гитлеровских концлагерях и чудом избежал смерти.

Однако в то же самое время не проходило и месяца, чтобы в этом образцовом, казалось, селе не было националистической вылазки. Судя по всему, в селе засел хитрый и опасный враг, который держит в руках с помощью угроз и террора какую-то часть населения и, не стесняясь в выборе средств, пытается сорвать колхозное строительство.

Зная обо всем этом, секретарь после собрания, за обедом у председателя, повел откровенный разговор о вражеских вылазках в селе. Он прямо сказал, что председатель не может не знать, кто в селе «мутит воду», а зная или хотя бы догадываясь об этом и не принимая решительных мер против преступной деятельности националистического подполья, он зачеркивает тем самым собственное революционное прошлое, свою честь борца за народное дело, а также все те хорошие показатели, каких добилось село.

— Пора кончать с бандитским охвостьем! — так заключил разговор за обеденным столом секретарь.

Председатель сельского Совета некоторое время молчал. Черты его сурового, сразу помрачневшего лица выражали глубокую внутреннюю борьбу. Потом он встал и, тихо сказав: «Одну минуту», — тяжелыми, твердыми шагами вышел в

соседнюю комнату.

Сперва там послышались приглушенные голоса, потом чей-то крик и вдруг два пистолетных выстрела! Не успел секретарь обкома сообразить, в чем дело, как открылась дверь и на пороге появился бледный от волнения председатель сельского Совета с пистолетом в руке.

— Я кончил, товарищ секретарь! — сказал он глухо и, подавленный, сразу какой-то обмякший, опустился на скамью.

А когда люди вбежали в соседнюю комнату, то увидели на полу убитой его дочь, заядлую националистку, которая и была организатором всех вражеских вылазок на селе.

Собравшиеся в обкоме писатели не обсуждали тогда, прав или не прав был отец, не выясняли, какое он понес наказание за этот самосуд и каким образом произошло так, что его родная дочь очутилась во вражеском лагере. Они почувствовали в этой глубоко взволновавшей их истории главное: большую, гоголевского размаха тему, услышали в ее подтексте слова старого Тараса Бульбы: «Я тебя породил, я тебя и убью», — как бы перешедшие в нашу эпоху из далекого прошлого.

Надо полагать, вот эта-то история, рассказанная во Львовском обкоме партии, и послужила отправной точкой для рождения пьесы Ярослава Галана «Любовь на рассвете» — драмы острых социальных страстей и сильных характеров.

Приходится сожалеть, что преждевременная гибель от руки врагов помешала Галану самому завершить работу над пьесой и она попала на сцены театров не в той «кондиции», в какой ее хотел видеть автор.

Лев Николаевич Толстой сказал однажды, что на хорошем сюжете книга всходит, как на дрожжах. История, услышанная Галаном и несколько видоизмененная им впоследствии, полностью может быть отнесена при всем ее трагизме и исключительности именно к числу таких сюжетов. Но для того чтобы будущий зритель поверил в нее, чтобы он сказал, уходя из театра: «Да, так могло быть в жизни», Галану предстояло еще многое продумать.

Он откладывает работу над другой задуманной им пьесой «Граф на скале» — о митрополите Андрее Шептицком и его растлевающем влиянии на галицийскую общественность, и начинает тщательно изучать молодые колхозы, борьбу, происходящую в них. Драматург наращивает на удачно найденный сюжет жизненные наблюдения, подыскивает такие детали, которые усилили бы правдивость основной сценической ситуации. Он уезжает в Закарпатье на отдых, но, вместо того чтобы сидеть в санатории, целыми днями разъезжает по

отдаленным селам, беседует с крестьянами, присутствует на первых организационных собраниях новых колхозов.

Галан настроил всего себя, всю свою творческую силу на выполнение этой первоочередной задачи — создать пьесу о борьбе старого с новым на его родной земле.

Так рождалась последняя, предсмертная пьеса писателя. Галан писал о том, что нужнее всего было народу в тот горячий момент коллективизации и решительного боя с остатками украинского националистического подполья и его идеологией.

Действие пьесы происходит в послевоенной галицийской деревне. Исторической осенью 1939 года пришла вместе с Красной Армией «вторая молодость» древней львовской земли, к новой, счастливой жизни пробудились люди.

Атмосфера этого обновления замечательно передана в драме: придя к руководству государством, став хозяевами своей судьбы, простые люди поняли, что свободный человек может претворить в жизнь самые смелые мечты о большом человеческом счастье. Вот почему вчерашние батраки уверены, что «через год-два маленький сегодня колхоз даст стране Героя». В пьесе есть сцена, как бы сфокусировавшая в мгновенно мелькнувшем воспоминании героя и его характер, и его судьбу. Районный агроном Мыкола Воркалюк разговаривает с председателем колхоза Иваном Негричем:

«Мыкола. Помнишь, Ивасик, то утро во времена Пилсудского, в Дрогобычской тюрьме, когда мы впервые получили брошюру „Что такое коллективизация“? Помнишь, Иван, что ты сказал тогда?

Иван *(оживленно)*. Сейчас… То было… в семнадцатой камере.

Мыкола. Когда я прочитал вслух эту брошюру, ты сказал: „Теперь мне плевать на их приговор!.. Пусть дают мне уже не три, а тридцать лет тюрьмы, — все равно колхоз в Яснычах будет!..“»

Драма раскрывает характеры в борьбе психологической. Но у психологии этой, подчеркивает Галан, социальные истоки совсем не местного, чисто галицийского порядка.

Мир широко раздвигается рамками драматического повествования: у молодого колхоза много трудностей — недобитые кулаки, националисты, агенты зарубежных разведок пытаются во что бы то ни стало сорвать посевную. Нравственная борьба здесь осмысляется драматургом в большом идеологическом плане борьбы двух миров и идеологий.

Один из таких шпионов показан драматургом в образе сына агронома Мыколы Воркалюка — Луки. По заданию своих хозяев Лука распространяет провокационные слухи о близкой войне,

намекает на грозные кары Москвы в случае неурожая и, наконец, чтобы сорвать выход людей на поля, выпускает из клетки стоявшего неподалеку зверинца льва.

Литературных критиков смущало появление льва в пьесе. Ход этот виделся «обнаженно аллегорически». Они не понимали, что здесь аллегория ненадуманна, продиктована естественным ходом событий, исторически закономерна: выпускаемый Лукой на свободу из клетки лев — это та звериная, враждебная всему новому стихия украинского буржуазного национализма, с помощью которой его главари безуспешно пытались затормозить по обе стороны Карпат победу коллективизации, натравливали одни национальности на другие.

В одном лагере с Лукой оказывается и тесть Мыколы Воркалюка — Штефан. В прошлом кулак, он не хочет смириться с происшедшими социальными изменениями. Галан не лакирует, не приукрашивает действительность. Он показывает жизнь послевоенной западноукраинской деревни во всей ее сложности и противоречиях. В борьбе за установление нового, колхозного строя раскалывались семьи, близкие родственники и даже члены одной семьи оказывались на разных сторонах баррикад, делались смертельными врагами. Многое из изображенного Галаном в пьесе «Любовь на рассвете», как мы уже рассказывали, действительно имело место в жизни.

В самой обстановке действия драмы Галан подчеркивает внутреннюю психологическую борьбу героев. Подобная направленность даже бытовых характеристик здесь несомненна. Например, в хате колхозника Воркалюка «на левой стене густо развешаны пестрые ярмарочные олеографии, на которых можно увидеть Иисуса и Марию с сердцами, проколотыми мечом… святого Николая… распятого Иисуса и т. д. На правой стороне — портрет Ленина…»

Какой психологический, нравственный подтекст стоит за всем этим! Это «ружье», как принято называть в драматургии такие детали, «стреляет» без промаха и точно в цель.

Содержание пьесы «Любовь на рассвете», как и всякой подлинно реалистической драмы, шире ее фабулы. Конфликт, определяющий развитие действия в пьесе, подготовлен событиями, происшедшими задолго до ее начала. В черновых набросках к драме есть замечание Галана о принципах построения в ней образов: «Пусть говорит также и прошлое, — пишет он, — ведь жизнь героев драмы не начинается с их появлением на сцене». Логика развития характеров персонажей будет неясна без выявления этого прошлого, которое «надо искать прежде всего в самом произведении» (К. С. Станиславский).

Предыстория героев, развернутая в репликах, разговорах, репризах, воспоминаниях действующих лиц, — существенное звено в социально-психологической характеристике персонажей. Драма Мыколы Воркалюка, сын которого оказался предателем, не стала бы драмой психологической, если бы Галан не раскрыл драматизм расхождения биографий, судеб отца и сына: то, за что боролся один, оказалось преданным другим.

Преданным оказалось самое святое для Воркалюка: ведь в конце концов он строил новую жизнь для молодых, для таких, как сын.

Мыкола Воркалюк, как и Иван Негрич, сидел в польских тюрьмах, в партизанском отряде доказывал с оружием в руках свою верность новой, социалистической Родине. Он представитель тех революционных сил западно-украинской деревни, которые сложились еще до 1939 года. Он молодой гражданин СССР только юридически — духовно он уже давно им был. Его классовая зоркость, непримиримость выработаны в суровой подпольной борьбе. Тем тяжелее переживает Воркалюк падение сына.

Здесь тоже психологическое столкновение: одни в минуты тяжелых испытаний, как Лука, ломаются, других, как Мыкола, сломить невозможно.

Лука побывал в рядах гестаповцев и, пройдя школу иностранной разведки, возвращается в родное село. Предысторию Луки составляют такие предшествовавшие началу действия пьесы события, которые во многом определяют движение драмы: Лука убил родителей приемной дочери Варвары — Параски. Не будь в пьесе этого прошлого, не была бы показана сложность борьбы, померкли бы многие краски образов любящей Луку учительницы Варвары и ее приемной дочери, была бы смазана противоречивость их чувств.

Здесь уже чисто «галицийская» нравственная драма: воспитанная в свое время на декадентско-националистической литературе, учительница в годы юности, по ее собственным словам, «блуждала в тумане». Вспомните Козан и других персонажей рассказов Галана.

В ходе борьбы, развернувшейся в пьесе, все, что не прогнило и не отравлено до конца ядом католических догм, рвет с мертвым миром идолов церковного фашизма.

Галан возвращается к волновавшей его еще в антиклерикальных памфлетах теме несостоятельности христианских принципов «мира добра и зла». Отец Юлиан говорит Мыколе об «общем мире между людьми и божьей милости». Мыкола не без основания иронизирует: «„Общего

мира“, говорите? Немного поспешили… Вчера вечером самый мирный под солнцем человек — участковый агроном Мыкола Воркалюк — ехал спокойно Завадовским лесом, как вдруг кто-то выстрелил из чащи, и гляньте: если бы пуля пролетела на пять миллиметров ниже…»

Цена веры таких людей, как Мыкола, размышляет Галан, оплачивается кровью, и от этого никуда не уйти. Любовь и ненависть, миропонимание и убежденность — за них приходится драться в наш суровый век. Каждый час, каждую минуту…

Что стоят человеческие «добродетели», не выверенные лакмусовой бумажкой этой реальной, невыдуманной борьбы, к которой жизнь так или иначе подводит каждого! Формула «за» или «против» — не выдумка ожесточившихся людей. Когда в финале пьесы Варвара стреляет в Луку, этот выстрел стоил ей не минутного нервного напряжения. Пулю посылала не слепая обида — убежденность, что иначе она, Варвара, поступить не имеет права. Перед самой собой. Своей совестью. Своими учениками.

Не прибегая к декларативности, Галан самыми различными способами подчеркивает связь борьбы, идущей в молодом колхозе, с событиями большого идеологического плана. Связь эта все время ощущается как политический подтекст пьесы. Колхозники с музыкой и песнями идут в поле. «Бывает, дед, и на похоронах играют…» — говорит Лука Штефану.

«Штефан. А я уж не знаю, Лука, кого это хоронят.

Лука. Вы еще узнаете, дед, вы еще увидите. Большая игра только начинается. И не в одном нашем селе».

Лука понимает, что полученные им от его хозяев задания — лишь часть большой игры. Его, Луки, акция — только один ход, часть большой системы провокаций, диверсий и убийств, организованной его хозяевами против лагеря мира, демократии и социализма.

Понимают это и колхозники: когда во всем мире развернулась великая битва за счастье и светлое будущее людей, фронт проходит и через их село.

Они — на передовой этого фронта.

В годы войны Галан почти не обращался к своему любимому жанру — драматургии. Известна только его одноактная, написанная в 1942 году пьеса «Шуми, Марица», рассказывавшая о героическом подвиге болгарской женщины, которая, жертвуя жизнью дочери, пускает под откос эшелон с фашистами. Говорить об этой миниатюре обстоятельно нет нужды — она скорее публицистический отклик на волновавшие Галана события, чем глубинное художническое исследование жизни. С 1947 года Ярослав Александрович размышляет над идеей пьесы «Божена

Шрамек», идеей, связанной с сюжетом очерка 1940 года «Рождение легенды».

«Галан, — рассказывает жена писателя М. А. Кроткова-Галан, — задумал написать ее еще в 1947 году, но крайняя загруженность работой в газетах лишала его тогда возможности выкроить время для этого. И только в 1948 году, находясь в Коктебеле в Доме творчества, он смог на досуге детально обдумать план и сюжет трагедии».

Вернувшись во Львов, Галан приступил к работе над ней. Но писать приходилось урывками — все время отвлекала публицистическая работа. А отсутствие под рукой необходимых материалов вскоре заставило его на время отложить пьесу. Она так и осталась в набросках.

По сохранившимся маленьким отрывкам можно судить, что Галан снова обращался к теме борьбы человеческой личности за свое счастье, которое писатель не мыслил вне революционной борьбы.

Так работал Галан, не зная, что жизнь уже отмерила ему последние часы и минуты. Впрочем, слова «не знал» не передадут ничего и ничего не скажут.

Он понимал, что его книги вызывают неистовую ярость мракобесов из униатской и националистической шаек, а значит, он знал: каждую минуту он может быть сражен рукой подосланного убийцы.

Но он был солдатом. А солдаты, пока живы, как он говорил, «снова и снова поднимаются в атаку».

Недавние события в Венгрии, Польше и особенно в Чехословакии, когда за спиной у реакционеров, пытавшихся восстановить старые порядки, всегда оказывались «серые преосвященства» из лагеря клерикалов, еще раз убедительно доказали, как прав был Ярослав Галан, призывая освобожденные народы к бдительности и показывая им лицо конкретных врагов и их повадки.

Великий гражданин

Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность.

Кант

Убийство на Гвардейской

В шестнадцать часов 8 октября 1949 года на людной Академической аллее Львова, поблизости от кинотеатра «Щорс», состоялась встреча двух молодых людей, оставшаяся не замеченной многими прохожими.

Следует сказать, что до этого оба человека, которым предстояло встретиться именно в этом, заранее обусловленном пункте, друг друга не знали. Их фамилии, местожительство, профессия были тщательно законспирированы кличками.

Из кармана серого пиджака одного, по кличке «Славко», как опознавательный знак, торчал сухой желтый цветок.

У другого — «Ромко» — был свежий номер журнала «Новое время».

Не отрывая глаз от засушенного желтого цветка, Ромко, помахивая журналом, осторожно спросил:

— Который час?

— Без пятнадцати четыре!

— Пойдем в кино?

— Нет денег, — отрезал Славко и, как было условлено, предложил следовать за ним.

Оба они не спеша пришли в один из лучших парков Европы, в Стрыйский парк. И в это предвечернее время, как всегда, по аллеям парка шли львовяне, старые и молодые; матери с детьми подолгу задерживались у озера, по которому, изогнув гордые шеи, лениво плавали лебеди. Тихо и очень мирно было в парке именно в эту пору золотой львовской осени, когда начинает желтеть и краснеть листва деревьев, рассаженных так, что особенно осенью они образуют неповторимую, ни на что не похожую гамму цветов. И никто, решительно никто из посетителей Стрыйского парка не мог предположить в этот тихий, спокойный предвечерний час, что на одной из укромных его аллей начинает осуществляться задуманное значительно раньше злодеяние.

— Надо будет кокнуть одного «Совета»! — озираясь по сторонам, шепотом сказал Славко, — так велел «проводник». Но убивать его будешь ты, Ромко, а я буду заговаривать ему зубы…

— Да, я это знаю, — глухо признался Ромко. — «Буй-Тур» сказал то же самое.

Он передал своему чернявому напарнику с длинной, как у гусака, шеей пистолет, или, как его называли в этих краях, «сплюв», и черную ребристую гранату-лимонку.

Другой пистолет и еще одну гранату Ромко оставил себе.

Оба они поднялись из парка по крутой тропинке на взгорье, пересекли линию Детской железной дороги и, свернув на Стрыйское шоссе, стали спускаться по Гвардейской.

По тому, как уверенно шел чуть впереди Славко, можно было судить, что он уже не раз проходил здесь. Спросить его об этом Ромко не решался. Условия конспирации запрещали быть любопытным. И, зайдя во двор высокого каменного дома, дверь его Славко открыл тоже уверенно, как человек, многократно бывавший здесь, и, не глядя на номера квартир, стал быстро подниматься на четвертый этаж, так что его спутник едва поспевал за ним.

У двери, над которой виднелась цифра 10, Славко задержался и прислушался. Чуть слышно за дверью прозвенел звонок. Славко прижался ухом к двери. За ней послышался женский голос. Дверь открыла домработница.

— Писатель дома?

— Нет, но скоро будет. Заходьте!..

Посетители вошли и, не разговаривая друг с другом, присели на стулья.

Вскоре раздался звонок, и в прихожей появилась жена писателя, Мария Александровна.

— А, это вы! — сказала она, узнавая в молодом человеке по кличке Славко знакомого. — Чего ж вы здесь сидите? Заходите в квартиру!

Ромко зашел вторым и, заглянув в соседний кабинет, вздрогнул. Там перед уже тронутым красками холстом сидел, углубившись в свою работу, невысокий человек. Довольно быстро сообразив, что это художник и рисует он портрет хозяина квартиры, Ромко несколько успокоился. Как это выяснилось значительно позже, он тогда подумал: «Значит, убивать будем большого человека, раз его портреты рисуют…»

В это время раскрылась наружная дверь и в комнату вошел Галан. На поводке у него была черно-белая овчарка карпатской породы.

— Добрый вечер! — увидев гостя по кличке Славко, сказал Галан. — Что-нибудь снова случилось?

— Случилось, — поспешно ответил Славко. — Придирается ко мне снова директор института Третьяков за то, что я пожаловался вам на него…

— Как так — придирается? — удивился Галан.

— Ну, подкопы ведет всякие. И я боюсь, как бы он не отчислил меня… Нельзя ли на него управу найти?

— Конечно, можно, — засмеялся писатель. Он спустил с поводка овчарку.

Собака, разъезжаясь на лапах по скользкому, хорошо натертому паркету, подбежала к сидевшему в кресле Ромко и стала обнюхивать его карман, в котором лежал пистолет.

Ромко отшатнулся.

— Она не кусается? — испуганно спросил он жену Галана.

— Нет, он добрый пес. Джим… Только не любит тех, у кого есть оружие.

— Все равно, прошу, пани, уберите собаку! — взмолился напарник чернявого.

Хозяйка увела Джима в кухню. Славко решил продолжить беседу:

— А вы, пане письменник, напишите про нашего директора в журнал «Перец».

— Зачем? Это слишком мелкое дело для журнала.

— Лучше бы написать. Директор будет лучше относиться к студентам, — канючил Славко, подмигнув своему напарнику.

Тот понял: сегодня диверсия не состоится.

— Извините, хлопцы. Меня ждет художник. Мария, напои ребят чаем, а я пойду.

Мария Александровна принесла чай и печенье, присела к столу. Еще недавно она сама была студенткой одного из художественных институтов Москвы и понимала, что значит для студента, живущего на стипендию, лишний завтрак.

Перед тем как попрощаться, Ромко зашел в кабинет писателя, оглядел его.

А на улице, когда они шли вниз по Гвардейской к трамвайному парку, поглядывая с опаской на серое здание областного Управления Министерства государственной безопасности, Славко тихо и со злостью сказал:

— Что сдрейфил? Ты никогда не убивал?

— Приходилось… Но как же здесь убьешь без шума? Видел, сколько людей было? Придется в другой раз…

На углу улицы они расстались.

Так избежал на этот раз уготованной ему смерти Ярослав Галан.

Сейчас можно назвать подлинными именами, убирая кавычки и раскрывая псевдонимы, назначенных националистическим подпольем убийц Ярослава Галана, хотя продолжительное время по условиям конспирации сами они не знали подробностей друг о друге.

Кличка «Славко» была присвоена сыну греко-католического священника, бывшему воспитаннику Львовской духовной семинарии Илларию Денисовичу Лукашевичу, который еще с 1944 года был связан с националистами.

Уже в 1946 году под влиянием Гринчишина семнадцатилетний попович, на вид такой кроткий и смиренный, дает согласие вступить в организацию украинских националистов. Гринчишин организует ему встречу с «проводником» ОУН по кличке «Буй-Тур» и опытным бандитом-террористом по кличке «Лебидь». Попович Илларий становится активным участником националистического подполья. Несколько раз он распространяет антисоветские листовки в селе Збоища, в котором тогда проживал: листовки призывали население сорвать выборы в Верховный Совет Украины.

Осенью 1947 года Илларий тем не менее поступает учиться во Львовский сельскохозяйственный институт, чтобы получать образование на средства народа и той самой Советской власти, которая была ему ненавистна. И здесь сказалась двуличная, иезуитская натура молодого волонтера ОУН.

Щепанский («Буй-Тур») передает Илларию через его старшего брата Мирона задание — собрать нужные бандитскому подполью сведения о профессорско-преподавательском составе и студентах сельскохозяйственного института. Делается это неспроста. Зарубежные центры националистов требуют от своей агентуры, оставленной гитлеровцами в западных областях Украины, вести борьбу за каждую юную душу, отрывать молодежь от всего того нового, что принесла Советская власть, запугивать молодых людей и их воспитателей любыми способами и прежде всего слухами о неминуемой третьей мировой войне, в которой украинским националистам «помогут англичане и американцы».

Молодого поповича хвалят. Он получает задание собрать самые подробные сведения о писателе Ярославе Галане. Илларий обращается к давней приятельнице их семьи, литератору Ольге Дучиминской, расспрашивает ее о том, как живет Галан, каковы его привычки, получает у Дучиминской номер его телефона. Именно от Дучиминской Илларий узнает, что Ярослав Галан по натуре человек добрый, отзывчивый, всегда помогает людям и к нему как к депутату городского Совета попасть не трудно. Тогда и рождается у поповича та фальшивая легенда, по которой он потом проникает в дом писателя.

Илларий вместе с братом идет на Гвардейскую. Прогуливаясь перед высоким домом, где живет писатель, они изучают балкон его квартиры, обвитый диким виноградом, осматривают подходы к этому дому.

Илларий чертит подробный план дома. (Ранее он его сфотографировал.) Все это Мирон Лукашевич передает «Буй-Туру» (Щепанскому) и «Оресту» (Гринчиншну) — двум националистическим вожакам.

В первой половине августа 1949 года Илларий посещает квартиру Ярослава Галана, но его не застает. Он уехал в Закарпатье. Дома только жена писателя и домашняя работница — Евстафия Довгун. Побеседовав с ними, Лукашевич ушел.

В конце августа Илларий снова появляется на Гвардейской. Галан уже вернулся из поездки. Дома Лукашевич застает жену писателя, ее сестру и мать, приехавших погостить из Москвы.

Лукашевич знакомится с Ярославом Галаном и говорит ему:

— Я слышал: вы — добрый человек, пан писатель, и помогаете всем, кто попал в беду. Наш лесохозяйственный факультет, где я учусь, закрывают и на его базе собираются создать лесомелиоративный факультет. Мы, студенты, и я в том числе, очень огорчены. Мы никогда не собирались стать мелиораторами. Все наши хлопцы рвутся перейти в Лесотехнический институт. Нас примут туда, но директор Сельскохозяйственного института Третьяков никого отпускать не хочет. Уперся — и все! Помогите…

Ни сам Галан, ни его близкие не подозревали, что просьба эта — легенда, придуманная в бандитском подполье. Легенда, по которой Лукашевич должен был проникнуть в дом писателя.

Галан обещает студенту сделать все, что сможет.

На следующий день они встречаются у здания Львовского областного комитета партии на Советской улице. Галан идет в обком просить за Лукашевича. Выходит он из здания довольный.

— Все в порядке, друже! Вас кто-то понапрасну напугал. Будете и впредь учиться на лесохозяйственном факультете.

Лукашевич изобразил на лице «неподдельную» радость. Они распрощались.

Вскоре в жизни Ярослава Галана происходит событие, обстоятельства которого остались невыясненными до сих пор.

Однажды под вечер писатель вышел прогуливать собаку на взгорья Стрыйского парка. Часть его, спускающаяся к улице Дзержинского, была отведена под будущий парк культуры и отдыха Богдана Хмельницкого. Здесь шли земляные работы. Когда Галан приблизился к одной из траншей, оттуда послышались выстрелы, и несколько пуль просвистело над его головой. Марии Александровне Ярослав решил ничего не рассказывать: зачем ее волновать? Хватит с нее и постоянных анонимных звонков с угрозами…

Только после смерти Галана узнала Мария Александровна об этом случае в Стрыйском парке. Националисты не сложили оружия. Еще до того, как Лукашевич впервые посетил Галана на его квартире, его брат Александр по поручению подполья вел тщательную разведку жизни протопресвитера Гавриила

Костельника. Как мы уже говорили, после воссоединения всех украинских земель в едином советском украинском государстве Костельник возглавил инициативную группу по созыву собора греко-католической церкви. Собор собирается во Львове в марте 1946 года, и на нем принимаются исторические решения о ликвидации Брестской унии, разрыве с Ватиканом и возвращении в веру отцов, то есть соединении с православной церковью.

В один из солнечных осенних дней 1948 года Костельник, закончив службу в Преображенской церкви, медленно шел с церковным старостой по направлению к своему дому. За ними в толпе прихожан вышел и террорист. Приблизившись, он почти в упор разрядил парабеллум в затылок Костельника. Когда был убит Гавриил Костельник, один из отдыхающих вместе с Галаном в Доме творчества в Коктебеле получил письмо из Львова. В письме было подробное описание убийства и похорон Костельника. Он прочел это Галану.

Лицо Галана стало напряженным. Он вздохнул и сказал:

— Да… Следующая очередь моя!..

Это был единственный случай, когда он выдал свои мысли, полные горестного предчувствия, основанного на знании того, о чем люди, недавно поселившиеся во Львове, тогда еще только догадывались.

16 октября 1949 года, как это показал на суде Илларий Лукашевич, «Буй-Тур», разгневанный тем, что 8 октября Ромко струсил, вызывает Иллария и знакомит его с бандитом по кличке «Стефко».

Щепанский торопит: близится десятая годовщина воссоединения Западной Украины с Украиной Советской, и подполье по заданию Мюнхена и Ватикана должно заявить к этой дате о своём существовании убийством какого-нибудь крупного общественного деятеля, известного своей преданностью Советской власти.

Во время встречи «Буй-Тур» говорит Лукашевичу прямо:

— Медлить больше нельзя! Двадцать четвертого октября, и ни днем позже, Галан должен быть убит.

В то утро, позавтракав, Галан после ухода жены в филиал Музея имени В. И. Ленина, где она работала художницей, зашел в соседнюю с кабинетом комнату и сел за небольшой столик. Галан любил работать здесь.

Вместе с бумагами на столе лежала его книжечка «Фронт в эфире», изданная еще в Москве в 1943 году, когда Галан был радиокомментатором радиостанции имени Тараса Шевченко. Писатель хотел внести в статью, предназначенную для «Известий», цитату из своего памфлета военных лет «Львиный

город», посвященную родному Львову.

Галан писал статью «Величие освобожденного человека» по-русски:

«По-новому определились человеческие судьбы. В 1930 году в луцкой тюремной больнице лежал человек, дни которого, казалось, были сочтены. Ему пришлось пережить все ужасы полицейских пыток, самых изощренных, самых омерзительных… Палачей отнюдь не смущало то обстоятельство, что жертвой их издевательств был известный львовский литератор и публицист Кузьма Пелехатый. Избиваемый принадлежал к народу, объявленному вне закона, а популярность этого человека и мужество его только усиливали бешенство мучителей. Арестованный не поддавался угрозам, пытки не сломили его воли, поэтому арестованный должен был умереть. Но могучая натура победила: Кузьма Пелехатый остался тогда в живых. Страдания только закалили его, и он ни на один день не переставал быть собою, оставался честным, отважным борцом за освобождение своего народа…»

То, что писал Ярослав Галан о своем друге — депутате Верховного Совета СССР Кузьме Николаевиче Пелехатом, удивительно совпадало со всем тем, что было в судьбе самого Галана. И не знал он в тот последний, осенний день своей жизни, что фамилия Пелехатого значилась в тех самых «черных списках» подлежавших уничтожению людей, которые хранил в своем бункере Роман Щепанский. По указанию Мюнхена и клерикалов в этом списке уже давно значилась фамилия Галана. Уже был подобран террорист и для уничтожения Пелехатого — сын униатского попа Богдан Ощипко. Только простая случайность спасла Кузьму Пелехатого от бандитской пули.

Продумывая статью, Галан назвал в ней вслед за Пелехатым в перечне борцов за свободу Западной Украины доблестную львовскую комсомолку, радистку-партизанку отряда специального назначения, которым командовал сын брянского сталевара полковник Дмитрий Медведев, Марию Ких. Он рассказал о трудовом подвиге колхозницы села Скоморохи Ульяны Баштык, спасавшей в годы оккупации вдову и детей погибшего начальника 13-й пограничной заставы Алексея Лопатина.

Работалось хорошо, и вот он уже набрасывает заключительные строки статьи — его лебединой песни: «Исход битвы в западноукраинских областях решен, но битва продолжается. На этот раз — битва за урожай, за досрочное выполнение производственных планов, за дальнейший подъем культуры и науки. Трудности есть, иногда большие: много всякой

швали путается еще под йогами. Однако жизнь, чудесная советская жизнь победоносно шагает вперед и рождает новые песни, новые легенды, в которых и львы, и боевая слава будут символизировать отныне только одно — величие освобожденного человека».

Оставалось открыть машинку, заложить в нее бумагу и перепечатать написанное, когда в прихожей раздался звонок.

Из кухни к двери подошла домработница и спросила:

— Кто там?

Услышав знакомый ей голос Лукашевича, Довгун открыла дверь.

Галан пригласил гостей в комнату.

Лукашевич начал разговор. Стахур-«Стефко» незаметно зашел за спину Галана.

— Снова неприятности у нас в институте, — поспешно бросил Илларий.

— Какие?

Лукашевич подмигнул Стахуру. Это было сигналом.

Тот мгновенно выхватил из-за пояса топор и стал наносить один за другим удары по голове писателя.

Галан рухнул на пол…

Связав домработницу и забив ей кляпом рот, бандиты скрылись.

Но прежде чем выяснились многие подробности убийства, прежде чем были пойманы главные виновники злодеяния и их пособники, понадобилась напряженная, филигранная, удивительно сложная работа чекистов, размотавших клубок кровавого преступления и показавших всем воочию на суде облик того изуверского мира, в единоборство с которым смело вступил Ярослав Галан.

Дело Иллария Лукашевича и его сообщников слушал Военный трибунал Прикарпатского военного округа 3 и 4 января 1951 года.

Обвиняемые полностью признали свою вину.

На суде были сорваны все маски и с тех, кто выпускал на тропу убийств своих волчат-сыновей, кто вселял в них надежды на новую истребительную антинародную войну, кто, грубо попирая заповедь «Не убий», по существу, являлся соучастником убийств и прикрывал их именем Христа.

Денис Лукашевич показал на суде: «Будучи сам, как священник греко-католической церкви, настроен националистически, я в таком же духе воспитал и своих сыновей.

Их националистические убеждения и враждебное отношение к Советской власти в известной степени являются результатом

моего влияния на них. Я не мог смириться с тем, что мне придется жить и работать при Советской власти», — сказал Денис Лукашевич. Вместе с братьями Лукашевичами сидел и тот самый бандит по кличке «Ромко» — Тома Чмиль, которому не удалось убить писателя Ярослава Галана еще 8 октября 1948 года.

15 марта 1951 года по приговору Военного трибунала Прикарпатского военного округа Илларий, Александр и Мирон Лукашевичи, а также Тома Чмиль после отклонения их просьб о помиловании были расстреляны.

Где-то на нелегальном положении оставался еще Михаил Стахур по кличке «Стефко», но и его настигла карающая рука народа.

На следствии я на суде над Стахуром выяснились новые подробности убийства не только Галана, но и целого ряда ни в чем не повинных тружеников, убитых до этого Стахуром.

Свыше восьмисот трудящихся Львова и окрестностей старинного украинского города собрались в Доме культуры железнодорожников 16 октября 1951 года на открытый процесс Военного трибунала Прикарпатского военного округа над убийцей Галана — Михаилом Стахуром. И у каждого, кто смотрел на этого выродка, сидящего на скамье подсудимых, пигмея, оборвавшего светлую жизнь Ярослава Галана, возникал один и тот же вопрос: кто мог воспитать такую нечисть?

Те, кому уже были известны материалы предварительного следствия, знали, что за его плечами те же зловещие, фигуры священнослужителей.

Когда в переполненном зале Дома культуры железнодорожников государственный обвинитель от имени народа закончил свою речь словами:

— К смертной казни! Бешеных собак надо уничтожать!.. — и бурные аплодисменты встретили это требование советского правосудия.

Рабочие заводов и фабрик, колхозники, писатели, артисты, ученые поддержали требование прокурора.

Террорист Михаил Стахур был повешен.

Со временем был пойман и посажен на скамью подсудимых главный организатор убийства Галана Роман Щепанский. Под тяжестью предъявленных ему улик и доказательств в своем последнем слове Роман Щепанский («Буй-Тур») вынужден был признаться: «Перед судом раскрылась вся картина совершенных мною злодеяний. В свое оправдание мне сказать нечего. Но я хочу сказать о том, что довело меня до жизни такой. Суду известно, что я происхожу из семьи священника. С детства я воспитывался под влиянием пропаганды мракобесия Ватикана. ОУН же — это

организация, не содержащая в себе ничего творческого. Под влиянием этого фанатизма я совершил множество злодеяний против украинского народа, против Советской власти, против своей родины. Я понимал, что значит убийство талантливого украинского писателя Ярослава Галана. Но это убийство я организовал, выполняя приказ своих главарей».

«Покаяние» Щепанского было крокодиловыми слезами припертого к стене убийцы. Расстрел поставил последнюю точку в конце его гнусного пути.

Устами прокуроров, обвинявших националистических убийц, говорила высшая справедливость. Приговаривались к смерти не один какой-нибудь Стахур или Щепанский — весь старый мир насилия и обмана, мир шептицких и тупого в своей звериной ненависти к коммунизму украинского национализма, с которым всю жизнь яростно вел бой Ярослав Галан.

Глава о любви и ненависти

Львов… Город Ярослава Галана.

Он прекрасен, этот город.

Еще совсем недавно путник, въезжавший во Львов, встречал на его воротах замшелых каменных львов. Оцепеневшие в многовековой неподвижности, они как бы символизировали неизменность бытия охраняемой ими со всех сторон древней княжеской столицы. Сжигали ее неоднократно грозные пожары, опустошали вражеские нашествия, загоняли в оковы чужеземных законов колонизаторы, но, как сказочный феникс возникая из пепла, былая столица Червонной Руси выстояла я пришла в наши дни в волшебном облике молодого советского Львова.

Люди проходят по улицам имени Александра Гаврилюка, Степана Тудора, Ярослава Галана и с гордостью вспоминают гражданский подвиг этих благородных сынов украинского народа, оставивших неповторимый след на этой земле.

Гвардейская… Последняя квартира Галана…

Слепящее солнце пробивается сквозь белые шторы. Блики, искрящиеся, радужные, плывут по стенам, по корешкам книг, газетам, картинам, фотографиям… Львов еще только проснулся. Стаи голубей вьются над карнизом соседнего дома; оставляя дымный след в небе, ушел реактивный самолет на Москву; машина остановилась у булочной; в сторону университета прошли студенты с книжками. Гвардейская наполняется голосами детей, и сквозь распахнутое окно летят желтые листья.

Дверь в соседнюю комнату приоткрыта. Кажется, вот-вот войдет сам хозяин, сядет за письменный стол, и мелкой дробью разлетится по квартире стук пишущей машинки…

Но такого не случится. Ты можешь увидеть его только на портрете: пристальные глаза, крепко сжатые губы, твердое лицо, гневное, нахмуренное. На портрете уже не в его, Галана, квартире, а на стене мемориального музея. Читаем записи в книге:

«Дорогой Ярослав Галан! И я была верующей — штундисткой и блуждала среди них овцой, как в темной обители. Комсомольцы и друзья помогли мне и дали прочитать книги твои. А черные вороны и ныне каркают на меня при встрече. Пришла в твой дом, чтобы силы и выдержки почерпнуть побольше. Хочу жить без страха божьего, как весь честный народ, как ты, герой наш!

Мирослава из Старого Ярычева на Львовщине. 20/VII 1961 г.».

Афиши театров… Пьесы Галана ставили театры Украины,

Владивостока и Кирова, Каменец-Уральска и Куйбышева, Южно-Сахалинска и Щербакова, Барнаула и Симферополя, Мурманска, Тулы, Ачинска, Рязани, Фрунзе, Белоруссии и Узбекистана, Коми АССР и Эстонии, Латвии и Казахстана, Киргизии и Татарской АССР, Карело-Финской ССР, Молдавии и Грузии, Болгарии и Румынии.

На письменном столе — пачка писем. Они пришли со всех концов Советского Союза. Многие из них — отклики на радиопостановки пьесы «Под золотым орлом». «Я был защитником героического Севастополя. Может быть, вместе с Макаровым не раз ходил в атаку на врага», «Только наша страна могла воспитать таких замечательных людей, как Андрей Макаров», — пишет из Волгоградской области лесоруб Д. С. Чурюмов. «Какой замечательный человек был Андрей Макаров! — пишет группа воинов. — Он дал присягу служить Родине и был верен ей до конца своей жизни. Но он в своем подвиге не одинок…»

Их много, очень много, таких голосов. Но, может быть, весомей других сказала об этом «Правда» в редакционной статье, посвященной дню рождения Галана: «Люди трудятся в колхозе, носящем имя Ярослава Галана, живут на улице Галана, ходят в Театр имени Галана, защищают диссертации и дипломные работы о творчестве Галана. О нем написаны книги, стихотворения, школьные сочинения, поставлены кинофильмы, Порог мемориального музея во Львове перешагнули уже многие тысячи людей со всех концов страны, из далеких чужих земель… Галана нет в живых — он погиб. Но живы его книги. Они, как солдаты, несут свою бдительную службу…»

Улица Ярослава Галана приводит к университету. Даже не заходя в аудитории этого крупнейшего научного центра Львова, а просто постояв у его входа и понаблюдав за молодежью, зримо ощущаешь еще одну очень важную примету нового времени, привнесенную в город Советской властью.

До исторической осени 1939 года коридоры и аудитории Львовского университета, «Политехники», как, впрочем, и других высших учебных заведений города, были местами кровопролитий, ожесточенной борьбы украинской молодежи за право учиться на родном языке. Иногда эта борьба выплескивалась и на Академическую улицу, названную сейчас проспектом Тараса Шевченко. Вооруженные бритвенными лезвиями, палками, стояли там, поджидая «проклятых гайдамаков», студенты-шовинисты. Их действия приобретали иной раз настолько угрожающий характер, что даже польский премьер — профессор Казимир Бартель выступил с трибуны Польского сейма против разнузданных

молодчиков. Они отплатили Бартелю за это его выступление так: по Львову загуляла свинья, а на боку у нее была написана дегтем фамилия: «Бартель». Вдохновители шовинистической молодежи тридцатых годов — немецкие фашисты расправились с Казимиром Бартелем иначе.

Захватив советский Львов в конце июня 1941 года, они уже 1 июля выволокли Казимира Бартеля из Львовского политехнического института, а затем зверски убили его.

Сегодня в учебных заведениях Львова нет и признака той национальной вражды, которая еще так недавно держала в нервном напряжении и профессуру и студенчество. На одной скамье сидят украинцы, русские, поляки, молдаване, венгры и даже уроженцы далекой Африки!

Проходим Стрыйский парк и решаем: теперь — к нему, на старинное Лычаковское кладбище. Склоняем головы перед памятником великому «Каменяру» Ивану Франко. Подолгу стоим у соседних могил — Степана Тудора и Александра Гаврилюка, Кузьмы Пелехатого, Петра Козланюка.

Думается: как удивительно и символично распоряжается судьба подчас самыми сложными обстоятельствами! По жизни они шли рядом. А потом в какие только немыслимые дали не забрасывала их судьба! И вот снова встретились здесь, за чертой жизни. Только не в небытии, а в бессмертии.

И — в благодарной памяти преображенного Львова. Это и их трудом и мужеством город стал крупнейшим промышленным центром Украины. Индустриализация города начиналась еще в те дни, когда советские войска, освободив Львов в последних числах июля 1944 года, выходили к Висле. Тогда было несколько необычно слушать слова партийных руководителей о планах больших экономических преобразований города, зная, что враг еще рядом, а вокруг, в лесах, злобствуют банды.

Сейчас на заводах Львова выпускают сельскохозяйственные машины и оконное стекло, автобусы и велосипеды, телевизоры и телеграфную аппаратуру. Механизмы, созданные на недавно возникшем львовском заводе «Автопогрузчик», облегчают труд людей, и не только в Советском Союзе: их можно увидеть в портах Бирмы и Египта, Польши и Болгарии, Румынии и Ливана. Из тихого воеводского центра с мелкой, кустарной промышленностью Львов превратился в город тружеников, которые изготовляют сложнейшие машины, ремонтируют паровозы и вместе со студентами и научными работниками, вместе с разведчиками нефти и угля определяют основное социальное лицо города.

В годы гитлеровской оккупации поэт Александр Баумгардтен

в поэме, распространяемой нелегально, назвал Львов городом, «открытым вечности и закрываемым наглухо в девять». Советские танки, с победоносным грохотом ворвавшиеся во Львов памятным летом 1944 года, отменили навсегда этот «полицейский час», по которому все годы оккупации улицы города становились безлюдными ровно в девять.

Рабочие и инженеры, пришедшие в Кварталы Львова вслед за воинами, своим воистину подвижническим трудом открыли городу маршрут в вечность, в бессмертие. Каждая новая шахта, закладываемая на Волыни и близ Сокаля, каждая новая нефтяная скважина близ Долины — это еще одна новая страница бессмертной славы города Ярослава Галана.

Он прекрасен, как никогда, — позолоченный красками щедрой осени древний красавец Львов, город, открытый вечности, как и голубая бескрайняя даль, что так хорошо проглядывается с его дымчатых холмов.

Читатель раскрывает все новые и новые книги Галана. Журналы счастливы новейшим публикациям его рассказов, памфлетов, записных книжек. На премьеры пьес Галана трудно достать билеты. Тысячи посетителей прошли через Музей Ярослава Александровича на Гвардейской во Львове. Сотни исследователей, аспирантов, студентов, рабочих, учащихся — всех, кому дорог Галан и кто ищет в творчестве его радости, вдохновения и открытий, — получают здесь быструю и обстоятельную консультацию.

Галан умер, как умирают в бою, сделав последний шаг грудью вперед. Он погиб солдатом переднего края советской литературы. Его гневные, жгучие строки, как грозное оружие, приняли те, за кого он отдал жизнь, — честные люди мира.

…Уже давно закончились судебные заседания по делу обвиняемых в убийстве Ярослава Галана, и дела этих процессов покоятся в архивах.

Но следствие по этому кровавому делу не закончено, потому что на свободе еще за рубежом вдохновители этого убийства. В Мюнхене и Виннипеге, в Нью-Йорке и Детройте, в Лондоне и Мадриде расползшиеся по всему свету бандеровские недобитки с судорожной ненавистью вспоминают Ярослава Галана, клевещут на него.

Потому что для них он и сегодня жив. И сегодня наносит им яростные удары. И так же, перекрывая их жалкий лай, гремит по-прежнему как набат его голос:

Москва — «это, наверное, единственный город в мире, К которому никто не относится равнодушно… Человечество раскололось на два лагеря: на тех, кто любит Москву, и кто ее

ненавидит. Нейтральных нет: линия раздела проходит через каждый континент, она затрагивает каждое человеческое сердце.

Иначе быть не может. Любить Москву — это значит любить человечество, верить в него, верить в его завтрашний день, и ради этого дня работать, бороться, а если надо — и погибнуть в бою. Ненавидеть Москву — значит быть врагом человечества, врагом его наилучших стремлений, врагом грядущих поколений…

На страже свободы и независимости Украины крепко стоит могучая советская Москва — столица и символ нашего великого социалистического Отечества — СССР. В этом источник нашей любви к ней».

1949–1970
Львов — Москва

Основные даты жизни и творчества Ярослава Галана

1902, 27 июля — Родился в местечке Дынов Львовского воеводства в тогдашней Австро-Венгрии.

1909–1913 — Учился в начальной школе города Перемышля. Выдержал экзамены в первый класс гимназии.

1914 — Закончил первый класс гимназии. Накануне войны — арест отца и заключение его в концлагерь Талергоф.

1915 — Эвакуируется вместе с матерью, сестрой и братом в город Ростов-на-Дону.

1915–1918 — Учеба в Ростовской гимназии. Начало участия в революционном движении.

1918–1922 — Возвращение в Перемышль. В 1922 году сдает экзамены на аттестат зрелости. Уезжает в Триест (Италия), где учится в Высшей торговой школе.

1923 — Поступает на философский факультет Венского университета, отделение славянской филологии. Знакомство с рабочим движением. Участие в студенческих организациях и рабочем товариществе «Единство».

1924 — На каникулах в Перемышле вступает в члены подпольной КПЗУ.

1926–1928 — Переводится в Краковский университет. Работает в прогрессивных студенческих организациях «Жизнь» и «Пролом». Работает над пьесами «Дон-Кихот из Этенгейма», «Груз».

1928–1929 — Заканчивает Краковский университет. Работает учителем в Луцке. Затем переезжает во Львов.

1930 — Публикует пьесу «Вероника» в журнале «Нови шляхи», пьесу «99 %», памфлеты и очерки в журнале «Викна». Во Львове и Харькове отдельными книжками выпускает пьесу «Груз». «Рабочий театр» во Львове ставит пьесу «99 %».

1931 — Работает в «Викнах», выходит отдельной книгой пьеса «99 %». Пишет публицистические произведения «Львов накануне», «Последние годы Ватагонии» и др.

1932–1935 — Пишет пьесу «Ячейка», рассказы «Казнь», «Целина», «Неизвестный Петро», «Мертвые борются» и др. Живет в селе Нижний Березов на Гуцульщине. Переезжает во Львов и принимает участие в организации Антифашистского конгресса в защиту культуры.

1936 — Принимает участие в подготовке и работе Антифашистского конгресса. Переезжает в Варшаву, где работает

в прогрессивной газете «Дзенник популярни».

1937 — Арест работников «Дзенник популярни». Заключение в тюрьму в Варшаве, а потом в «Бригидки» (Львов).

1938 — Безработный. Живет во Львове.

1939 — С первых дней освобождения Западной Украины работает в газете «Вильна Украина».

1940 — Работает в журнале «Литература и мистецтво», публикует рассказы и очерки: «Дед Мартин», «Йоася», «Рождение легенды» и др.

1941 — Заведует литературной частью во Львовском драматическом театре имени Леси Украинки. Отдых в Коктебеле. Начало войны — эвакуация в Казань и Уфу. С октября 1941 года работает в редакции журнала «Новые горизонты» (Москва).

1942 — Радиокомментатор радиостанции имени Т. Г. Шевченко в городе Саратове.

1943 — Выходит книга «Фронт в эфире». Работает в газете «Советская Украина» (Москва, Купянск, Старобельск), в группе журналистов при ЦК КП(б)У (Москва, Харьков), комментатором прифронтовой радиостанции «Днипро». С конца года и до 1949 года корреспондент газеты «Радянсъка Украина».

1944 — Приезжает в освобожденный Львов.

1945 — Зарубежная поездка по частям Советской Армии (Германия, Польша, Чехословакия, Австрия, Венгрия). Двумя изданиями выходит памфлет «С крестом или ножом?..».

1946 — Присутствует в Нюрнберге на процессе главных гитлеровских военных преступников. Ездит по Германии, Польше, Чехословакии. Был на Всеславянском конгрессе в Югославии.

Выходит памфлет «Что такое уния». Избирается депутатом Львовского горсовета.

1946–1948 — Работает над памфлетами «Отец тьмы и присные» и «Их лица», «Сумерки чужих богов», пьесой «Под золотым орлом».

1949 — Вступает в ряды Коммунистической партии Советского Союза Работает над новыми произведениями.

24 октября — Предательски убит националистическими агентами.

Краткая библиография

Основные сочинения:

«Избранное». Пер. с укр. М., изд-во «Советский писатель», 1951.

«Вибране», К., вид-во «Рад. письменник», 1951.

«Избранное». Пер. с укр. М., изд-во «Советский писатель», 1952.

«Ватикан без маски». Пер. с укр. М., изд-во «Литературная газета», 1952.

«Свет с Востока». Пер. с укр. М., изд-во «Молодая гвардия», 1954.

«Избранное». Пер. с укр. М., Гослитиздат, 1958.

«Твори». В 2 томах. К., Держлїтвидав, 1953.

«Твори». В трьох томах. К., Держлїтвидав, 1960.

Литература о жизни и творчестве Ярослава Галана:

Беляев Владимир, Ярослав Галан. В кн.: Галан Я., Избранное. М, изд-во «Советский писатель», 1951, стр. 3–8.

Беляев Владимир, Боец переднего края. В кн.: Галан Я., Ватикан без маски. М., изд-во «Литературной газеты», 1952.

Беляев Владимир, Путь борца. В кн.: Галан Я., Свет с Востока. М., изд-во «Молодая гвардия», 1954, стр. 3–36.

Беляев Владимир, В кн.: «Ночные птицы». М., изд-во политической литературы, 1965.

«Боротьба трудящихся Львівщини проти Німецько-фашистських загарбників». Львів, вид-во «Вільна Україна», 1949.

Буряк Борис, В кн.: «В сім'ї щасливій», Львів, вид-во «Вільна Україна», 1949.

Буряк Борис, Ярослав Галан. В кн.: Галан Я., Избранное. М., Гослитиздат, 1958, стр. 593–597.

Буряк Борис, В кн.: «Служіння народов!». К., Держлітвидав, 1960.

«Вікна», журнал, 1927–1930.

Даниленко С., Дорогою ганьби і зради. К., вид-во «Наукова думка», 1970.

Довгалюк Петро, В кн.: Галан Я., Твори в трьох томах, К., Держлітвидав, 1960, стр. 5–44.

Добрич Володимир, У тіні святого Юра. Львів, вид-во «Каменяр», 1968.

Евдокименко В. Ю., Критика ідейних основ українського буржуазного націоналізму. К., вид-во «Наукова думка», 1967.

Ёлкин Анатолий, Ярослав Галан в борьбе с католической и американской реакцией. «Вестник Ленинградского университета», 1951, № 10, стр. 85–100.

Елкин Анатолий, Ярослав Галан. (Новые материалы.) «Звезда», 1952, № 7, стр. 163–172.

Елкин Анатолий, Библиография противоватиканских работ Я. А. Галана. В кн.: «Вопросы истории религии и атеизма». М., изд-во АН СССР, т. 2, 1954, стр. 288–292.

Елкин Анатолий, Ярослав Галан. Очерк жизни и творчества. М., изд-во «Советский писатель», 1955.

Елкин Анатолий, Степан Тудор. Критико-биографич. очерк. М., изд-во «Советский писатель», 1956.

Замлинський Володимир, Шлях чорної зради. Львів, вид-во «Каменяр», 1969.

Косач Юрий, Вид феодалізму до неофашизму. Нью-Йорк, 1962.

«Людьскоі крові не змити». Книга фактів. К, 1970.

Мельничук Ю., Ярослав Галан. Львівске кн. — журн. вид-во, 1953.

Млинченко К. М., Зброєю полум'яного слова. К., вид-во АН УССР, 1963.

Млот Франтишек, Мешок иуд, или Разговор о клерикализме. Краков, 1911. На польском языке.

Полевой Борис. В конце концов. М., изд-во «Советская Россия», 1969.

«Пост имени Ярослава Галана». Сборник. Львів, вид-во «Каменяр», 1967.

«Правда про унію». Документи і матеріяли. Львів, вид-во «Каменяр», 1968.

Терлиця Марко, «Правнуки погані». Киев, изд-во «Радянський письменник», 1960.

Терлиця Марко. Націоналістичі скорпіони. Киев, изд-во «Радянський письменник», 1963.

«Ті, що канули в пітьму». Львів, вид-во «Каменяр», 1968.

Ткачев П. И., Вечный бой. Минск, изд-во БГУ, 1970.

Цегельник Яків, В кн.: Галан Ярослав, Спогади про письменника. Львів, вид-во «Каменяр», 1965.

Чередниченко В., Націоналізм против нації. К., 1970.

Галан Ярослав, Спогади про письменника, Львів, вид-во «Каменяр», 1965.